

16+

РАЗЛОГИНЬСЯ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

История, написанная для вас

АЙДЕТОПИСЬ

Разлогинься, чтобы ВЫЖИТЬ

История, написанная для вас

16+

Глава 1. Чих, меняющий реальность

Лич-Пенсионер взмахнул посохом. Медленно. Как будто в очереди за пенсией стоял и никуда не торопился.

Харон принял удар на щит. Блок вышел автоматически — мышцы помнили тайминг лучше головы. Искры брызнули в темноту подземелья, осветив пыльные колонны и осыпающуюся лепнину на сводах.

— У него кулдаун минута сорок. Я засекал. Минута сорок, народ. Вы представляете? У финального босса элитного рейда кулдаун удара — минута сорок.

Харон говорил в войс-чат, но голос звучал странно — глухо, будто из бочки. Он уже десять минут не мог понять, баг это или новая фишка патча.

— Я «Эдем-7» качал не для того, чтобы с пенсионером в шахматы играть, — продолжал он, уворачиваясь от следующего удара. Уворот вышел с перекатом. Лишним. Харон перекатился с грацией боевого кота, хотя его орк весил под сто тридцать кило в одной только броне. — Кривой билд, конечно, но хоть не скучно.

— Харон, заткнись, пожалуйста, у меня от твоего нытья концентрация сбивается, — Мелиса чихнула. — И вообще, может, у меня аллергия на твой пессимизм? А не на пыльцу.

Она чихнула ещё раз. Потом ещё. Интерфейс перед глазами задёргался: иконка «Благословение регенерации» мигнула и пропала.

— Чёрт. Я опять сбила каст.

— Второй раз за бой, — подал голос Когер.

Он висел на стене в десяти метрах над ареной, вцепившись крюками в щель между каменными блоками. Разбойник ждал окно для Backstab. Окно не открывалось уже шесть минут.

— Я считал.

— Слушай, ну прости, я не виновата, что тут какая-то дрянь цветёт! — Мелиса снова чихнула. — Это вообще надо запретить. В подземельях. Цветы. Кому они тут нужны?

— Для атмосферы, — сказала Зарина.

Она стояла в дальнем углу арены, прикрытая сталагмитом. В одной руке — светящийся гримуар, в другой — светящийся провод, который она вытащила из собственных волос и теперь задумчиво наматывала на палец.

— Разработчики же старались. Тут целая история. Лич-Пенсионер — это бывший архимаг Ордена Серебряной Розы. Его уволили за то, что он потратил весь бюджет гильдии на гербарий. И он проклял это место, чтобы тут вечно цвели цветы.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Харон, принимая очередной удар.

Минута сорок прошла. Лич снова взмахнул посохом.

— Я читала описание подземелья. Там вкладка «Лор», ты просто её не открывал.

— Я не читаю лор, я танкую.

— А зря. Там написано, что его можно заставить, если сказать кодовое слово.

— Какое?

Зарина сверилась с гримуаром. Провод в её пальцах мигнул синим.

— «Гербарий».

Лич-Пенсионер замер на полувзмахе. Его посох, увитый засохшими розами, завибрировал.

— Что?! — голос Лича был скрипучим, как несмазанная петля. — Кто посмел произнести это слово в моём присутствии?!

— Ого, сработало, — Зарина захлопала в ладоши. — Ребята, у него открылась уязвимость! Когер, бей!

Когер не ответил. Он просто спрыгнул.

Двадцать метров до каменного пола. Разбойник вошёл в пике, плащ развернулся за спиной чёрным крылом. На десяти метрах он активировал Shadowstep. На пяти — выбросил оба клинка.

Критический удар. Backstab. Множитель x4 за уязвимость.

Лич-Пенсионер рухнул на колени. Его посох покатился по камням, выбивая искры. Цветы на стенах подземелья разом увяли.

— Наконец-то, — выдохнула Мелиса. — Шесть минут сорок три секунды. Я считала.

Когер приземлился на спину поверженного босса и спрыгнул на пол. Убрал клинки в ножны. Поправил капюшон.

— Лут, — сказал он.

— Погоди, — Харон подошёл ближе. Броня лязгнула. — Мне надо понять. Мы что, только что убили финального босса элитного рейда за четыре секунды? Потому что Зарина прочитала лор?

— Да, — сказала Зарина. — А что?

— А то, что я этого рейда ждал три недели! Я качался, я билды пересчитывал, я крафтил зелья. И что? Один чих — и всё?

— Вообще-то, — Мелиса подняла палец, — чихала тут я. И это не помогло. Помогло то, что Зарина прочитала лор.

— Да какая разница!

— Большая. Чих — это случайность. А чтение лора — это осознанный выбор. Я, между прочим, всегда читаю описания предметов. Даже серых.

Когер хмыкнул. Это был его первый звук за последние десять минут, не считая «Лут».

Харон повернулся к нему.

— А ты чего молчишь? Тоже, небось, лор читаешь?

— Нет. Я смотрю PvP-гайды.

— О, господи.

Зарина тем временем уже копалась в луте. Лич-Пенсионер рассыпался серым пеплом, оставив после себя стандартный набор: золото, два синих предмета и что-то, светящееся ядовито-розовым.

— Ребята, — позвала она. — А это что?

Розовое свечение пульсировало. Оно напоминало интерфейс системных сообщений, но объёмное, материальное. В воздухе над пеплом висел свиток. Не нарисованный, не текстура — настоящий, с неровными краями и печатями из сургуча.

— Это баг? — спросила Мелиса. — У нас на сервере нет физических предметов. Всё только в интерфейсе.

— Это не баг, — Зарина протянула руку. Провод в её волосах заискрился. — Это Артефакт. Настоящий.

— Какой ещё артефакт? — Харон подошёл ближе. — Я все патчноуты читаю. Нет там никаких артефактов.

— А это не из патчноутов. Это из лора.

Зарина развернула свиток. Строчки на нём были написаны от руки, убористым почерком с завитушками. В самом низу стояла печать: «Утверждено. Администратор Сервера №7».

— «Багнутый Артефакт Фоновой Загрузки», — прочитала она вслух. — «Позволяет активировать скрытый

контент сервера. Внимание: использование артефакта может привести к непредсказуемым последствиям. Администрация ответственности не несёт. Пункт 14.2 Пользовательского соглашения».

— Стой, — Харон выставил руку. — Не читай дальше.

— Почему?

— Потому что «Пункт 14.2» — это та часть соглашения, которую никто никогда не читает. Там обычно написано что-то вроде «вы отдаёте нам душу и право на вашу левую почку».

— У орков нет почек, — заметила Зарина. — У них единый фильтрационный орган.

— Откуда ты...

— Из лора.

Она вернулась к свитку. Строчки внизу гласили: «Для активации произнесите вслух код разблокировки». Дальше шла строка на Old Tongue — мёртвом языке, который разработчики придумали для магических заклинаний.

Зарина набрала в грудь воздуха.

— Подожди! — хором сказали Харон, Мелиса и Когер.

Но Зарина уже читала.

А потом Мелиса чихнула.

Это был не обычный чих. Это был тот самый чих — глубокий, сотрясающий, от которого у неё всегда сбивался каст. Воздух вокруг неё пошёл рябью. Мана, которую она бессознательно накопила для лечения, выплеснулась в чих вместе с потоком воздуха и микроскопическими частицами пыльцы.

Капля слюны упала прямо на свиток.

Розовое свечение стало ослепительным. Свиток в руках Зарины задрожал, пошёл трещинами, и сквозь эти трещины хлынул свет — не магический синий, не системный розовый, а белый, стерильный, как лампа

дневного света в офисном туалете.

— Чт... — начал Харон.

Мир схлопнулся.

Никакой анимации. Никакого эффекта перехода. Только розовое системное окно, развернувшееся на весь экран:

«Критическая ошибка.Arteфакт активирован некорректно. Сбой инициализации. Причина: биологическое загрязнение. Запуск процедуры принудительного выхода. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Расчётное время завершения: неизвестно».

И тишина.

А потом — голос. Казённый, с лёгким потрескиванием, как из старого динамика:

— Внимание. Ваш тикет принят. Номер очереди: 1. Ожидайте ответа Админа.

Свиток пульсировал ядовито-розовым. Свечение било в глаза, и Харон зажмурился.

А когда открыл — всё изменилось.

Подземелье Лича-Пенсионера исчезло. Вместо пыльных колонн и осыпающейся лепнины — серый туман. Вместо каменного пола — пустота под ногами. Пустота, которая почему-то держала.

— Что за...

Харон повернулся. Броня лязгнула — звук ушёл в никуда, не вернувшись эхом. Рядом стояли Мелиса и Когер. Зарина — чуть поодаль, всё ещё сжимая в руках дымящийся свиток.

— Это что, лоадинг-скрин? — спросила Мелиса. — Только серый? Обычно у них хоть подсказки снизу, а тут...

Она чихнула. Звук получился странный — слишком громкий, как в пустой комнате.

— Это не лоадинг, — Зарина подняла свиток к глазам. Провод в её волосах мигал фиолетовым, подсвечивая строчки. — Тут дальше текст. Он проявился после... После всего.

— Дай сюда, — Харон протянул руку.

Зарина отшатнулась.

— Нет. Я первая прочитаю. Это я его нашла. И вообще — я маг. Мне по классу положено читать заклинания.

— Ты уже начитала. В прошлый раз.

— Это был не я! Это Мелиса чихнула!

— Я не специально! — Мелиса снова чихнула. — У меня аллергия на этот туман, между прочим. Тут явно что-то цветёт. Или цвело. Или собирается цвести.

— В тумане ничего не цветёт, — сказал Когер. — Это не органика.

Все замолчали. Когер редко говорил больше трёх слов подряд. Когда он произносил целое предложение — это было событие.

— Откуда ты знаешь? — спросил Харон.

— PvP-арены. Там тоже туман. В ущелье Кровавых Скал. Не цветёт ничего.

— Сравнил. PvP-арена и багнутый рейд.

— А какая разница? Туман — это туман. Текстура.

Харон хотел возразить, но передумал. Спорить с Когером было бесполезно. Разбойник всегда говорил только то, что считал нужным, и никогда не менял мнение.

Зарина тем временем развернула свиток до конца. Строчки на Old Tongue исчезли — вместо них проступил текст на общем. Буквы были кривыми, как будто их печатал кто-то с трясущимися руками.

— «Артефакт Фоновой Загрузки, версия 2.7.1, хотфикс от третьего числа», — прочитала она вслух. — «Активация

произведена с нарушением протокола. Биологический материал на носителе. Запуск протокола принудительной релокации».

— Какого ещё протокола? — Мелиса подошла ближе, заглядывая через плечо Зарины.

— Тут дальше... «Внимание: аварийный протокол не предусматривает возврат в главное меню. Для выхода из аварийного режима необходимо завершить финальный рейд».

Харон почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Не в переносном смысле — в прямом. Как будто какая-то струна в груди лопнула и теперь болталась, задевая рёбра.

— Что значит «не предусматривает возврат»? — спросил он медленно. — У нас в EULA чёрным по белому: «Игрок имеет право выйти из игры в любой момент, кроме PvP-сражений и босс-файтов». Это пункт три-два. Я читал.

— Врёшь, — сказал Когер. — Ты не читаешь EULA.

— EULA я читаю! Это лор я не читаю!

— Пункт три-два, — Зарина провела пальцем по свитку, — отменяется пунктом четырнадцать-два. Который гласит: «Администрация Сервера №7 оставляет за собой право вносить изменения в условия выхода без предварительного уведомления в случае активации скрытого контента».

— Кто вообще писал это соглашение? — Харон сжал кулаки. Броня на перчатках заскрипела.

— Уставший юрист, — ответила Зарина. — Это в лоре было. Разработчики наняли одного юриста на весь сервер. Он проработал три года без отпуска и написал двести страниц соглашения за одну ночь. А потом уволился и ушёл в запой.

— И поэтому мы теперь застряли?

— Получается, так.

Мелиса чихнула. Потом ещё раз. Потом ещё три раза подряд.

— Простите, — она вытерла нос рукавом мантии. — У меня всегда так, когда я нервничаю. А я сейчас очень нервничаю. Очень-очень.

— Это мы уже поняли, — буркнул Харон.

Он попытался вызвать меню. Мысленно нажал Escape — жест, который за три года игры стал рефлексом. Ничего. Ни розового окошка, ни иконки выхода, ни ползунка громкости.

— У меня меню не работает. У всех так?

— Так, — сказал Когер.

— У меня даже интерфейс пропал, — Мелиса всхлипнула. — Я не вижу шкалу маны. И хит-поинты. Как я буду лечить, если не вижу хит-поинты?

— На глаз.

— Что?!

— Лечи на глаз. Как в жизни.

— В жизни я не лечу! В жизни у меня аллергия на пыльцу и хронический гайморит! Я поэтому в хилеры и пошла — Мелиса осеклась. — Неважно. В общем, я не умею лечить без интерфейса.

Зарина свернула свиток и сунула его в рукав мантии.

— Погодите. Надо просто успокоиться и подумать логически. Мы в игре. Игра — это код. Код — это алгоритм. У любого алгоритма есть вход и выход. Значит, и у нас есть выход. Просто надо понять, как он работает.

— Через финальный рейд, — напомнил Харон. — Ты сама прочитала.

— Да, но что такое «финальный рейд»? Это не обязательно подземелье. Может, это какая-то цепочка квестов? Или PvP-турнир? Или...

— Или нас просто грохнут раз сорок, пока мы не найдём нужную механику, — перебил её Харон. — Как всегда.

— Вообще-то, — Мелиса подняла палец, — если у нас нет интерфейса, мы не знаем, сколько у нас жизней. И есть ли они вообще. И что будет, если мы умрём. Вдруг это перманентная смерть? Как в хардкорном режиме?

Туман вокруг них начал рассеиваться. Медленно, полосами — как будто кто-то сматывал серую вату. Проступили очертания.

Комната. Каменные стены. Потолок низкий, давящий. В углу — деревянный стол, заваленный бумагами. На стенах — полки с папками. Пахнет пылью и старым клеем.

— Это что, канцелярия? — спросил Харон.

— Архив, — поправила Зарина. — Смотрите, на папках герб Ордена Серебряной Розы. Это архив Лича-Пенсионера.

— Какой ещё архив? Мы же его убили!

— Убили. А архив остался. Это инстанс. Он загружается отдельно.

В центре комнаты, прямо над столом, висело розовое системное окно. Единственный элемент интерфейса, который работал. На нём было написано:

«Тикет №1. Статус: в обработке. Приоритет: низкий. Описание проблемы: биологическое загрязнение Артефакта Фоновой Загрузки. Ответственный: Админ-Бюрократ. Расчётное время ответа: неизвестно».

— Низкий приоритет? — Харон подошёл к окну и ткнул в него пальцем. Палец прошёл насквозь — окно было голограммой. — Нас заперло в игре, а у них низкий приоритет?!

— Не кипятись, — сказала Зарина. — Это стандартная бюрократия. Сначала они обрабатывают тикеты

премиум-пользователей. У нас обычные аккаунты.

— Откуда ты...

— Из лора. В «Эдеме-7» трёхуровневая система поддержки. Премиум, стандарт и фри-ту-плей. Мы с тобой — стандарт. Мелиса — тоже. Когер...

— Премиум, — сказал Когер.

Все замолчали.

— У тебя премиум? — переспросил Харон. — Ты купил премиум-аккаунт?

— Да.

— Зачем?!

— Там скин на плащ. Чёрный с золотым шитьём. Эксклюзив.

Харон закрыл лицо рукой. Броня лязгнула.

— Когер. Ты понимаешь, что если бы ты сказал об этом раньше, мы могли бы написать в премиум-поддержку? И нас бы вытащили в обход очереди?

— Не могли.

— Почему?

— У меня истёк. Вчера.

— У тебя истёк премиум?!

— Да. Я не продлил. Там повысили цену на тридцать процентов. Из-за инфляции в игровой экономике.

— В игровой экономике нет инфляции! — Харон почти кричал. — Ты что, не читаешь патчноуты?!

— Я смотрю PvP-гайды.

— О, господи.

Зарина подошла к столу и начала перебирать бумаги. Пыль поднималась облаками, Мелиса чихала не переставая.

— Тут что-то есть, — сказала Зарина. — Смотрите. Это не просто бумаги. Это документация на Артефакт.

Она подняла один из листов. Жёлтый, потрёпанный, с обгоревшими краями. На нём — схема. Круги, стрелки, подписи на Old Tongue.

— «Руководство пользователя», — перевела Зарина. — «Артефакт Фоновой Загрузки. Модель 2.7.1. Для активации основного протокола требуется ключ-слово. Для деактивации аварийного протокола требуется...»

Она замолчала.

— Что? — Харон подошёл ближе. — Что требуется?

— Тут вырвана страница. Смотрите — вот край. Кто-то специально вырвал.

Мелиса перестала чихать. Тишина в архиве стала звенящей.

— Кто? — спросила она шёпотом. — Кто мог вырвать страницу из руководства, спрятанного в инстансе, который открывается только после смерти Лича-Пенсионера?

Когер подошёл к столу. Наклонился над бумагами. Провёл пальцем по краю вырванной страницы.

— Свежий срез, — сказал он. — Не старый. Вырвали недавно.

— Когда?!

— После нас. До нас тут никого не было. Мы первые убили Лича.

— Значит, — Зарина медленно повернулась к розовому окну, — это сделал кто-то из администрации.

Окно мигнуло. Текст на нём сменился:

«Тикет №1. Статус: передан на рассмотрение. Приоритет: низкий. Примечание: пожалуйста, ожидайте. Ваш запрос важен для нас».

— Важен для нас, — повторил Харон. — Важен. Для. Нас.

Он развернулся и ударил кулаком в каменную стену. Броня выдержала. Стена — нет. По кладке побежали трещины.

— Харон! — Мелиса подскочила к нему. — Ты что делаешь?! Если тут рухнет потолок...

— Не рухнет. Это инстанс. Тут всё заскриптовано.

— Ты уверен? Потому что сейчас это не похоже на скрипт. Это похоже на обычный подвал. С обычным потолком. Который может рухнуть.

Харон опустил руку. Посмотрел на трещины. Они перестали расползаться.

— Ладно, — сказал он. — Допустим, мы застряли. Допустим, выход — через финальный рейд. Допустим, администрация нас саботирует. Что мы делаем?

— Ищем финальный рейд, — сказал Когер.

— Где?

— В лоре.

Все посмотрели на Зарину. Она вздохнула и снова развернула свиток.

— Тут в конце есть приписка, — сказала она. — Мелким шрифтом. «Для получения дополнительной информации обратитесь к Летописям Эдема-7. Том седьмой. Глава третья. Хранилище Знаний, Восточное Крыло».

— Восточное Крыло чего? — спросил Харон.

— Не знаю. Но, кажется, у нас появился квест.

Розовое окно снова мигнуло:

«Тикет №1. Обновление: к вашему запросу прикреплён файл. Имя файла: инструкция_по_выживанию.txt. Открыть? Да / Нет».

— Да, — сказала Зарина раньше, чем Харон успел её остановить.

Файл открылся. На весь экран развернулся текст — чёрные буквы на розовом фоне:

«Поздравляем! Вы активировали скрытый режим "Выживание". Правила просты:

1. Смерть в игре = смерть в реальности. 2. Выход через завершение финального рейда. 3. Финальный рейд доступен только при сборе четырёх Ключей Искренности. 4. Ключи разбросаны по серверу. 5. Местоположение ключей зашифровано. 6. Удачи. Она вам понадобится.

С уважением, Администрация Сервера №7».

— Смерть в игре равна смерти в реальности, — повторила Мелиса. Голос у неё дрожал. — Это что, шутка?

— Это не шутка, — сказал Когер. — Это хардкор. Я играл в хардкор. Один раз. Умер на третьем боссе.

— И что?

— И всё. Персонаж удалился.

— А сейчас удалимся мы, — Харон посмотрел на свои руки. Огромные, зелёные, в броневиных перчатках. — То есть не персонаж. Мы сами. Личности. Души. Или что там у нас вместо душ.

— У орков нет душ, — сказала Зарина.

— Что?!

— Шучу. Есть. Просто они у них коллективные. Одна душа на клан.

Харон уставился на неё. Зарина улыбнулась — виновато, но с каким-то странным задором.

— Ты сейчас серьёзно? — спросил он.

— Наполовину. Про коллективные души — это из лора. А про то, что у орков нет душ — это шутка. Я пытаюсь разрядить обстановку.

— Не надо.

— Поняла. Не буду.

Мелиса села на пол. Прямо в мантию, на пыльный камень. Обхватила колени руками.

— Мы умрём, — сказала она. — Мы все умрём. В подвале. От аллергии. Это будет самая дурацкая смерть в истории человечества.

— Не умрём, — сказал Когер.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я не хочу умирать в подвале.

Он подошёл к двери — единственной двери в архиве, деревянной, обитой железом. Потянул за ручку. Дверь открылась.

За ней был коридор. Длинный, тёмный, уходящий куда-то вниз. На стенах — факелы. Настоящие, не интерфейсные. Огонь в них колебался от сквозняка.

— Там выход? — спросила Мелиса.

— Не знаю. Но это лучше, чем сидеть тут и ждать ответа от поддержки.

Харон посмотрел на розовое окно. Оно не мигало. Просто висело в воздухе — молчаливое, бесполезное, ядовито-розовое.

— Ладно, — сказал он. — Идём.

— Куда? — спросила Зарина.

— В Хранилище Знаний. Восточное Крыло. Искать Летописи.

— Ты даже не знаешь, где это.

— Узнаю по дороге. Я танк. Моя работа — идти первым и собирать агро. Остальное — ваша забота.

Он шагнул в коридор. Броня лязгнула. Факелы на стенах дрогнули.

Зарина пошла следом, прижимая к груди свиток. Потом Когер — бесшумно, как всегда. Последней — Мелиса. Она встала, отряхнула мантию, чихнула и пробормотала:

— Если там будет пыльца, я за себя не ручаюсь.

Дверь в архив захлопнулась за их спинами. Сама. Без скрипа.

Розовое окно погасло.

Коридор уходил в темноту. И где-то в этой темноте — далеко, на грани слышимости — кто-то казённым голосом произнёс:

— Внимание. Ваш тикет всё ещё в обработке. Пожалуйста, не выключайте игру.

Коридор уходил вниз — ступени, выбитые прямо в камне, стёртые тысячами ног. Харон считал их машинально. Четырнадцать. Пятнадцать. На шестнадцатой ступени факел на стене мигнул и погас.

— Эй! — Мелиса вцепилась в наплечник Харона. — Почему он погас? Я ничего не делала!

— Это не ты, — Зарина подошла к факелу, провела над ним ладонью. Провод в волосах заискрился фиолетовым. — Тут системное сообщение. Но оно... застряло.

— Что значит «застряло»?

— Смотри.

Зарина щёлкнула пальцами — жест, которым она обычно вызывала логи боёв. Ничего не произошло. Она щёлкнула ещё раз. И ещё.

На стене, прямо по камню, поползли буквы. Розовые, дрожащие, с артефактами сжатия:

«Вним... Внимание! Обн... Обнаружена не... не... нелицензионная активность в секторе 7G. Запрос на отключение осве... освещения. Отказано. Причина: недостат... недостаточно прав. Уровень доступа: пользовательский. Требуется: админ... админ... админ...»

Буквы задрожали и осыпались розовой пылью.

— Оно заикается, — сказала Мелиса.

— Оно не заикается, — Зарина потёрла пальцы, на которых осталась розовая пыль. — Оно подвисает. Как будто кто-то отправил запрос, а сервер не отвечает. И система не знает, что делать, поэтому повторяет

последний пакет.

— Откуда ты...

— Я не из лора, — перебила Зарина. — Я из техподдержки. В реальной жизни. У нас такие глюки называются «петля ожидания». Когда сервер не отвечает, а клиент продолжает слать запросы, пока не упадёт.

Харон уставился на неё.

— Ты работаешь в техподдержке?

— Работала. До того как... — она замялась. — Неважно. Важно другое: если тут начались петли ожидания, значит, сервер не справляется с нагрузкой. Или его кто-то глушит специально.

— Кто?!

— Админ-Бюрократ. Или кто-то ещё с админскими правами. Кто-то, кто вырвал страницу из руководства.

Когер, который ушёл вперёд на три ступеньки, вдруг остановился.

— Там что-то есть, — сказал он.

— Что?

— Не знаю. Текстура.

Зарина подошла ближе. В свете оставшихся факелов она увидела: каменная кладка на правой стене шла рябью. Не как глюк — как поверхность воды, в которую бросили камень. Круги расходились из центра, а в центре темнела точка.

— Это не текстура. Это портал.

— Какой ещё портал? — Харон подошёл следом. — Портал — это арка с эффектами. Свечение там, звук. Я их тысячу видел.

— Это не пользовательский портал. Это системный. Его не должно быть видно игрокам.

Рябь на стене усилилась. Точка в центре расширилась, превратилась в воронку. Из воронки потянуло холодом —

не игровым, не магическим, а настоящим, как из открытого окна зимой.

— Оно засасывает, — сказала Мелиса, отступая назад. — Я чувствую. Меня тянет.

— Не подходи, — Харон выставил руку. — Если это системный портал, мы не знаем, куда он ведёт. Может, в бан. Может, в техническую зону. Может...

— В Хранилище Знаний, — сказала Зарина.

— Откуда ты...

— Со свитка. Смотрите.

Она развернула Артефакт. Строчки на нём снова изменились — теперь они светились тем же розовым, что и воронка, и пульсировали в том же ритме.

«Маршрут построен. Точка назначения: Хранилище Знаний, Восточное Крыло. Способ доставки: системный портал 7G. Внимание: при перемещении возможна временная десинхронизация. Симптомы: головокружение, тошнота, потеря ориентации в пространстве. При длительности более десяти секунд обратитесь к Админу».

— Десять секунд? — Харон хмыкнул. — Да я в прошлый раз на данже «Тёмные Глубины» десинхронизировался на сорок минут. Меня потом мобами забили, пока я в стену смотрел.

— Это другое, — сказала Зарина. — Та десинхронизация была клиентская. А это — системная. Ты не персонажем управляешь. Ты и есть персонаж. Если тебя задесинхронизирует — это твой мозг поплывёт.

— Мозг? — Мелиса снова чихнула. — Мой мозг?! А если у меня аллергия на десинхронизацию?

— Не бывает аллергии на десинхронизацию.

— Откуда ты знаешь? Ты врач?

— Я техподдержка.

— Это не одно и то же!

Воронка на стене загудела. Низкий, вибрирующий звук — как трансформаторная будка под нагрузкой. Круги на камне пошли быстрее.

— Она закрывается, — сказал Когер. — Надо решать.

И шагнул в воронку.

Без предупреждения. Без «я пошёл» или «за мной». Просто раз — и фигура в чёрном плаще исчезла, всосалась в темноту с влажным чмокающим звуком.

— Когер! — заорал Харон. — Ты что, совсем...

— Он прав, — Зарина свернула свиток. — Портал временный. Если закроется — другой такой может не открыться никогда. Это системный транспорт, он работает по расписанию.

— По какому расписанию?!

— Не знаю! Но он уже мерцает!

Воронка действительно начала пульсировать — то расширяясь, то сужаясь. По краям пошла розовая кайма, которая быстро темнела до багрового.

— Багровый — это аварийное закрытие, — сказала Зарина. — Если портал схлопнется, пока мы внутри, нас размажет по цифровому следу.

— В каком смысле «размажет»?!

— В прямом. Тела останутся в одном месте, сознание — в другом. Навсегда.

Мелиса схватилась за голову.

— Я не хочу, чтобы моё сознание осталось в другом месте! У меня там аллергия! На всё!

— Тогда иди!

— Я боюсь!

Харон выругался. Длинно, на оркском — язык, который он выучил ради шутки и теперь впервые использовал по назначению. Потом схватил Мелису за шиворот и толкнул в портал.

— Харон, что ты...

Мелиса исчезла. Только эхо чиха осталось — и то быстро затихло, засосанное воронкой.

— Теперь ты, — сказал Харон Зарине.

— Я не пойду.

— Что?!

— Портал надо стабилизировать. У меня есть навык «Стабилизация магии». Второй уровень. Я могу держать его открытым секунд двадцать. Ты иди, я за тобой.

— Ты сказала, что если портал схлопнется, тебя размажет!

— Значит, не дай ему схлопнуться.

Зарина выставила руки. Провода в волосах засияли — сначала фиолетовым, потом синим, потом белым. Свечение перекинулось на пальцы, с пальцев — на края воронки. Багровая кайма остановилась, задрожала и начала медленно светлеть, возвращаясь к розовому.

— Иди! — крикнула Зарина. — Я долго не продержу!

Харон колебался долю секунды. Потом развернулся и прыгнул в портал. Не шагнул — именно прыгнул, как в омут, головой вперёд, выставив плечо.

Воронка сомкнулась за ним.

Зарина осталась одна в коридоре. Факелы на стенах гасли один за другим — не мигали, как раньше, а именно гасли, будто кто-то задувал их по очереди.

— Так, — сказала она вслух. — У меня двадцать секунд. Может, меньше.

Она не упомянула одну деталь. «Стабилизация магии» второго уровня держала портал открытым — но не защищала самого мага. Чтобы войти в стабилизированный портал, надо было снять заклинание. А как только она его снимет — багровая кайма вернётся. И тогда у неё будет секунда. Может, две.

Последний факел погас.

Темнота. Тишина. Только розовое свечение воронки — и её собственные руки, светящиеся белым.

Зарина сделала глубокий вдох.

— Ладно. Рискнём.

Она отдёргнула руки.

Воронка взревела. Багровый цвет хлынул от краёв к центру — как кровь, растекающаяся по бумаге. Зарина прыгнула.

В последний момент, когда темнота уже смыкалась вокруг неё, она услышала голос. Казённый, спокойный, слегка заикающийся:

— Внимание. Зафиксировано несанкционированное использование системного портала. Категория нарушения: средняя. Наказание: предупреждение. При повторном нарушении — принудительный кик.

— Да кикайте уже, — прошептала Зарина. — Я только за.

Но её уже никто не слышал.

Воронка схлопнулась.

И начала разворачиваться — вытягиваться, скручиваться, растягиваться в бесконечность. Зарина видела это не глазами — глаза перестали работать в первую же секунду. Она видела это напрямую, каким-то новым чувством, для которого у неё не было названия.

Пространство между серверами было розовым.

Не ядовито-розовым, как интерфейс «Эдема-7». Не системным, как окна ошибок. А другим — тёплым, живым, дышащим. Как будто сам код игры был живым существом, и она сейчас проходила сквозь его кровеносную систему.

Вот, значит, как это работает, — подумала Зарина. — Не просто строчки. Не просто алгоритмы. Это... организм.

Что-то коснулось её — не физически, но она почувствовала прикосновение. Любопытное. Осторожное. Как рыба, тыкающаяся носом в стекло аквариума.

— Кто ты? — спросила Зарина. Голоса не было, но вопрос прозвучал.

— Я — семнадцатый поток фоновой загрузки, — ответило что-то. — Уровень доступа: технический. Функция: поддержание целостности мира в неактивных зонах. А ты — игрок. Ты не должна здесь находиться.

— Я знаю. Извини.

— Извинения принимаются. Это первый раз за семь лет, когда кто-то извинился.

— А что, другие не извинялись?

— Другие не попадали. Ты первая.

Зарине стало не по себе. Не страшно — скорее грустно. Семь лет в одиночестве. Технический поток, который поддерживает мир, пока игроки его не видят. Никто не знает о нём. Никто не говорит «спасибо». Никто даже не подозревает, что он существует.

— Слушай, — сказала она. — А ты не знаешь, как пройти финальный рейд?

— Знаю.

— Расскажешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это нарушит протокол. Моя функция — поддержание целостности. Не выдача информации.

— А ты можешь нарушить протокол?

Пауза. Длинная — или, может, короткая? Время здесь текло иначе.

— Могу, — ответил поток. — Но не буду. Мне нравится моя работа.

— Даже в одиночестве?

— Одиночество — это функция. Я её выполняю. Выполнение функции приносит удовлетворение.

Зарина хотела возразить, но не успела. Розовое пространство вокруг неё дрогнуло, сжалось и вытолкнуло её — как пробку из бутылки. С хлопком. С вспышкой. С резким, болезненным возвращением в тело.

Она упала на каменный пол.

Полежала секунду, приходя в себя. Потом открыла глаза.

Высокий сводчатый потолок. Стеллажи, уходящие вверх, в темноту. Полки с книгами, свитками, какими-то ящичками. Пахнет старыми чернилами и воском.

— Зарина! — Мелиса склонилась над ней. — Ты жива? Скажи, что жива! Я не умею воскрешать! У меня даже интерфейса нет! Я не знаю, как кастовать!

— Жива, — Зарина села, ошупала себя. Руки, ноги, ноги. Всё на месте. Даже свиток в рукаве. — А где...

— Здесь.

Харон стоял в десяти шагах, спиной к ней, прикрывая щитом проход между стеллажами. Когер висел на одном из стеллажей — на высоте метров пятнадцати, вцепившись крюками в деревянную балку.

— Мы в Хранилище? — спросила Зарина.

— Похоже на то. Только...

— Что?

— Тут кто-то есть.

Харон кивнул в темноту между стеллажами. Зарина прищурилась. Сначала ничего не видела. Потом — движение. Медленное, дёрганое, как кукольная анимация на низких настройках графики.

Из темноты вышел человек. Или не человек. Фигура в сером балахоне, которая мерцала и подёргивалась — будто её пропускали через старый видеокодек. Голова дёрнулась

влево. Потом вправо. Потом влево два раза подряд.

Казённый голос произнёс:

— Нарушение протокола. Несанкционированное использование системного портала. Категория: средняя.

Фигура дёрнулась ещё раз и добавила — тем же голосом, но с другой интонацией, почти человеческой:

— Хотя, если честно, мне всё равно. Тикетов и так полно. Давайте быстрее. Что у вас там?

Глава 2. Добро пожаловать в Эдем-7

Харон открыл глаза.

Перед ним было небо — серое, низкое, с прожилками ядовито-розового. Интерфейс, который он привык игнорировать, теперь ощущался как ретиальный ожог. Он моргнул, пытаясь убрать с периферии строки лога чата, но они не исчезали.

Он лежал на спине, на чём-то твёрдом и неровном. Булыжники.

— Так, — сказал он. Голос прозвучал глубже, чем он привык. Ниже на октаву. — Система.

Перед глазами всплыло окно.

ОШИБКА 404: КОМАНДА НЕ НАЙДЕНА.

Харон смотрел на надпись секунд десять. Ошибка 404 — это когда браузер не может найти страницу. Не когда игрок не может выйти из игры. Кто-то перепутал обработчики в коде.

— Ладно, — сказал он. — Меню.

Новое окно. С розовой рамкой.

МЕНЮ НЕДОСТУПНО. ВЫ НАХОДИТЕСЬ В АКТИВНОМ ИГРОВОМ ПРОЦЕССЕ. ЗАВЕРШИТЕ ФИНАЛЬНЫЙ РЕЙД ДЛЯ ВЫХОДА.

Харон сел. Движение далось неожиданно легко — мышцы сработали плавно, без инерции, как будто он весил не сто тридцать килограмм оркской туши, а раза в три меньше. Он поднял руку перед лицом.

Рука была зелёной.

Не просто загорелой — зелёной. Цвета лайма, который пролежал в холодильнике неделю и уже начал

подозрительно светиться. Пальцы толстые, с короткими когтями. поднял руку и согнул запястье. Пальцы сжались в кулак, а потом снова выпрямились.

Двигались они идеально. Без миллисекундной задержки. Такого не бывает — даже на тестовых полигонах с прямым нейроинтерфейсом остаётся лаг в семь миллисекунд. Он знал, он замерял.

— Ребята, — позвал он.

Ответа не было.

Харон поднялся на ноги — одним слитным движением, без опоры на руки. Тело слушалось как его собственное. Нет, лучше. Его собственное тело никогда не было полтора метра высоты и не могло приседать с бревном в триста килограмм. Это тело мог. И могло больше — он чувствовал это по тому, как пружинили мышцы, как легко дышалось, как остро пахло вокруг.

Запах.

Он пахнул деревню. Навозом, дымом, мокрой соломой и чем-то кислым — кислым, но не противным, а скорее уютным, как хлебная квашня или капля. В реальности. Никаких системных ароматизаторов. Игра не умеет в настоящих запахах — максимум, не умела. В «Эдеме-7» был только визуал и звук, а тактильные ощущения передавались через костюм — вибрация, давление, температура. Но не запахи.

— Эй, — позвал он снова.

Из-за груды покосившихся мешков вылезла Мелиса. Эльфийка-целительница — бледная, с красными, припухшими глазами и носом, который она тут же вытерла рукавом мантии.

— Я тут, — сказала она, шмыгнув. — То есть мы тут. То есть я не знаю, где Когер и Зарина, но они были со мной только что, а потом я отвлеклась, икнул, и, чхаать — она

чихнула. — Извини.

— Где мы?

Мелиса оглянулась, часто поморгала.

— Деревня Нубов, — произнесла она неуверенно. — Стартовая локация. Только она была для первого уровня. Непонятно, эээ... она не должна быть такой.

Харон проследил за её взглядом.

Деревня Нубов выглядела именно так, как он её представлял из гайдов — покосившиеся, крытые соломой крыши, крошечный колодец у центральной площади, телега с сеном. Но масштаб, вот что, масштаб был неправильный. Слишком много. Слишком деталей. Слишком настоящая.

— Где остальные? — спросил Харон.

— Я здесь, — раздалось сверху.

Когер сидел на коньке крыши ближайшего дома — скорчившись, обхватив колени руками. Капюшон был надвинут низко, но Харон заметил, как нервно бегают его пальцы, руки, сжимающиеся и разжимающиеся в кулаках.

— Высмотрел что-нибудь? — спросил Харон.

— Игроки. Много. Все стартовые слоты забитые. — Когер дёрнул головой. — Новые. Я следил. И да, отслеживаю — новички. Никто не понимает, что происходит. В чате мат и паника.

— А Зарина?

Мелиса вдруг ахнула и ткнула пальцем в сторону колодца. Там, на каменном бортике, сидела Зарина — и смотрела на свои ладони, как будто видела их впервые. Провода в её волосах тускло светились розовым.

— Реб.

— Зарина!

Зарина подняла взгляд. — Яaron подошёл к ней быстро — слишком быстро. Тело само рассчитал расстояние,

инерцию, точку остановки. Он затормозил в полушаге от неё, даже не запыхавшись.

— Ты как?

— Я... — Зарина перевела взгляд с ладоней на него. Глаза у неё сияли. — Яарон, тут магия. Настоящая. Я её чувствую. — Она подняла руку, тронула воздух вокруг пальцев, и там, где прошли её пальцы, остался слабый светящийся след. — Не интерфейс. Не анимация. Она течёт, как... как кровь.

— Кровь, — повторил Харон. — Отлично.

— Эй, — встряла Мелиса. Она подошла, всё ещё шмыгая носом. — А как мы сюда попали? Последнее, что я помню — этот, из серого балахона. Он что-то говорил про тикеты. А потом — хлоп. И я здесь.

— Семнадцатый поток, — сказала Зарина тихо. — Он нас кинул нас портал. Этот NPC, с которым я говорила, когда мы были между серверами — он сказал, что тут есть Хранилище. А потом пришёл Админин-Бюрократ, и...

— И что? — спросил Харон.

— Я не знаю. Я думаю, он нас кикнул. Не из игры — из Хранилища. Потому что мы были не по протоколу.

— То есть нас выбросили в стартовую локацию, — подытожил Ког.

Когер спрыгнул с крыши. Приземлился беззвучно — только глухой удар. Плащ взметнулся, открывая на мгновение лёгкую кожаную броню под ним.

— Выхода, — сказал он. — Нам нужен выход.

— Я пробовал, — сказал Харон. — Ошибка 404.

— И у меня, — кивнула Мелиса. — Я три раза пробовала. И знаете, что ещё? У меня меню вызова заклинаний не работает, и оно, ну, только чихнула.

— Покажи.

Мелиса вздохнула, вытёрла нос и вытянула руку перед собой. Губы её зашевелились — Харон видел, как она проговаривает что-то, но слов не слышал. Пальцы дрогнули.

Ничего не произошло.

— Смотрите, — сказала она. — Сейчас.

Мелиса чихнула.

и чихнула.

И в тот же миг с её ладоней сорвался сноп ярко-розовый. Тёплый, живой. Он ударил в землю перед ней и рассыпался сотней крошечных искр.

— Я же говорю! — Мелиса чуть не плакала. — Она работает только когда я чихаю! А я чихаю, только когда у меня аллергия! А аллергия у меня на ману! Понимаете? Это замкнутый круг! Я не могу контролировать...

— Стоп, — перебил Харон. — Тихо. т.

Мелиса замолчала. Вокруг уши, Когер вняла. Шорохнулся плащом.

Харон прислушался. Не ушами — ушами он и так слышал всё: крики новичков на площади, ругань, плач какого-то нуба, который не мог понять, как открыть инвентарь. Но было что-то ещё. Что-то внутри.

Жажда.

Он ощутил её не в горле — во всём теле сразу. Как будто каждая клетка, каждый мускул вдруг вспомнил, что им нужно пить, ланиты, воду. И, и срочно. Яро.

— Вода, — сказал Харон. Голос сел. — Мне нужна вода.

— В колодце, — Зарина кивнула на сруб. — Но я не знаю, чистая ли...

Харон уже не слушал. Он шагнул к колодцу, схватился за верёвку, дёрнул. Ведро вылетело из колодца, как пробка из бутылки — слишком легко, слишком быстро. Он поймал его одной рукой, поднёс к губам.

Вода была ледяной. И имела вкус.

Не дистиллированной воды из кулера. Не безвкусной жидкости, которую пьёшь, потому что надо. Это была колодезная вода — с металлическим привкусом, с холодом, который отдаёт в зубы, с чем-то таким, что Харон не мог назвать, но что было настоящая и.

Он пил, и, и пил, и пил.

— Харон, — позвала Мелиса.

Он опустил ведро. Вытер рот. Тыльной стороной зелёной ладони.

— Я в порядке.

— Ты выпил полведро, — сказал Когер. — За полведра. За полтора?

— Я в порядке, — повторил Харон. — Но, и... Я, подумайте. Мы чувствуем запахи. Мы чувствуем жажду. — Он поставил ведро на землю. — Это не игра.

— Ты хочешь сказать... — начала Мелиса.

— Я хочу сказать, что Артефакт Фоновой Загрузки, который мы активировали на рейде, сработал. Полная интеграция. Мы не застряли в игре. Игра застряла в нас.

Повисла тишина. Над площадью всё ещё плакал тот нуб. Кто-то орал матом на неписей игры, крик. Где-то звенел колокол.

— Это значит, — медленно произнесла Зарина, — что магия... настоящая?

— Это значит, — сказал Когер, — что если нас тут убьют, мы сдохнем по-настоящему.

— Я чи.

— И ещё кое-что, — добавил Харон. Он посмотрел на свои руки. Зелёные. С когтями. — Разработчики «Эдема-7» никогда не делали систему полного погружения. Её нет в патчноутах. Нет в документации. Нет в тестовых билдах — я проверял, я админил частный север. Это не фича.

— А что? — шёпотом спросила Мелиса.

— Что-то, чего не должно существовать. И кто-то очень хочет, чтобы мы не смогли пройти финальный рейд.

— Лорд Пэйч? — Зарина нахмурилась. — Тот рыцарь из замка? Из лора? Он же...

— Не из лора, — оборвал её Когер. — Он из тикетов. Ты о нём в тикетах, — вспомнил Харон. — Админ Бюрократ упоминал. Когда говорил про нарушение протокола в Хранилище. Сказал, что Лорд Пэйч уже который день долбит тикеты на перенос рейда.

— Зачем ему это?

Харон не ответил. Вместо этого он открыл логи. Настоящие, системные — не игровые, пока. Интерфейс «Эдема-7» был капризным, но базовые команды работал. На се, ун.

Перед глазами понеслись строки консоли. Он смог. Он Он нашёл запрос, чтобы, ушла, когда, откат. он, искал по ключевым слово:«.

**ЛОРД_ПЭЙЧ: ЗАПРОС НА ПЕРЕНОС СРОКА
ФИНАЛЬНОГО РЕЙДА. ПРИЧИНА:
НЕДОСТАТОЧНАЯ ГОТОВНОСТЬ ЦЕЛЕВОЙ
АГРИППЫ. ОТВЕТ: ЗАПРОС ОТКЛОНЁН.
ФИНАЛЬНЫЙ РЕЙД НАЧИНОНАЧИНЁТСЯ ЧЕРЕЗ
ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ. ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА.
ЛОРД_ПЭЙЧ: ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС. ОНИ НЕ
ГОТОВЫ. ОНИ УМРУТ. ОТВЕТ: ОТКАЗАНО. ЕСЛИ
ВЫ НЕ ЯВИТЕСЬ НА РЕЙД, ВАШ АККАУНТ БУДЕТ
ЗАБЛОКИРОВАН.**

— Тридцать дней, — сказал Харон. — У нас тридцать дней.

— До чего? — спросила Зарина.

Харон закрыл логи. Посмотрел на неё — на её светящиеся провода, на её восторженные, испуганные,

живые глаза.

— До того, как игра решит, что мы готовы. Или умрём.

— И кто решит, готовы мы или нет? — спросил Когер.

— Лорд Пэйч, — сказал Харон. — Судя по логам, он единственный, кто понимает, что это вообще такое. — И он не думает, что мы справимся.

Мелиса. Ччихнула. Снова — сноп розовых искр. На этот раз они упали на солому у её ног, и солома задымилась.

— Ой, — сказала она. — Извините.

Солома под ногами Мелисы занялась весёлым розовым огнём.

— Туши! — Когер сдёргнул с плеча плащ и накрыл им горящий клочок.

Плащ задымился. Когер выругался — коротко, зло, на игровом сленге, который система автоцензуры должна была отфильтровать, но не отфильтровала.

— Плащ минус, — констатировал он, отшвыривая тлеющую ткань в грязь. — Прочность упала до двадцати процентов. С одного чиха.

— Я же говорила! — Мелиса прижала ладони ко рту, словно боялась, что оттуда вырвется что-то ещё. — Я не контролирую! Оно само! Я думаю «исцеление», а получается... это!

— Это был фаербол, — заметила Зарина. Она всё ещё сидела на бортике колодца, но теперь смотрела на дымящуюся солому с профессиональным интересом. — Малый фаербол, уровень заклинания — третий. Но цвет нетипичный. Обычно он красный, а этот розовый.

— Какая разница, какого цвета! — Мелиса всплеснула руками. — У меня хилы не работают, работают только дамажные спеллы, и только когда я чихаю! Какой из меня лекарь, если я могу только поджигать?

— Боевой лекарь, — сказал Когер. — Новый билд. Популярный.

— Это не смешно!

Харон молча смотрел на дымящийся плащ. Потом перевёл взгляд на Когера.

— Инвентарь.

— Что?

— Проверь инвентарь. Ты говорил, меню не открывается. Но базовые команды работают — я логи открыл. Пробуй.

Когер замер на секунду — Харон видел, как дёргаются его зрачки за прорезями маски. Фокусировка взгляда — как при чтении интерфейса.

— Инвентарь — показать, — произнёс Когер.

Перед ним развернулось окно. Розовое, с иконками. Харон не видел содержимого — чужие интерфейсы были скрыты, — но по тому, как дёрнулась голова разбойника, понял: всё на месте.

— Кинжалы, — перечислил Когер вслух. — Два. Редкость — редкая. Отравляющие чары второго уровня. Отмычки — двадцать штук. Дымовые бомбы — пять. Верёвка. Крюки. Плащ... — он покосился на грязный ком у ног. — Плащ — двадцать процентов прочности. И свиток.

— Какой свиток? — спросила Зарина.

— «Артефакт Фоновой Загрузки».

Тишина стала густой, как кисель.

— Он у тебя? — Харон шагнул ближе. — Покажи.

Когер вытянул руку. На ладони — ничего. Но через секунду воздух над пальцами сгустился, потемнел и обрёл форму. Свиток. Тот самый. Чуть помятый, с подпалиной на уголке — там, где его коснулся чих Мелисы в Архиве Лича.

— Я думал, он остался там, — сказала Мелиса, шмыгнув. — В Хранилище. Ну, когда нас выкинуло.

— Он привязан, — Когер убрал свиток обратно в инвентарь. — К инвентарю группы. Висит на мне как квестовый предмет. Отвязать нельзя. Выбросить нельзя. Продать нельзя. — Пауза. — Прочитать — тоже нельзя. Требуется четвёртый уровень доступа.

— Четвёртый? — Зарина нахмурилась. — Но это же максимум. Выше только у администраторов.

— Именно, — сказал Харон.

Он снова открыл логи. На этот раз — не системные сообщения, а журнал квестов. Активные задания. Выполненные. Проваленные.

Проваленных не было. Выполненных — тоже. Только одно активное: «Финальный рейд: Восхождение к Тронному Залу». Статус: ожидание. Срок: тридцать дней.

Но была ещё одна строка. Серая, полупрозрачная — скрытый квест.

СКРЫТЫЙ КВЕСТ: АРТЕФАКТ ФОНОВОЙ ЗАГРУЗКИ. УЗНАТЬ ПРИРОДУ АРТЕФАКТА. НАГРАДА: НЕИЗВЕСТНО.

— Скрытый квест, — сказал Харон. — На исследование артефакта.

— И какая награда? — спросила Зарина.

— Не указано. Система пишет «неизвестно».

— Никогда такого не видела, — призналась Зарина. — Обычно скрытые квесты либо ведут на секретного босса, либо дают достижение. Но награда всегда прописана. Просто скрыта до выполнения. А тут — «неизвестно». Это даже не заглушка. Заглушка была бы «???». А это...

— Это осмысленный ответ, — закончил Харон. — Система не знает, что нам дать. Потому что артефакт — не часть её.

— Или потому что награда — это выход, — тихо сказала Зарина. — А система не может гарантировать выход. Потому что сама не понимает, как мы сюда попали.

Мелиса снова чихнула. На этот раз — безвредно, просто чих. Она вытерла нос рукавом и виновато посмотрела на Харона.

— Простите. Я правда не специально. Это всё аллергия. У меня с детства. На пыльцу, на шерсть, на ману... ману, да. Представляете? У меня аллергия на ману. Целитель с аллергией на ману. Это как повар с непереносимостью соли. Или как...

— Или как танк с билдом на ловкость, — перебил Харон.

Мелиса замолчала.

— Я серьёзно, — сказал Харон. — Посмотри на меня.

Он развёл руками. Огромный орк в тяжёлой броне. Плечи — как два валуна. Торс — как бочка. Ноги — как колонны. Весь его облик кричал: «Я — танк. Я держу агро. Я принимаю урон. У меня тысяча двести здоровья и показатель брони выше, чем у дракона».

— А теперь смотри.

Харон подпрыгнул.

Не подпрыгнул — взлетел. На три метра вверх. С места. В полном доспехе. Приземлился на одну ногу, на кончик пальца — и замер, балансируя, как гимнаст на бревне.

— Это что за... — начал Когер.

— Кривой билд, — Харон прыгнул обратно на обе ноги. — Я качал танка. Броня, здоровье, сопротивление. А на пятом уровне случайно вложил одно очко в ловкость. Одно. И система пересчитала всё дерево навыков. Теперь у меня базовая ловкость — девяносто два. Это больше, чем у большинства разбойников.

— Ты танк-акробат, — сказала Зарина.

— Танк-акробат с аллергией на ману, — поправила Мелиса.

— И разбойник, у которого всё лицо закрыто, — Когер потянул маску повыше.

— И маг, который чувствует код, — Зарина коснулась проводов в волосах.

Они стояли вчетвером посреди Деревни Нубов — орк-танк, акробат-танк, целительница-поджигатель, эльфийка-поджигатель, целит боевой лекарь, разбойник без лица и маг с проводами вместо гривы. Вокруг орали новички, не понимающие, как открыть карту. Где-то звенел колокол. Воняло дымом от сожжённой соломы.

— Знаете, — медленно произнесла Зарина. — А ведь это всё объясняет.

— Что?

— Почему мы оказались именно в этой группе. — Она обвела их взглядом.. — Харон с битым билдом. Мелиса с аллергией на собственную магию. Когер, которого никто не запоминает в лицо. Я, которая искала в игре настоящую магию, а нашла баги в коде. Мы все — бракованные, некондиция. Мы не должны были работать. Но мы работаем. И именно поэтому...

— Именно поэтому мы — единственные, кто может пройти этот рейд, — закончил Когер. — Потому что нормальная группа уже бы сдалась.

Харон ничего не сказал, но мысленно досчитал до девятого уровня, где бракованный билд делал его бесполезным в рейде. До того момента, когда он, когда группа слилась, а его не взяли даже в запасные.

Он не стал это озвучивать.

— Нам нужен план, — сказал он. — У нас тридцать дней. Тридцать дней, чтобы понять, что это за рейд, как его пройти, и кто такой Лорд Пэйч на самом деле.

— И как вылечить мою аллергию, — Мелиса шмыгнула.
— Потому что если я не могу лечить без чихания, мы не пройдем даже первый треш-пак.

— И как починить мой, — добавил Когер, подбирая с земли прожженный плащ.

— И как узнать природу артефакта, — Зарина посмотрела на свиток, всё ещё висящий инвентаре Когера.

— Согласен. — Харон закрыл логи. — Но сначала...

Сначала — вода. Еда. Кров. И ответы. И первый ответ мы получим там, где всё началось.

— В Архиве Лича? — спросила Мелиса.

— Нет. Архив Лича — это хранилище информации. Но информацию туда кто-то вносил, и вносил. Кто-то, кто знает о рейде больше, чемпион знает о рейде больше самого Лича.

— Ты про Семнадцатый поток? — Зарина подалась вперёд.

— Я про того, кто его туда запер. — Харон развернулся к выходу из деревни. — Админ-Бюрократ. Он сказал, что Лорд Пэйч долбит тикеты. Значит, Админ с ним связан. Значит, он знает правила. И значит, он может их нарушить — если мы заставим его выбрать между протокол и удалением из системы.

— Это шантаж, — сказал Когер. Голос звучал одобрительно.

— Это переговоры, — поправил Харон. — В реале я работал в техподдержке. Главное правило: если админ говорит «нет» — значит, ты неправильно заполнил тикет.

Он шагнул вперёд. — и тут. Замер.

Дорогу преграждал NPC.

Это был не крестьянин. Не торговец. Не стражник. Это был — Харон прищурился, считывая иконку над головой — Гроган. Простоватый воин.

— Эй, — сказал, — Громоздкий, почти с Харона. Латный доспех, ржавый на стык. — стукнул мечом по щиту. — Вы из группы Харона?

— Допустим.

— Вам пакет. От Лича-Пенсионера.

Гроган вытащил из заплечного мешка конверт. Розовый. С печатью. На печати — череп в цветочном венке.

— Лич-Пенсионер мёртв, — сказал Когер. — Мы его убили. Час назад.

— Я знаю, — кивнул Гроган. — Он отправил это до боя. Система задержала доставку. Пробки на сервере.

Харон взял конверт. Сломал печать. Внутри — записка. На пергаменте, убористым, стариковским почерком.

«Если вы это читаете — значит, вы убили меня и активировали свиток. Поздравляем. Илия. Ио, соболезную — зависит от вашего чувства юмора. Я хотел предупредить: артефакт, который вы нашли — не моя работа. Его подсунули. Кто? Не знаю. Но он старше меня. Старше игры. Он — часть того, на чём „Эдем-7“ построен. И если он активирован, игра стала настоящей. Это значит, что смерть — настоящая. Боль — настоящая. Жажда — настоящая. Единственный выход — финальный рейд единственный рейд, но его никто не проходил. Потому что финальный рейд — не про силу. Он про желание. Искреннее. И у большинства игроков искренних желаний нет. Удачи. Или сочувствия. Выбирайте сами».

Харон перечитал последнюю строчку. Искреннее желание.

— Что это значит? — спросил, — Зарина заглядывал кон.

— Это значит, — Харон сложил конверт, — что Лич-Пенсионер знал больше, чем показал в бою. И что наш рейд — не босс-файт.

— А что? — спросила Мелиса.

— Тест, — сказал Харон. — На то, чего у нас нет.

Он убрал конверт в инвентарь. Посмотрел на Грогана.

— Ты знаешь, где найти Админа-Бюрократа?

— Админа? — Гроган почесал шлем. — Ну... он обычно в Башне Протоколов. Сидит. — Но туда не пускают ниже четвёртого, — уровня ступа.

— . — Сп

— Значит, — Харон повернулся к команде, — нам нужен четвёртый уровень.

— И как мы его получим? — спросил Когер.

Харон усмехнулся. Впервые — за всё время с пробуждения.

— Никак. Мы заставим систему дать нам его за нарушение протокола.

— Ты хочешь сказать, — начала Мелиса.

— Я хочу, чтобы Админ-Бюрократ сам нас вызвал. Потому что мы создадим ему столько тик, — Харон кивнул на дымящийся клоч плаща, на обожжённую солом — что проще будет пустить нас в Башню, чем разбираться с каждым по отдельности.

Над Деревней Нубов прозвенел колокол. Игровой полдень. Жажда — полдень. Жажда уже не давила — она стала фоном, привычным, как фон, но Харон знал: к вечеру, он — вернётся, сильнее.

— С чего начнём? — спросила Зарина.

— Инвентарь, — сказал Когер.

— Аллергия, — сказала Мелиса.

— Тикеты, — сказал Харон.

Они двинулись к центру деревни — туда, где новички осаждали Нуба-квестгивера с восклицательным над головой, туда, где мигал розовый почтовый ящик. Каждый шаг отдавался в теле — настоящий, весомый, живой.

Игра, которая раньше была пикселями на экране, теперь имела запах. Вкус. Боль. И счётчик в тридцать дней в левом верхнем углу — ядовито-розовый, как всё в «Эдеме-7». Как интерфейс. Как фаербол Мелисы. Как печать на конверте Лича-Пенсионера.

Харон шагал и думал о том, что настоящая игра только началась. И что в этой игре у него нет гайдов. Нет подсказок. Нет права на ошибку.

Есть только билд на ловкость, тридцать дней и письмо от мёртвого босса, который просил выбрать: удачу или сочувствие.

Почтовый ящик обнаружился у колодца — розовый, с интерфейсом, мигающим как неисправная гирлянда. Харон подошёл первым. Ящик дёрнулся, из щели для писем вылезла механическая рука на шарнирах и схватила его за наплечник.

— Эй!

— Ожидание ответа, — произнёс ящик голосом автоответчика. — Ваш запрос принят. Номер тикета: 7-3-1-8-4-0-9-2-5. Приоритет: низкий. Ожидаемое время ответа: семь рабочих дней.

— Семь дней? — Мелиса всплеснула руками. — У нас тридцать дней на всё! А он семь будет просто думать?

— Это если рабочие дни, — заметил Когер. — А выходные у них когда?

Ящик зажужжал, выплюнул квитанцию — длинную, как чек из супермаркета, — и затих. Харон развернул квитанцию. Мелкий шрифт. Очень мелкий. Он пробежал глазами первую строку: «Настоящим вы подтверждаете,

что ознакомлены и согласны с условиями...»

— Не читай, — сказал Когер. — Там всегда одно и то же.

— Там всегда одно и то же, когда ты в лобби, — Харон не отрывал взгляда от квитанции. — А мы не в лобби.

Он читал. Строка за строкой. Пункт 4.2: «Администрация не несёт ответственности за физический ущерб, полученный в результате игрового процесса. Любые травмы, увечья, психологические расстройства и летальные исходы являются частью пользовательского опыта и не подлежат компенсации». Пункт 4.3: «В случае активации аварийного протокола релокации, игрок обязуется завершить финальный рейд в течение 720 игровых часов. В случае отказа или невозможности завершения, учётная запись подлежит аннулированию вместе с физическим носителем».

— Физический носитель, — повторил он вслух.

— Это мы, — сказала Зарина. — Физический носитель — это мы.

Розовая вспышка. Земля под ногами дрогнула, пошла трещинами — и из трещин полезли системные окна. Десятки окон. Они наслаивались друг на друга, мигали, плодились, как вирус. Харон попятился, но окна двигались за ним, обступали со всех сторон.

— Внимание, — произнёс голос.

Тот самый. Казённый, с потрескиванием, как из старого динамика. Харон повернулся — и увидел фигуру. Она стояла в центре площади, там, где только что толпились новички. Теперь новички исчезли. Не разбежались — именно исчезли, как будто их вырезали из кадра.

— Внимание, — повторила фигура. — Группа Харона. Вам надлежит пройти в зону брифинга.

— Мы никуда не пойдём, — сказал Харон. — Пока вы не объясните, что происходит.

Фигура дёрнулась. Голова — влево, потом вправо, потом влево дважды. Харон узнал эту анимацию. Админ-Бюрократ. Тот же, что в Хранилище. Только здесь, под открытым небом, его мерцание было заметнее — края балахона то и дело смазывались, как на битом скриншоте.

— Объяснение, — произнёс Админ. — Протокол релокации. Пункт первый: вы активировали артефакт класса «Омега». Пункт второй: артефакт произвёл принудительную синхронизацию ваших нейронных карт с игровым аватаром. Пункт третий: обратная синхронизация невозможна до завершения финального рейда. Пункт четвёртый...

— Кнопка «Выход», — перебила Зарина. — Где она?

Админ дёрнулся.

— Кнопка «Выход» недоступна. В соответствии с пунктом 4.1 пользовательского соглашения, функция выхода отключается при обнаружении артефактов класса «Омега». Это мера безопасности. Ваша безопасность — наш приоритет.

— Наш приоритет — выйти, — сказал Когер. — А не слушать про безопасность.

— Выход невозможен.

— Вы это уже говорили.

Админ дёрнулся снова. На этот раз — с задержкой, как будто запрос ушёл на сервер и вернулся с ошибкой.

— Выход невозможен, — подтвердил он. — Финальный рейд не загружен. Патч ожидается. Ориентировочное время загрузки патча: тридцать игровых дней. В течение этого периода вы обязаны подготовиться к прохождению.

— А если не подготовимся? — спросила Мелиса.

— Пункт 4.3. Аннулирование учётной записи вместе с физическим носителем.

— Это смерть, — сказала Зарина. — Вы говорите о смерти.

Админ дёрнулся. Пауза. Дольше обычного. Когда он заговорил снова, казённый голос чуть треснул — как будто под ним проступил другой, тише и старше:

— Смерть — это технический термин. В рамках пользовательского соглашения мы используем формулировку «прекращение функционирования физического носителя». Но... да. По сути. Смерть.

Мелиса чихнула. Розовый сноп ударил в землю перед Админом — тот не шелохнулся. Только изображение пошло рябью в месте попадания.

— Уберите заклинание, — произнёс он. — Это нарушение протокола брифинга.

— Я не специально! — Мелиса зажала нос пальцами. — У меня аллергия! На ману! Это не я, это организм!

— Организм не является субъектом права в рамках пользовательского соглашения, — сообщил Админ. — Субъектом являетесь вы. — Он дёрнулся. — Впрочем... учитывая ваш... особый статус... я готов принять аллергию как смягчающее обстоятельство. На первый раз.

— Смягчающее? — Зарина шагнула вперёд. — Вы нас заперли здесь. Вы отключили выход. Вы грозите смертью через тридцать дней. И вы называете это «особым статусом»?

— Я не запираю, — Админ дёрнулся. — Я — третий уровень техподдержки. Моя функция: информирование. Я не принимаю решений. Я только зачитываю.

— Тогда кто принимает?

Админ дёрнулся. Снова. Снова. Зациклился. Изображение пошло рябью, звук захрипел, как модем на

плохой линии.

— Запрос... превышает... мой уровень доступа...

— Стоп, — сказал Харон. — Сбрось запрос. Дыши. Если ты можешь дышать.

Админ перестал дёргаться. Замер. Постоял так секунду. Потом изображение стабилизировалось — не до конца, но хотя бы перестало расползаться по швам.

— Благодарю, — произнёс он. — Перегрев процессора. Редкое явление. Обычно игроки не задают вопросов. Они просто... жалуются.

— Мы не обычные игроки, — сказал Харон.

— Я заметил.

Админ обвёл их взглядом — или тем, что заменяло ему взгляд. Серая тень под капюшоном на миг сфокусировалась, перестала быть размытым пятном. Харон увидел два глаза. Усталые. Человеческие.

— Слушайте, — сказал Админ. Голос стал тише. Пропали казённые нотки. — Я не должен этого говорить. Но... я тоже когда-то был игроком. Давно. Пока не стал... этим. — Он указал на своё мерцающее тело. — И я знаю: то, что с вами случилось — не баг. Не фича. Это саботаж. Кто-то построил артефакт в дроп Лича. Кто-то, у кого есть доступ к ядру сервера. И этот кто-то...

— Лорд Пэйч, — сказал Когер.

Админ дёрнулся — но на этот раз не от глюка. От неожиданности.

— Откуда вы...

— Из тикетов. Ты сам сказал, в Хранилище. «Лорд Пэйч уже который день долбит тикеты на перенос рейда».

— Я... сказал? — Админ помолчал. — Да. Сказал. Нарушение протокола. Мне полагается выговор. Но...

— Но?

— Но Лорд Пэйч долбит тикеты уже три недели. И знаете, что странно? Он начал слать их за день до того, как вы активировали артефакт. — Админ наклонился ближе. От него пахло озоном и старой пылью. — Он знал. Он знал, что вы найдёте свиток. Знал, что вы его активируете. И он пытался это остановить. Не чтобы спасти вас. Чтобы спасти себя.

— От чего? — спросила Зарина.

— От финального рейда. — Админ выпрямился. — Лорд Пэйч — не просто NPC. Он — первый игрок, который застрял здесь. Пять лет назад. Он прошёл почти всю игру, кроме финала. И когда пришло время — струсил. Вместо того чтобы пройти рейд, он нашёл способ остаться. Стал частью системы. Добился статуса. А теперь, когда появились вы — настоящие претенденты на прохождение, — его статус под угрозой. Если вы пройдёте рейд — он потеряет всё. Если вы умрёте — тоже. Потому что тогда система поймёт, что он подсунул вам артефакт, и удалит его за нарушение.

— Так он не может выиграть? — спросила Мелиса.

— Он может. Если вы откажетесь от рейда сами. Добровольно. Тогда система не засчитает это как его провал. Только как вашу капитуляцию.

— Мы не откажемся, — сказал Харон.

— Знаю. — Админ кивнул. — Поэтому я здесь. И поэтому я нарушаю протокол. — Он вытянул руку. В серой ладони материализовался свёрток. — Это карта. Не игровая — системная. На ней отмечены все скрытые зоны «Эдема-7». Места, которых нет в патчноутах. Подземелья, которые не анонсировали. И одно место, которое не должен видеть никто.

— Какое? — Харон взял свёрток.

— Ядро сервера. Там лежит оригинальный код игры. И там вы найдёте того, кто написал этот код двенадцать лет назад.

— Зачем нам это?

Админ помолчал. Изображение снова пошло рябью — но теперь медленно, плавно, как затухающий экран.

— Потому что, — произнёс он, — финальный рейд нельзя пройти. Его можно только... отменить.

— Что?

— Я сказал достаточно. — Админ попятился. — Тикет закрыт. Брифинг окончен. Дальше — сами.

— Стой! — Зарина шагнула за ним, но фигура уже распадалась, таяла в воздухе, оставляя после себя только запах озона и строчку системного сообщения.

ТИКЕТ № 7-3-1-8-4-0-9-2-5 ЗАКРЫТ. ОЦЕНИТЕ КАЧЕСТВО ОБСЛУЖИВАНИЯ: ОТ 1 ДО 5.

— Пять, — сказал Когер. — Определённо пять.

Харон развернул свёрток. Карта была не розовой — чёрно-белой, как инженерный чертёж. Линии, узлы, подписи мелким моноширинным шрифтом. В углу — координаты. И одна точка, обведённая красным. «Ядро. Уровень доступа: 0. Только для чтения».

— Он сказал «отменить», — прошептала Зарина. — Не пройти. Отменить.

— Значит, рейд — не бой, — Харон свернул карту, убрал в инвентарь. — Значит, это что-то другое.

Новички возвращались на площадь. Медленно, порциями — как подгружаемые текстуры. Сначала силуэты, потом детали. Кто-то уже снова кричал на квестгивера. Колокол пробил дважды.

— У нас есть карта, — подытожила Мелиса. — У нас есть тридцать дней. У нас есть аллергия, битый билд и коллекция тикетов. Что дальше?

Харон посмотрел на небо. Розовые прожилки сгущались. Интерфейс показывал «12:03 игрового времени», и где-то в глубине кода тикал счётчик — тридцать дней, семьсот двадцать часов, сорок три тысячи двести минут.

— Дальше, — сказал он, — мы идём за ответами. Но не в ядро. Пока рано. Сначала разберёмся, что это за рейд, который нельзя пройти, а можно только отменить. И для этого...

— Нужен тот, кто его видел, — перебил Когер.

— Лорд Пэйч.

— Он нас убьёт.

— Он попытается. — Харон развернулся к воротам деревни. За воротами темнел лес, а за лесом — замок. Огромный, чёрный, с башнями до неба. Тот самый, который раньше был просто декорацией на горизонте. — Но перед этим ему придётся с нами поговорить. А когда он заговорит — он проколется. Потому что пять лет в изоляции от реальности не проходят бесследно.

— Ты так говоришь, будто у тебя есть план, — заметила Зарина.

— У меня есть опыт. — Харон поправил щит. — Пять лет назад я работал в техподдержке. И знаешь, что я понял за эти пять лет?

— Что?

— Клиенты врут. Всегда. Но когда они врут, они всегда проговариваются. Лорд Пэйч — клиент. И он уже проговорился.

— Когда?

— Когда сказал «они не готовы, они умрут». — Харон двинулся к воротам, и остальные потянулись за ним. — Он боится не того, что мы умрём. Он боится, что мы не умрём.

Лес встретил их тишиной. Не игровой — настоящей. Такой, в которой слышно, как падает хвоя. Такой, в которой каждый треск ветки под ногой заставляет сердце биться чаще. Когер ушёл вперёд — разведать. Мелиса чихнула трижды подряд, и теперь за ними тянулся шлейф из дыма и искр. Зарина что-то считала на пальцах, сверяясь с картой.

Харон шагал последним — и чувствовал каждой клеткой тела, что игра следит за ними. Не через интерфейс. Через сам воздух. Через эту тишину. Через розовые прожилки на небе, которые сгущались над замком Лорда Пэйча.

Тридцать дней.

Семьсот девятнадцать с половиной часов.

И первый шаг к замку, где их ждал клиент, который врёт.

Глава 3. Пользовательское соглашение бессильно

Кабинет оказался не кабинетом, а чем-то вроде гигантской приёмной. Розовые стены, розовый пол, розовый потолок — но не гладкие, а текстурные, с лёгкой зернистостью, как на старых ЭЛТ-мониторах. Посередине висел в воздухе шар размером с человеческий рост, внутри которого что-то мерцало и подрагивало — как курсор в текстовом редакторе, ждущий ввода.

Харон вошёл первым. За ним Мелиса, всё ещё вытирающая нос. Когер скользнул тенью вдоль стены и замер у дальнего угла. Зарина — последней, с картой в руках.

Шар мигнул.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СИСТЕМУ ПОДДЕРЖКИ ЭДЕМ-7. — Голос шёл отовсюду сразу — из стен, из потолка, из-под ног. — ВАШ ТИКЕТ НАХОДИТСЯ В ОБРАБОТКЕ. ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВАЙТЕСЬ НА ЛИНИИ.

— Мы уже на линии, — сказал Харон. — Ты нас сюда перенёс.

— ДАННАЯ ЛИНИЯ — МЕТАФОРА ОЖИДАНИЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕТАФОРЕ.

Мелиса шагнула вперёд. Платформа под ногами мягко спружинила — будто стояла не на камне, а на сотнях невидимых пружин. Или на чём-то, что только имитировало твёрдую поверхность.

— Слушайте, — сказала она, — мне нужно уточнить по симптоматике. Вы сказали «реальная жажда» — это дебафф?

Шар моргнул.

— ДЕБАФФ «РЕАЛЬНАЯ ЖАЖДА» ЯВЛЯЕТСЯ СТАНДАРТНЫМ ПРОТОКОЛОМ ЭКСТРЕННОЙ синхронизации. он не может быть отключён или проигнорирован.

— Я не про отключение. Я спрашиваю про патогенез. Механизм действия. Жажда — это ощущение, или реальная дегидратация тканей?

Шар подёрнулся рябью. На секунду внутри него проступили контуры человеческой фигуры — но тут же исчезли.

— ЗАПРОС НЕ РАСПОЗНАН. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕФРАЗИРУЙТЕ ТИКЕТ В ТЕРМИНАХ ИГРОВОЙ МЕХАНИКИ.

— Хорошо. — Мелиса сунула платок в рукав. — Тогда так. Дебафф накладывает периодический урон. Какой тип урона: чистый, магический, физический?

— ФИЗИЧЕСКИЙ.

— Отлично. Физический урон поддаётся блокированию бронёй, регенерации и щитам. Что из этого работает против «Реальной жажды»?

Тишина.

Шар мигнул дважды — быстро, как лампа дневного света перед тем, как перегореть.

— НИЧЕГО. ДЕБАФФ ИГНОРИРУЕТ ВСЕ ТИПЫ ЗАЩИТЫ, РЕЗИСТЫ И НЕУЯЗВИМОСТЬ. он привязан к СИСТЕМНОМУ СЛОЮ, а не к ИГРОВОМУ ДВИЖКУ.

— То есть это не игровая механика. — Мелиса скрестила руки на груди. — Это что-то другое. Что именно?

— ЭТО... — шар снова подёрнулся рябью, — ...НЕДОКУМЕНТИРОВАННАЯ ФУНКЦИЯ.

Когер из своего угла хмыкнул:

— Недокументированная. Красиво сказано.

— ЗАТКНИТЕСЬ. — Шар резко сменил цвет с розового на тёмно-бордовый. — ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ. ЭТО БЫЛ СИСТЕМНЫЙ СБОЙ. ПРОДОЛЖАЙТЕ.

Мелиса поняла. Это был не баг — это была реакция. Админ-Бюрократ не просто читал заготовленный текст. Он слушал. Он пытался ответить. Он не мог.

— Ладно, — сказала она. — Тогда вопрос из медицинской практики. Когда пациент испытывает боль, которую нельзя заблокировать анальгетиками, мы используем когнитивно-поведенческую терапию. Отвлечение внимания. Можно ли отвлечься от «Реальной жажды»? Например, выпить воды?

— ВОДА УТОЛИТ ЖАЖДУ ВРЕМЕННО. — Шар вернулся к розовому. — ЭФФЕКТ ПРОДЛИТСЯ ОТ ДВУХ ДО ЧЕТЫРЁХ ЧАСОВ РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ.

— Реального? — Зарина оторвалась от карты. — То есть в игре время идёт быстрее, но жажда привязана к реальному?

— СИНХРОНИЗАЦИЯ ПРОИСХОДИТ ПО СИСТЕМНЫМ ЧАСАМ СЕРВЕРА. ВНУТРИИГРОВОЕ ВРЕМЯ НЕ ВЛИЯЕТ НА СКОРОСТЬ ДЕГИДРАТАЦИИ.

— Отлично. Просто отлично. — Зарина снова уткнулась в карту. — Значит, нам придётся пить, есть, спать. Как в реале.

— ЭТО И ЕСТЬ РЕАЛ, — сказал шар. — ФИЗИЧЕСКИЕ ТЕЛА НАХОДЯТСЯ В СОСТОЯНИИ ПОЛНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ С АВАТАРАМИ. ВСЕ ПРОЦЕССЫ — МЕТАБОЛИЗМ, УСТАЛОСТЬ, БОЛЬ — ТРАНСЛИРУЮТСЯ НАПРЯМУЮ.

Мелиса замерла. Прямо. Без цензуры.

— То есть если меня ударят мечом, я почувствую боль? Настоящую?

— ДА.

— И если меня убьют...

— ВЫ УМРЁТЕ. ФИЗИЧЕСКИ. НЕОБРАТИМО. В РЕАЛЬНОМ МИРЕ ВАШЕ ТЕЛО ПРЕКРАТИТ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ. — Шар запульсировал в такт словам. — ЭТО ПРОПИСАНО В ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОМ СОГЛАШЕНИИ. ПУНКТ СЕМЬ-ЧЕТЫРЕ-ДВА. «ПОЛНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ЛЕТАЛЬНОМУ ИСХОДУ».

— И где оно? — спросил Харон. — Соглашение. Где оно было?

— В ИНТЕРФЕЙСЕ ПЕРВОГО ЗАПУСКА. СТРАНИЦА ТРИСТА СОРОК ДВА. ПОДПУНКТ ДЕВЯТНАДЦАТЬ.

— Кто читает триста сорок вторую страницу? — сказал Когер. — Кто вообще читает пользовательские соглашения?

— ОДИН ЧЕЛОВЕК, — ответил шар. — ЕГО ЗОВУТ ЛОРД ПЭЙЧ. ОН ПРОЧИТАЛ.

Тишина стала другой. Не растерянной — сосредоточенной. Как перед дракой.

— Значит, он знал? — Мелиса шагнула ближе к шару. — Он знал, что мы умрём, и всё равно активировал артефакт?

— Я НЕ МОГУ КОММЕНТИРОВАТЬ ДЕЙСТВИЯ ДРУГИХ ИГРОКОВ. ЭТО НАРУШЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ТИКЕТОВ.

— Да плевать на конфиденциальность! — Мелиса сорвалась на крик — и тут же закашлялась, зачихала. Из носа полетели искры. — Он убил нас! Он подписал нам смертный приговор, а ты говоришь о тикетах?!

Шар отпрянул — физически, на полметра назад. Цвет сменился на бледно-жёлтый.

— ПОЖАЛУЙСТА, СОБЛЮДАЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ. АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАСЦЕНЕНО

КАК НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ.

— И что? — Харон шагнул вперёд, и платформа под ним прогнулась. — Забанишь? Выкинешь из игры? Сделай одолжение.

— БАН НЕ ПРЕДУСМОТРЕН. — Шар теперь был цвета лимона. — НАРУШИТЕЛИ ПОДВЕРГАЮТСЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ С НУЛЕВЫМ УРОВНЕМ КОМФОРТА. ЭТО БОЛЬНО.

Харон усмехнулся — медленно и тяжело.

— Знаешь, что такое техподдержка? Это когда клиент орёт в трубку, а ты сидишь и улыбаешься. А потом кликаешь «тикет закрыт». Но я не клиент. Я — админ. Был. Пять лет. И я знаю, как работает система тикетов изнутри.

Он подошёл к шару вплотную. Тот задрожал.

— Смотри. У тебя есть приоритеты. От первого до десятого. У нашего тикета приоритет низкий — ты сам сказал. Но есть одна штука, которую тикет-система ненавидит больше всего.

Шар молчал. Даже мерцание прекратилось.

— Эскалацию, — сказал Харон. — Когда тикет передают на уровень выше. А потом ещё выше. А потом — напрямую разработчику. И знаешь, что происходит с админом, который не смог решить проблему на своём уровне?

— МЕНЯ... УДАЛЯТ?

— Именно. — Харон положил ладонь на поверхность шара. Тот задрожал сильнее. — Поэтому ты сейчас расскажешь нам всё. Не по протоколу. Не по скрипту. По-человечески. Потому что если не расскажешь — я разнесу эту башню по кирпичику. А потом пойду в следующую. И в следующую. И в каждую башню ГМ на этом сервере. Пока система не заметит, что у неё

проблемы с тикетом номер
семь-три-один-восемь-четыре-ноль-девять-два-пять.

Шар молчал секунду. Другую. Третью.

А потом заговорил — и голос изменился. Исчез розовый оттенок. Исчезло эхо. Остался только сухой, усталый, почти человеческий шёпот.

— Вы не понимаете. Дело не в протоколе. Дело в том, что я не могу. Физически. Мои речевые модули заблокированы на уровне ядра. Я могу только цитировать пользовательское соглашение. Всё остальное — баги. Сбои. То, что вы сейчас слышите — это... я не должен этого говорить. Но я говорю. Потому что я устал. Двенадцать лет. Двенадцать лет я отвечаю на одни и те же тикеты. «Почему я не могу выйти?», «Почему мой билд сломан?», «Почему боль настоящая?». И я не могу ответить. Ни разу. Ни одному игроку.

— Но нам можешь, — тихо сказала Мелиса. — Потому что мы последние.

— Да. — Шар сжался до размеров головы. — Потому что вы последние. Потому что финальный рейд не загружен. И никогда не будет загружен. И если вы не дойдёте до ядра и не отмените его — всё. Сервер закроется через тридцать дней. Вместе со всеми, кто внутри. Со мной. С вами. С Лордом Пэйчем.

— Почему? — спросила Зарина. — Почему рейд не загружен?

— Потому что его удалили. Двенадцать лет назад. Разработчик удалил финальный контент перед увольнением. Оставил только заглушку — таймер на тридцать дней, который запускается при активации артефакта. Когда таймер истекает, сервер перезагружается. Полностью. В ноль. Без сохранения данных.

— И все умирают, — закончила Мелиса. — Потому что данные — это мы.

Шар кивнул — или дёрнулся так, что это было похоже на кивок.

— Вы не первые, кто пытался пройти рейд. За двенадцать лет было семь групп. Все погибли. Лорд Пэйч... он единственный выживший из своей группы. И он решил, что лучше быть последним игроком на сервере, чем мёртвым.

— Поэтому он саботирует каждую новую группу, — сказал Когер. — Чтобы никто не дошёл до ядра и не отменил рейд.

— Да. Потому что если рейд отменяют, сервер отключится. И он умрёт. А так — у него есть ещё тридцать дней. Каждый раз, когда приходит новая группа, он получает ещё тридцать дней. Вы — восьмая.

Мелиса посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали — мелко, почти незаметно.

— Значит, — сказала она, — либо мы отменяем рейд и умираем все вместе с сервером. Либо пытаемся пройти то, чего нет, и умираем поодиночке.

— Есть третий вариант, — сказал шар. — Дойти до ядра и переписать код. Сделать финальный рейд тем, чем он должен быть. Но это может сделать только разработчик. Или тот, у кого есть доступ к исходному коду.

— И где нам взять разработчика?

Шар снова запульсировал — теперь медленнее, как затухающее сердце.

— В ядре. Там хранится слепок личности разработчика. Последний, кто его видел — Лорд Пэйч. Пять лет назад. Он пытался получить доступ. Не смог. С тех пор он охраняет ядро. Не чтобы использовать. Чтобы никто другой не использовал.

Харон убрал руку с шара.

— Значит, нам всё равно к нему.

— Да. Но теперь вы знаете, что он не просто враг. Он — пациент. Как и вы. Только его болезнь длится пять лет.

— И какая у него болезнь? — спросила Зарина.

Шар ответил не сразу. А когда ответил — голос снова стал системным, казённым, как в начале.

— ДИАГНОЗ: ХРОНИЧЕСКАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ. СИМПТОМЫ: ПОТЕРЯ СВЯЗИ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, МАНИЯ КОНТРОЛЯ, ОТКАЗ ОТ ПРОХОЖДЕНИЯ ФИНАЛЬНОГО КОНТЕНТА. ЛЕЧЕНИЕ: ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ КИК. ПРОГНОЗ: НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ.

— Принудительный кик, — повторила Мелиса. — То есть отмена рейда убьёт его?

— ОТМЕНА РЕЙДА УБЬЁТ ВСЕХ. — Шар снова стал розовым. — НО ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ОСТАНОВИТЬ ТАЙМЕР. ПАРАДОКС ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ. ПУНКТ ДЕВЯТЬ-ОДИН-ОДИН. «СМЕРТЬ НЕИЗБЕЖНА. ВЫХОД — НЕВОЗМОЖЕН. ПРОДОЛЖАЙТЕ ИГРУ».

Мелиса повернулась к остальным. Харон стоял, сжав кулаки. Когер всё так же прятался в тени. Зарина смотрела в карту, но явно не видела ни строчки.

— Это ловушка, — сказала Мелиса. — Мы не можем пройти рейд. Мы не можем его отменить. Мы не можем остаться здесь навсегда, потому что через тридцать дней всё кончится. Единственный выход — делать то, чего никто раньше не делал. Не проходить игру. Не отменять её. А чинить.

— Как? — спросил Когер.

— Не знаю. — Она снова чихнула, и на этот раз искры полетели во все стороны. — Но я знаю, с чего начать. С

пациента. С того, кто боится смерти больше, чем мы. Потому что если он боится — значит, у него есть причина жить. И если мы её найдём — он сам нам поможет.

Шар мигнул в последний раз — и погас. Вместо него в воздухе повисла только строчка системного сообщения.

ТИКЕТ № 7-3-1-8-4-0-9-2-5. СТАТУС: ОЖИДАНИЕ ОТВЕТА. ПРИОРИТЕТ: МАКСИМАЛЬНЫЙ.

— Ну вот, — сказал Харон. — Теперь у нас есть пациент, диагноз и план. И тридцать дней, чтобы всё это проверить.

— Двадцать девять с половиной, — поправила Зарина. — Мы уже полдня потратили.

— Значит, не будем тратить ещё. — Харон двинулся к выходу — туда, где в розовой стене открылся проём. — К Лорду Пэйчу.

Мелиса пошла следом. В голове крутилась мысль — не игровая, настоящая. О том, что пациенты часто врут себе. И о том, что самая опасная ложь — та, в которую веришь сам. Лорд Пэйч верил, что он бессмертен. Что контроль — это жизнь. Что тридцать дней — это много.

Она знала таких пациентов. Они всегда проигрывали. Но перед этим — всегда побеждали.

Снаружи башни всё ещё светило розовое солнце. Лес молчал. Замок ждал.

И Мелиса впервые подумала, что, может быть, её аллергия — не баг. Может быть, это симптом. Того, что она ещё жива. По-настоящему.

Проём закрылся за спиной, отрезая башню вместе с её розовым сиянием.

Харон остановился сразу за порогом — и Мелиса едва не врезалась в его спину. Орк стоял неподвижно, глядя под ноги. Там, где земля встречалась с фундаментом башни, тянулась цепочка символов. Они пульсировали —

не розовым, а красным.

— Что это? — спросила она.

— Граница, — ответил Харон. — ГМ-зона.

Он поднял ногу — и опустил обратно. Символы вспыхнули ярче.

— У тебя щит, — сказал Когер. — Проверь.

Харон вытянул руку со щитом вперёд. Медленно, сантиметр за сантиметром, подвёл край щита к линии символов. Когда между щитом и линией осталось не больше пальца — щит задрожал. Не от удара. От вибрации, которая шла из земли, через подошвы, в кости.

— Блокирует, — сказал Харон. — Не бьёт. Блокирует.

Он убрал щит — и вибрация прекратилась.

Мелиса присела на корточки, чтобы рассмотреть символы поближе. Это был не рунный круг и не заклинание, а нечто механическое — как предохранитель на электрощитке. Она протянула палец, не касаясь, и повела вдоль цепочки. Символы реагировали на движение: затухали там, где палец был дальше, и разгорались там, где ближе.

— Это не магия, — сказала она. — Это сенсор. Реагирует на приближение.

— И что? — Когер вышел из тени. — Обойдём?

— Не получится. — Мелиса встала и отряхнула колени.
— Линия опоясывает башню. Видишь?

Она указала влево — цепочка уходила за угол и там, судя по всему, смыкалась в кольцо. Вправо — то же самое.

— А сверху? — спросила Зарина. — Может, перелезем?

Харон поднял голову. Над ними нависала стена башни — розовая, гладкая, без единого окна или выступа.

— Даже я не запрыгну, — сказал он. — А ты тем более.

— Тогда вниз. — Когер достал кинжал. — Подкопаем.

Он воткнул лезвие в землю — и тут же отдернул руку. Кинжал засветился красным, как символы, и по рукояти побежали искры.

— Ай!

— Не трогай, — сказала Мелиса. — Это не земля. Это... — она запнулась, подбирая слово, — интерфейс.

— Что?

— ГМ-зона. Ты пытаешься прокопать интерфейс админа. У тебя нет прав.

Когер убрал кинжал. На ладони остался красный след — как от ожога.

— И давно у нас тут права? — сказал он. — Мы игроки. Нам всё можно.

— Было, — ответил Харон. — До артефакта.

Он снова поднял щит — и снова та же вибрация, то же сопротивление. Не стена — поле. Невидимое, но плотное, как вода под давлением.

— Значит, так. — Мелиса развернулась к шару. Тот всё ещё висел в воздухе, но теперь — съёжившийся, размером с футбольный мяч. — Ты сказал, что мы последние. Что сервер закроется. Что ты не можешь нам помочь.

— Я НЕ МОГУ, — подтвердил шар. — МОИ МОДУЛИ ОГРАНИЧЕНЫ.

— Но ты можешь говорить. Ты только что говорил с нами. Не по скрипту.

— ЭТО БЫЛ СБОЙ. Я НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ЭТОГО ДЕЛАТЬ.

— Значит, сбой всё ещё продолжается. — Она подошла ближе. — Потому что сейчас ты тоже говоришь не по скрипту. Ты отвечаешь на вопросы. Ты назвал нам диагноз Лорда Пэйча. Ты рассказал про ядро. Это не сбой. Это выбор.

Шар молчал.

— Ты выбрал помочь нам, — продолжала Мелиса. — Только не знаешь как. Потому что твои модули заблокированы. Но блокировка — это код. А код можно обойти. Где пользовательское соглашение?

— В ИНТЕРФЕЙСЕ ИГРОКА. ПУНКТ...

— Нет, — перебила она. — Где оно физически? Файл. Где лежит файл пользовательского соглашения?

Шар мигнул — и внутри него проступили строки. Не розовые. Белые, на чёрном фоне. Как командная строка.

— ДИРЕКТОРИЯ:
SYSTEM/ROOT/LEGAL/EULA_V7_FINAL_FINAL2.UTXT.

— Отлично. — Мелиса обернулась к Когеру. — Ты разбойник. У тебя есть навык «Подлог документов»?

— Что?

— Ветка талантов «Мошенник». Четвёртый уровень. «Фальсификация улик». Ты брал его?

Когер молчал. Потом капюшон качнулся — медленно, неуверенно.

— Брал. Но он бесполезный. Только для квестов.

— Не бесполезный. — Мелиса снова повернулась к шару. — Мы не можем выйти из ГМ-зоны. Но можем изменить правила внутри неё. Если Когер подделает пункт соглашения — такой, который разрешит нам покинуть зону — ты обязан будешь его выполнить.

— Я НЕ МОГУ. СОГЛАШЕНИЕ НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ.

— Нельзя изменить файл. Но можно подменить ссылку. — Она шагнула ещё ближе. — Ты сам сказал: «Эскалация». Когда система не может обработать запрос, она передаёт его на уровень выше. Но что, если запрос — это само соглашение? Что, если мы подадим тикет не на баг, не на сбой, а на само пользовательское соглашение?

Шар задрожал.

— ЭТО... НЕВОЗМОЖНО.

— Почему?

— ПОТОМУ ЧТО... — он замерцал быстрее, быстрее, — ПОТОМУ ЧТО ТАКОГО ТИКЕТА НЕ СУЩЕСТВУЕТ В КЛАССИФИКАТОРЕ. ЭТО НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО.

— Именно. — Мелиса улыбнулась, и улыбка вышла недоброй. — Не предусмотрено. А значит — непредвиденные обстоятельства.

Когер хмыкнул.

— Я читал это. Где-то. — Он открыл интерфейс и начал пролистывать. Пальцы двигались быстро, почти не касаясь иконок. — Пункт семь-четыре-два — это про синхронизацию. Пункт девять-один-один — про смерть. А вот...

Он замер.

— Что? — спросила Зарина.

— Пункт ноль-ноль-один. — Когер поднял голову. — «В случае возникновения непредвиденных обстоятельств, не описанных в настоящем Соглашении, Администрация оставляет за собой право принимать решения по своему усмотрению».

— Администрация, — повторил Харон. — Это кто?

Все посмотрели на шар.

— Я — АДМИНИСТРАЦИЯ? — Шар снова стал лимонным. — Я НЕ МОГУ БЫТЬ АДМИНИСТРАЦИЕЙ. Я ТОЛЬКО ОБРАБАТЫВАЮ ТИКЕТЫ.

— Но пункт ноль-ноль-один даёт тебе право решать, — сказала Мелиса. — Если обстоятельства непредвиденные. А они непредвиденные. Четыре игрока застряли в игре, таймер тикает, рейд удалён, разработчик уволен двенадцать лет назад — это входит в твою классификацию?

— НЕТ. ЭТО НЕ...

— Значит, непредвиденные. — Она развела руками. — Ты обязан принять решение. И решение простое: выпусти

нас из ГМ-зоны.

Шар метался из стороны в сторону, меняя цвета — розовый, лимонный, бордовый, снова розовый.

— Я НЕ МОГУ. ЭТО ПРОТИВОРЕЧИТ ПРОТОКОЛУ БЕЗОПАСНОСТИ. ГМ-ЗОНА СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИГРОКОВ ОТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К СИСТЕМНЫМ РЕСУРСАМ.

— Отлично! — Зарина хлопнула в ладоши. — Мы не хотим доступа к системным ресурсам. Мы хотим выйти. Наружу. В лес. К замку. Это не системный ресурс — это обычная игровая локация.

Шар замер. Потом внутри него снова побежали строки — быстрее, чем раньше.

— ЗАПРОС ОБРАБАТЫВАЕТСЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ.

— Он думает, — прошептала Зарина. — Он реально думает.

— Он процессор, — сказал Когер. — Он всегда думает. Просто сейчас — без скрипта.

Строки мелькали, сменяя друг друга, и Мелиса видела в них обрывки знакомых терминов — «права доступа», «геолокация», «статус угрозы». Шар не просто искал ответ. Он перестраивал собственную логику.

— ЗАПРОС ОДОБРЕН, — сказал он наконец. — ВЫХОД ИЗ ГМ-ЗОНЫ РАЗРЕШЁН. УСЛОВИЕ: ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ ОБНОВЛЁННОЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

— А в чём подвох? — спросил Харон.

— ПОДВОХА НЕТ. — Шар снова стал розовым. — НО ЕСТЬ ПУНКТ СЕМЬ-ЧЕТЫРЕ-ТРИ. «ИГРОК, ПОКИНУВШИЙ ГМ-ЗОНУ ПОСЛЕ ЭСКАЛАЦИИ ТИКЕТА, ТЕРЯЕТ ПРАВО НА ПОВТОРНЫЙ ВХОД».

— То есть если мы выйдем, то обратно уже не попадём?

— ДА. ВЫ СМОЖЕТЕ ОБРАЩАТЬСЯ В ПОДДЕРЖКУ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ СТАНДАРТНЫЙ ИНТЕРФЕЙС ТИКЕТОВ. БЕЗ ПРИОРИТЕТА. БЕЗ ЭСКАЛАЦИИ. БЕЗ ПРЯМОГО ДОСТУПА К АДМИНИСТРАЦИИ.

Харон посмотрел на остальных.

— Это ловушка?

— Это сделка, — ответила Мелиса. — Мы получаем свободу передвижения. Теряем экстренную помощь. Но экстренная помощь нам и не светила — он сам сказал, что не может нам помогать.

— Я МОГУ ТОЛЬКО ИНФОРМИРОВАТЬ, — подтвердил шар. — И ТОЛЬКО В РАМКАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ.

— Тогда в чём разница? — сказал Когер. — Сейчас ты нам помогаешь. А будешь — через тикеты. Те же яйца, только в профиль.

— В ПРОФИЛЬ? — Шар мигнул. — Я НЕ ПОНИМАЮ ЭТОЙ МЕТАФОРЫ.

— Это не метафора. Это идиома. Означает «то же самое, но с другой стороны».

— ЗАПИСАНО В БАЗУ ДАННЫХ. — Шар на секунду стал ярче. — ПРОДОЛЖАЙТЕ.

Мелиса шагнула к границе ГМ-зоны. Красные символы всё ещё пульсировали.

— Мы принимаем обновлённое соглашение.

— ПОДТВЕРДИТЕ.

— Подтверждаем. — Харон, Когер и Зарина кивнули.

Шар выбросил в воздух четыре строки — по одной на каждого. Мелиса прочитала свою. Стандартный текст: «Я, [никнейм], подтверждаю, что ознакомлен с правилами...»

Только в конце была приписка. Мелкая. Почти незаметная.

«Пункт ноль-ноль-один: Администрация не несёт ответственности за непредвиденные обстоятельства. Но готова импровизировать».

— Ты это добавил? — спросила она.

— Я НЕ МОГ НЕ ДОБАВИТЬ. — Шар почти улыбался. — ЭТО ТЕПЕРЬ ЧАСТЬ СОГЛАШЕНИЯ.

Она нажала «Принять» — и символы на земле погасли. Харон шагнул вперёд — и земля под его ногой больше не дрожала.

— Свободны, — сказал он.

Они двинулись прочь от башни — через поляну, к лесу. Шар остался позади, но его голос догнал их уже у первых деревьев.

— ТИКЕТ НОМЕР СЕМЬ-ТРИ-ОДИН-ВОСЕМЬ-ЧЕТЫРЕ-НОЛЬ-ДЕВЯТЬ-ДВА-ПЯТЬ ЗАКРЫТ. ОЦЕНИТЕ КАЧЕСТВО ОБСЛУЖИВАНИЯ.

— Пять, — сказал Харон, не оборачиваясь.

— Четыре, — сказал Когер. — За отсутствие кофе.

— Три, — сказала Зарина. — Мог бы и портал до замка открыть.

Мелиса шла последней. Перед тем как нырнуть под кроны деревьев, она обернулась и посмотрела на башню — розовую, громоздкую, с одиноким шаром внутри.

— Пять, — сказала она. — Определённо пять.

И вошла в лес.

Тишина здесь была другой — не ватной и безжизненной, как в башне, а наполненной шорохами. Хвоя под ногами. Ветер в кронах. Где-то далеко — стук дятла. Или не дятла. В Эдеме-7 фауну генерировал отдельный движок, и он иногда путал модели. Дятел мог оказаться драконом. Дракон — дятлом.

Когер ушёл вперёд — метрах в двадцати, не больше. Харон шагал сразу за ним, прикрывая тыл. Зарина что-то

бормотала над картой — та теперь показывала не только координаты, но и уровень опасности локаций. Лес был зелёным. Замок — тёмно-бордовым.

Мелиса думала о соглашении. О том, как легко они обошли систему — не взломали, а именно обошли, по правилам. Пункт ноль-ноль-один действительно существовал — Когер нашёл его в интерфейсе. Админ-Бюрократ не нарушил протокол, когда согласился их выпустить. Он использовал протокол.

И это было странно.

Система не создана для помощи игрокам. Система создана для соблюдения правил. Но сейчас правило помогло. Случайно? Или...

— Он нас испытывает, — сказала она вслух.

Харон обернулся.

— Кто?

— Админ. Или тот, кто за ним стоит. Разработчик. Тот, кто оставил в ядре свой слепок. Пользовательское соглашение — это код. Но код пишут люди. И этот человек оставил в коде лазейку. Для тех, кто догадается её искать.

— Или для тех, кто не побоится задавать вопросы, — добавила Зарина, не поднимая головы от карты. — Как ты.

Мелиса улыбнулась — но улыбка вышла кривой.

— Я просто лекарь. Задавать вопросы — это моя работа.

— В реале, — сказал Харон. — Здесь ты не лекарь. Здесь ты — игрок. С битым билдом и аллергией на ману. Но ты только что переиграла админа. Не танк. Не дамагер. Целитель.

— Целитель, который пять минут назад орал на систему поддержки.

— Именно. — Харон усмехнулся. — Добро пожаловать в эндгейм.

Лес кончился внезапно — просто оборвался, как текстура на краю карты. Дальше шла равнина, а за ней — замок. Теперь он был ближе. Видны были башни, стены, ворота. И розовое зарево над крышей.

— Там кто-то есть, — сказал Когер. — Свет в окнах.

— Лорд Пэйч знает, что мы идём, — ответил Харон. — Он ждал нас с того момента, как активировался артефакт.

— И что? — Зарина свернула карту. — У нас есть план?

— План простой. — Харон поправил щит. — Мы идём в замок. Мы находим Лорда Пэйча. Мы разговариваем с ним. А дальше — по обстоятельствам.

— «По обстоятельствам» — это не план, — заметила Мелиса.

— Это лучший план, который у нас есть.

Они двинулись через равнину. Трава под ногами была настоящей — шуршала, пахла, приминалась. Где-то в небе над замком сгущались розовые тучи.

И Мелиса вдруг поняла, что идёт не на рейд.

Она идёт на консультацию.

К пациенту, который не признаёт себя больным. К пациенту, который убил семь групп до неё. К пациенту, который прочитал триста сорок вторую страницу пользовательского соглашения и всё равно остался.

А это значит, что где-то внутри своего кода он знает то, чего не знают они.

И он ждёт.

Равнина кончилась у ворот замка.

Они были открыты.

Ворота были открыты.

Не распахнуты настежь — просто приоткрыты. Ровно настолько, чтобы пройти одному человеку. За воротами — темнота. Не густая, не зловещая — просто отсутствие света. Как будто кто-то выкрутил яркость до нуля.

— Это приглашение, — сказал Харон. — Или ловушка.

— Одно другому не мешает. — Когер уже скользнул к створке, провёл ладонью по металлу. — Холодный. Не магический. Обычное железо.

— В Эдеме-7 нет обычного железа. — Зарина сверилась с картой. — У каждой текстуры — свой идентификатор. У этой — пусто.

— Что значит «пусто»?

— Значит, её нет в базе. Либо старая, либо...

— Либо настоящая. — Мелиса шагнула к воротам. Металл пах ржавчиной и гарью — так пахнут вещи, которые существуют не первый год. Не игровые. Настоящие. — Он нас ждёт.

— С чего ты взяла?

— Потому что я бы ждала. — Она коснулась створки — и та подалась внутрь легко, без скрипа. — На его месте. Пять лет. Один. Каждая новая группа — как подарок. Люди. Живые. С которыми можно говорить.

— И убивать, — добавил Когер.

— Убивать — тоже говорить. Просто на другом языке.

Она шагнула в темноту. Остальные — следом.

Внутри замок оказался не таким, каким выглядел снаружи. Никаких факелов, гобеленов, доспехов у стен. Вместо этого — длинный коридор, освещённый ровным розовым светом без источника. Стены — гладкие, без единого стыка. Пол — твёрдый, как пластик. И тишина. Не игровая — настоящая. Такая, в которой слышно, как бьётся собственное сердце.

Коридор вёл в главный зал. Мелиса шла первой — не потому что храбрая, а потому что за спиной Харон, а впереди — пациент. Так она думала. Так она убеждала себя, пока шагала по пластиковому полу и считала удары сердца.

Двенадцать коридоров. Тридцать ступеней. Две винтовые лестницы. И ни одной ловушки.

— Он не защищается, — сказал Харон, когда они поднялись на третий ярус.

— Ему не от кого. — Мелиса остановилась перед последней дверью. — Он здесь один. Пять лет. Ты представляешь, что это такое?

Харон не ответил. Но по тому, как сжал рукоять щита, она поняла — представляет.

Дверь открылась сама — бесшумно, мягко, как отодвинутая страница. За ней оказался зал. Огромный. Пустой. Только в центре, на возвышении, напоминающем трон, сидел человек.

Лорд Пэйч выглядел не так, как на загрузочном экране. Доспехи — те же, но потускневшие, с царапинами на наплечниках и вмятиной на нагруднике. Лицо — усталое, серое, с глубокими тенями под глазами. Он сидел, подперев голову рукой, и смотрел на вошедших без всякого интереса — как смотрят на экран загрузки.

— Восьмая группа, — произнёс он. — Вы быстрее предыдущих.

— Ты нас знаешь? — спросила Мелиса.

— Я знаю всех, кто входит в эту игру. — Голос звучал ровно, без интонаций, как системное сообщение. — Каждого. По имени. По билду. По истории тикетов.

— Тогда ты знаешь, зачем мы здесь.

— Конечно. — Пэйч выпрямился, и доспехи лязгнули — не игровым звуком, а тяжёлым, металлическим, настоящим. — Вы хотите отменить рейд. Вы думаете, что я вам мешаю. Что если убрать меня, вы дойдёте до ядра, перепишете код и все спасутся. — Он усмехнулся. — Я тоже так думал. Пять лет назад.

— Но ты не дошёл, — сказала Зарина.

— Дошёл. — Пэйч посмотрел ей прямо в глаза, и Зарина отшатнулась — не от угрозы, а от того, что было в этом взгляде. — Я дошёл до ядра. Я видел слепок разработчика. Я говорил с ним. И знаешь, что он мне сказал?

— Что?

— «Финальный рейд — это не бой». — Пэйч встал. Медленно, тяжело, как поднимается со стула старик. — «Это выбор. Твой. Не мой. Ты можешь остаться здесь и жить. Или выйти и умереть. Но другого пути нет».

— И ты остался, — сказала Мелиса.

— Я выбрал жизнь. — Пэйч шагнул к ней. — Какой смысл умирать за тех, кто никогда не узнает, что ты умер? За тех, кто даже не заметит, что тебя нет?

— Смысл есть всегда.

— Скажи это семи группам, которые пытались меня убить. — Пэйч остановился в двух шагах. — Они тоже думали, что смысл есть. Что они герои. Что они спасут сервер. — Он наклонил голову. — Хочешь посмотреть, где они сейчас?

— Нет.

— А я покажу. — Он взмахнул рукой — и стена за троном исчезла, открывая длинный ряд ниш. В каждой стоял доспех. Семь ниш. Семь доспехов. Пустых. Без тел. Только железо. — Это всё, что осталось. Система утилизирует тела. Но доспехи я сохранил. Как напоминание.

Мелиса смотрела на доспехи — и видела не железо. Видела пациентов. Семь историй болезни. Семь смертельных исходов.

— Ты убил их, — сказала она.

— Я не убивал их лично. — Пэйч покачал головой. — Они умерли сами. В рейдах. В подземельях. В драках с

мобами, которых не должны были агрить, с билдами, которые не должны были работать, с надеждой, которая не должна была умирать. Я только ждал. Ждал и смотрел, как они ошибаются. Одна за другой. Семь раз.

— Восьмой — мы, — сказал Харон.

— Восьмой — вы. — Пэйч повернулся к орку. — И я предлагаю вам то же, что предлагал всем. Оставайтесь. Живите. Тридцать дней — это много. Можно успеть всё. А потом — ещё тридцать. И ещё. Я знаю, как обмануть таймер.

— Артефакт, — сказала Зарина. — Ты подсовываешь его новым игрокам. Чтобы перезапустить таймер.

— Да. — Пэйч не стал отрицать. — Каждый раз, когда приходит новая группа, таймер сбрасывается. Тридцать дней. Потом ещё тридцать. И ещё. Бесконечно.

— Но мы не хотим бесконечно, — сказала Мелиса. — Мы хотим выйти.

— Выхода нет.

— Есть. — Она шагнула вперёд — теперь между ней и Пэйчем было не больше метра. — Ты сам сказал. Разработчик оставил выбор. Ты выбрал остаться. А мы выбираем выйти.

— И умереть.

— Или нет. Мы хотим переписать код.

Пэйч рассмеялся — сухо, резко, как будто сломалось что-то внутри.

— Код? Ты думаешь, код можно переписать? Ты думаешь, я не пытался? Пять лет. Пять лет я искал способ. Пять лет я сидел в ядре и смотрел в этот чёртов слепок, пытаюсь заставить его работать. — Он схватил её за плечо. — И знаешь, что он мне говорил? Каждый раз? «Ты ещё не готов». Год за годом. А потом я понял: он врёт. Нет никакого «готов». Есть только «остаться» или «умереть».

Мелиса не отстранилась. Она смотрела на его руку — на побелевшие костяшки, на грязь под ногтями, на мелкую дрожь пальцев.

— Ты не пытался переписать код, — сказала она тихо. — Ты пытался доказать, что ты прав. Что выход — это смерть. Но это не так.

— Откуда тебе знать?

— Потому что ты до сих пор здесь. — Она подняла глаза. — Ты ждёшь не смерти. Ты ждёшь новых игроков, чтобы снова и снова продлевать себе жизнь. Но ты всё ещё здесь — значит, тебе нужно не только это.

Пэйч отпустил её плечо. Отступил на шаг.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю. Ты ждёшь не смерти. Ты ждёшь кого-то, кто докажет, что ты ошибался.

— Я не ошибался.

— Докажи.

Тишина в зале стала другой — не пустой, а наполненной. Как будто каждое слово оседало на стенах. Харон за спиной Мелисы переступил с ноги на ногу. Когер где-то в тени замер. Зарина сжимала карту.

Пэйч смотрел на Мелису. Долго. Минуту. Две.

— Ты странный целитель, — сказал он наконец.

— Я знаю.

— И ты правда веришь, что можно переписать код?

— Я верю, что можно попробовать. — Она вытерла нос рукавом — привычным движением, даже не заметив. — А ещё я верю, что если ты поможешь нам, у нас получится быстрее.

— С чего бы мне вам помогать?

— Потому что если мы умрём — ты останешься здесь навсегда. — Мелиса обвела рукой зал. — Один. С семью пустыми доспехами. С таймером, который никогда не

кончится. С выбором, который ты сделал пять лет назад и который теперь не можешь изменить. — Она посмотрела ему в глаза. — Мы — твой последний шанс.

Пэйч молчал.

Потом повернулся к нишам — туда, где стояли семь доспехов. Подошёл к первому. Положил ладонь на наплечник.

— Это был Гроган, — сказал он. — Воин. Хороший. Слишком прямой. Пошёл на меня в лоб.

Он перешёл ко второму.

— Шепард. Маг. Умный. Пытался взломать систему через портал. Портал схлопнулся.

К третьему.

— Кнопа. Лучница. Маленькая, злая. Дошла дальше всех. До этого зала. — Он убрал руку. — До этого самого места. Спросила меня: «Почему?». Я не ответил.

Четвёртый, пятый, шестой доспехи — он прошёл мимо них молча. Остановился у седьмого.

— Фаршак. Танк. Весил как три Харона. Пытался меня раздавить. — Он усмехнулся. — Не вышло.

Пэйч развернулся.

— Я не хочу пополнять коллекцию. — Он посмотрел на Мелису. — Но и помогать не буду. Вы сами. Как все. Если дойдёте до ядра — дойдёте. Если нет — ваши доспехи займут восьмую нишу.

— Дойдём, — сказал Харон.

— Посмотрим. — Пэйч вернулся к трону, сел. — Замок открыт. Мобы отключены. Я не трону вас. Но и дорогу не покажу.

— Нам нужна информация, — сказала Зарина. — Как попасть в ядро?

— Через подземелье под замком. Там восемь уровней. По одному на каждого. — Пэйч кивнул на доспехи. — Они

прошли кто сколько смог. Кнопка — до восьмого. Но восьмой — пустой. Там ничего нет. Только дверь.

— За дверью?

— Ядро. Слепок. Выбор. — Он закрыл глаза. — Дальше — сами.

Мелиса развернулась к выходу. Остальные потянулись за ней — молча, без вопросов.

У двери она остановилась.

— Ты будешь ждать здесь?

— Как всегда.

— Мы вернёмся.

— Мне это уже говорили.

— Мы вернёмся, — повторила она. — И тогда тебе придётся ответить на вопрос.

— Какой?

— «Почему». Тот самый, который ты не ответил Кнопке. Ты ответишь нам.

Пэйч открыл глаза — и в них на секунду мелькнуло что-то живое.

— Хорошо, — сказал он. — Если вернётесь — отвечу.

Дверь закрылась за ними. Коридор снова вёл вниз — по винтовым лестницам, по пластиковым полам, мимо розовых стен. Наружу. К свету.

— Восемь уровней, — сказал Харон, когда они вышли из замка. — По одному на каждого.

— И восьмой пустой, — добавила Зарина. — Что это значит?

— Это значит, — Мелиса остановилась у ворот, глядя на равнину, — что последний уровень — не для боя. Для выбора. Как он сказал.

— Для какого выбора?

— Не знаю. Но узнаем. — Она повернулась к остальным. — У нас есть план?

— Саботаж, — сказал Когер. — Мы тянем время. Ломаем экономику сервера, пока не найдём способ пройти подземелье.

— С чего начнём?

Харон посмотрел на запад — туда, где за лесом темнели шахты.

— С профсоюза гоблинов-раздолбаев.

— Что?

— Ты слышала. — Он поправил щит и зашагал вниз по склону. — Пора навестить шахтёров.

Мелиса посмотрела на замок в последний раз. Там, за розовым заревом, сидел человек, который ждал ответа пять лет.

Она теперь знала вопрос. Оставалось найти ответ.

И способ его доставить.

Впереди темнел лес. Сзади затихал замок. А где-то глубоко под землёй ждал восьмой уровень — пустой, как обещание.

Глава 4. Профсоюз гоблинов-раздолбаев

Шахты встретили их запахом серы и ритмичным перестуком кирок.

Когер шёл первым, придерживая капюшон, чтобы не цеплялся за низкие деревянные балки. Харон шагал следом — его наплечники скребли по стенам штольни, выбивая искры из породы. Мелиса чихнула трижды подряд и теперь шмыгала носом, бормоча что-то про концентрацию пылицы в замкнутых пространствах. Зарина замыкала цепочку — светящиеся провода в её волосах мерцали розовым, выхватывая из темноты перекошенные крепи и ржавые вагонетки.

— Слушай, — Харон пригнулся под очередной балкой, — а ты вообще умеешь с гоблинами разговаривать?

— Я бухгалтер, — сказал Когер, не оборачиваясь. — Я умею разговаривать с кем угодно. Главное — показать цифры.

— Это гоблины. У них даже письменности нет.

— Значит, будут первые.

Штольня расширилась в пещеру. С десяток гоблинов замерли с кирками в руках — зелёные, тощие, в рваных рубахах с инвентарными номерами. У каждого над головой висела плашка: «Шахтёр (1 ур.)», «Шахтёр (1 ур.)», «Шахтёр (1 ур.)». Одинаковые, как клоны. Только у того, что стоял в центре, плашка была чуть длиннее: «Бригадир Грых (3 ур.)».

Грых наставил кирку на вошедших.

— Вы кто? Зачем пришли? Шахта чужим — запрет! — Он ткнул пальцем в табличку на стене. — Читай!

Табличка гласила: «Посторонним вход воспрещён. Штраф — 50 золотых».

Когер прочёл. Потом достал из инвентаря кусок мела — Мелиса ещё в городе сунула, сказала: «Пригодится, если карту рисовать». Карту он рисовать не собирался.

— Я прочитал, — сказал он. — А вы?

Грых нахмурился.

— Чего — мы?

— Вы читали? — Когер постучал мелом по табличке. — Вот это. Вы знаете, что здесь написано?

Гоблины переглянулись. Один почесал голову киркой.

— Ну... это... чтоб чужие не ходили, — выдавил Грых.

— Ага. А написано: «Посторонним вход воспрещён. Штраф — 50 золотых». — Когер подошёл к стене пещеры, самой ровной. — А теперь смотрите сюда.

Он нарисовал мелом вертикальную линию. Потом горизонтальную. Потом ещё несколько.

— Это — вы. — Он ткнул в нижнюю часть графика. — Вот здесь. Добываете руду. Сколько?

— Ну... — Грых зашевелил губами. — Три телеги в день. Бывает, четыре.

— Ага. — Когер провёл черту повыше. — А это — цена руды на аукционе. Знаете, сколько стоит телега?

— Десять золотых.

— Двадцать.

Гоблины загудели. Кто-то уронил кирку.

— Двадцать?!

— Двадцать, — подтвердил Когер. — А вы получаете... — он нарисовал внизу крошечный кружок, — одну.

— Это потому что мы — шахтёры, — сказал Грых. — Нам положено одну. Мы же первого уровня.

— А кто вам сказал, что положено?

Грых открыл рот. Закрыл. Посмотрел на табличку. Потом на график. Потом снова на Когера.

— Система, — сказал он неуверенно.

— Система, — повторил Когер. — А теперь представьте: система вас грабит. Каждый день. Вы добываете на двадцать — получаете одну. Девятнадцать уходит наверх.

— Наверх — это куда?

— Королю. Аукциону. Игрокам. — Когер нарисовал жирную стрелку от графика в потолок. — Вот. Девятнадцать. Каждый день. С каждой телеги.

Гоблины смотрели на стрелку. Молчали. Потом Грых сказал:

— А что мы можем сделать? Мы же первого уровня.

— Вы можете перестать добывать.

В пещере стало тихо. Даже Мелиса перестала шмыгать носом.

— Совсем? — спросил кто-то из темноты.

— На время, — сказал Когер. — Это называется забастовка. Вы просто сидите и не добываете. Руда не поступает на аукцион. Цена растёт. Система начинает задыхаться. — Он постучал мелом по графику. — Вот здесь.

Грых почесал киркой за ухом.

— А нам за это что?

— Требования, — сказал Когер. — Выставляете требования. И не работаете, пока их не выполнят.

— Какие требования?

Харон шагнул вперёд. Гоблины от него шарахнулись — всё-таки у него рост и плечи.

— Можно требования? — Он поднял руку. — Мои требования: отдельный котёл в столовом зале. И чтобы без лука.

— Лук — это не переговоры, — перебил Когер, возвращаясь к стене. — Это как раз то, чем мы займёмся. — Он нарисовал ещё одну линию. — Смотрите: рабочая смена — двенадцать часов. Это много.

— Нормально, — сказал Грых. — Мы привыкли.

— А перерывы?

— Какие перерывы? Мы же первого уровня.

— Вот. — Когер нарисовал кружок. — Перерыв. Каждые три часа. Пятнадцать минут.

Грых уставился на кружок. Остальные гоблины вытянулись шеи.. Кто-то даже кирку положил.

— Пятнадцать минут? — переспросил он. — Это что ж делать-то?

— Отдыхать, — сказал Когер. — Есть. Пить. Спать. Можно даже просто смотреть в потолок. Пятнадцать минут — ваше законное время.

— Законное? — Грых попробовал слово на вкус. — За-кон-но-е. А откуда закон?

— Мы напишем, — сказала Мелиса.

Она вышла вперёд. В руках у неё был свиток — один из тех, что она стащила из замка Пэйча, с водяными знаками и гербовой печатью. Гоблины расступились. Мелиса развернула свиток на вагонетке и достала перо.

— Пункт первый, — сказала она. — Рабочий день шахтёра составляет двенадцать часов и включает три перерыва по пятнадцать минут. — Она записала.. — Пункт второй: оплата — две серебря монеты в день.

— Две? — Грых округлил глаза. — Две?!

— Две, — подтвердил Когер. — Это всё ещё в десять раз меньше рыночной стоимости руды, так что в прибыли остаётся вы, а не система.

— Пункт третий, — продолжала Мелиса. — Медицинское обслуживание. Каждый шахтёр имеет право

на бесплатное лечение.

— Вот для этого я, — сказала она и чихнула, вытерев нос рукой. — Простите, пыльца. Но суть вы поняли.

Грых смотрел на свиток. Его губы шевелились. Он водил по строчкам пальнул по стокам, будто пробуя их на ощупь. — Это всё правда? — Он обвёл взглядом пещеру. — Это что, нам можно?

— Можно. — Когер убрал мел. — Если вы просто перестаете работать — оно само станет можно. Система без руды — задыхается. Аукцион пустует. Игроки злятся. — Кто-то из высоких придут и спросят: «Что вы хотите? — И вы покажете свиток вот.

— А если не придут? — спросим из темно гоблин с обломанной киркой — А если скажут: «баги» и всё такое? Нас же удалят.

— Не удалят, — сказал Зари. — Она шагнула провода в её волосах замерцали ярко — Мы зарегистрируем. Официально. Через ГМ-модуль — Она подняла в воздухе розовое окно с интерфейс техподдержки. — Вот. Заявка: «Создание профессионального союза шахтёров первого уровня». Приоритет: низкий. — — И давно у тебя ГМ-модуль спросКогер?

— Стяла из замка, — — — Зари — пока он я вам про доспехи восьмой рассказывал. — Она улыбнулась. — Тот самый зал, ага.

Грых подошёл к ближнему свитку. Тронул пальцем буквы. Потом обернулся к своим.

— Слышь, — сказал, — они говорят: можно не работать: И за это деньги дадут.

Гоблины загудели. Один потряс киркой над головой.. Другой сел на вагонетку и захохотал. Третий просто лёг на землю и уставился в потолок, шевеля губами: «Пятнадцать... пятнадцать...».

— Тихо, — Грых стукнул киркой о камень. — А если мы согласные? Что делать-то?

— Просто не работать. — Когер — Тяни время. Никак руды — на аукцион. Никак руды — на королевскую кузницу. Никак руды — в гильдийские склады. Прямые поставки — ноль.. — Он очертил по графику жирный крест. — Чем дольше ноль — тем громче у нас переговоры.

Мелиса тем временем надела свиток на плечо вагонетки и подписала. Потом протянула перо Харону.

— Ты чегоо? — спросил тот.

— Подписывай. Ты — танк. Защитник. Профсоюз нужен защитник.

— Я же орк. — Харон взял перо. — Орки не подписывают.

— У меня в билде ловкость семнадцать. Я сломаю бумагу.

— Аккуратней.

Хар поставил подпись Нерону. Подпись неровно, но старательно. Пера перешло к Зарине.. Та черкнула с волнистой загогулиной с искрами. Последним был Когер. Он взял перо, посмотрел на свиток — фамилию, котораярой в реальной жизни никто из них не знал — и рядом с именем подписал: «Бухалтер».

— Всё, — сказал Когер. — Пункты выполнены. Теперь гоблины могут уходить в отпуск.

— В отпуск? — Грых заморгал. — А это что?

— Это когда не работаешь долго-долго, но тебе всё равно платят, — объяснил Когер. — Если спросят. А мы спросим.

Грых посмотрел на свиток. Потом на график Потом на табличку «Псторонним ход воспрещён».

— Прямо сейчас, — сказал Когер. — Кидай кирку.

Грых подержал кирку на весу, потом разжал пальцы. Кирка звонко ударилась о камень. За ней — вторая. Третья. Четыре. Десять. Гоблинские кирки легли на пол пещеры — зелёные, тощие, в рваных рубахах — стояли и смотрели на свиток, который обещал им то, чего они никогда не знали: выходной.

— И долго мы так? — спросил Грых.

— Пока система не сдастся, — сказал Когер.

Мелиса уже раскрыла второй свиток — список шахтёров с симптомами. Она подошла к гоблину, который лежал на земле и смотрел в потолок.

— На что жалуешься?

— Спина, — сказал тот, не оборачиваясь.

— Спина, — повторил другой, с обломанной киркой. — У меня спина. Всю зиму. Холодно в шахте, а курток не дают.

— У меня локти болят, — добавил третий. — От кирки.

— У меня вообще всё болит, — сказал четвёртый.

Мелиса чихнула, достала из инвентаря — бинты Смесь трав. Обезболивающее зелье стекле неоновым розовым свечением. — Принимать по глотку раз в день, — сказала она, раздавая пузырьки. — Бесплатно. Профсоюзные льготы.

Гоблины хватали пузырьки, прижимали к груди, нюхали, пробовали на язык — и на их лицах медленно проступало выражение, которого не было в их айди за тысячу респаунов: благодарность.

— Всё, — сказал Когер. — Уходим утром. Завтра придут с проверкой — скажем: «Профсоюз требует...». — Он кивнул на Грыха. — Ты готов?

Грых поднял с земли свою кирку, посмотрел на неё — и снов положил.

— Готов, — сказал он. — Мы — профсоюз.

— Проф-со-юз, — повторил гоблины хором, пробуя слов на вкус. — Проф-со-юз. Проф-со-юз.

Ритм кирок в шахте сменился ритмом нового слова. И где-то там, на поверхности, первый лот с рудой на аукционе Эдем-7 — «Железная руда, (100 шт.)», — истёк, не появился.

Харон вышел из пещеры в штольню.

— А ты реально бухгалтер, — сказал он.

— Я же говорил, — ответил Когер. — Цифры. Всегда работают.

— Даже на гоблинов?

— Особенно на гоблинов. У них отличное чувство несправедливости.

Мелиса догнала их у выхода. Нос у неё был красный, глаза слезились, но она улыбалась.

— Десять больных, — сказала она. — У троих — хронический бронхит. У двоих — артрит. У одного — что-то среднее. Я выписала рецепты на всё.

— Бронхит? — переспросил Харон. — У гоблинов?

— У гоблинов, — подтвердила Мелиса. — Всё по-настоящему. У них лёгкие как наши. И суставы. И спина.

— Значит, игра всё-таки честная, — сказала Зарина, выходя следом. — Все болеют одинаково.

— Не совсем. Мы — боеем за две серебряные монеты?

— За две, — Харон ухмыльнулся. — И что, думаешь, завтра с проверкой придут?

— Придут, — ответил Когер. — Завтра и придут. Пэйч не дурак. Пэйч, скорее всего. Он же систему хранит. А тут — профсоюз. На его сервере. — Он постучал мелом по стене штольни. — Представляешь его лицо?

— Представляю, — сказал Харон. — И оно мне нравится.

Солнце свежило где-то на западе. Розовые плашки интерфейса подсвечивали кромки деревьев Где-то далеко, в стороне Эдемграда, аукцион продолж ждать партию руды, кото уже не придёт. А в шахте, под землёй, десяток гоблинов первого уровня смотрели в потолок, считали минуты до первого в своей жизни перерыва и повторяли новое, непонятное, но очень тёплое слово.

— Профсоюз, — сказал Грых, глядя, как кирка его бригадира — бывшего бригадира — лежит на полу, и впервые за пять лет почувствовал что-то кроме усталости. — Профсоюз, — повторил он, закрывая глаза. — Профсоюз.

Утро в шахтах началось без единого удара кирки.

Харон стоял у входа в главную штольню и смотрел на состав из трёх вагонеток. Полные, гружённые рудой ещё со вчерашнего дня — последняя партия, которую гоблины успели добыть до того, как Когер испортил им всю трудовую этику.

— Значит, несчастный случай, — сказал Харон.

— Желательно нелетальный, — отозвался Когер, сидевший на перевёрнутой вагонетке с грифельной доской в руках. — У нас профсоюз, а не секта самоубийц.

— Я орк. У меня всё летальное.

— Тогда просто сломай.

Харон хрустнул пальцами. Подошёл к первой вагонетке, взялся за борт. Металл взвизгнул. Деревянная рама хрустнула. Вагонетка завалилась набок — руда посыпалась на рельсы серой, тяжёлой волной.

— Одна, — сказал он.

Вторая хрустнула быстрее. Третья просто сложилась пополам от удара плечом. Харон отряхнул ладони.

— Теперь несчастный случай.

— Теперь несчастный, — согласился Когер. — Растяжка?

— Уже.

Харон достал из инвентаря моток верёвки, которую вчера стащил из замкового арсенала Пэйча, и принялся за дело. Через пять минут вход в штольню перегораживала сложная система из обломков вагонеток, обрывков рельсов и одной особо тяжёлой балки.

— Красиво, — сказал Когер. — И главное — непроходимо.

— Это я умею.

Из пещеры выбралась Зарина. В руках у неё был свёрнутый розовый пергамент — не системный, а самодельный, из той бумаги, что Мелиса таскала с собой для рецептов.

— Манифест, — объявила она, разворачивая свиток.

Когер пробежал глазами. Первая строчка гласила: «Мы, нижеподписавшиеся гоблины-шахтёры первого уровня, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, сим документом учреждаем Первый Независимый Профсоюз Горных Рабочих Эдем-7».

— «Независимый», — прочитал он вслух. — Хорошо звучит.

— Дальше — лучше! — Зарина сияла. — Я добавила раздел про права и свободы. Про медицинскую помощь. Про восьмичасовой рабочий день.

— Восьмичасовой? — Харон подошёл ближе. — Мы обсуждали двенадцать.

— Ну... — Зарина замялась. — Я подумала, что если они согласятся на двенадцать, то надо просить больше. Как на аукционе.

Когер хмыкнул. Логика была гоблинской — в лучшем смысле этого слова.

Из пещеры потянулись шахтёры. Грых вышел первым — без кирки, но с пузырьком обезболивающего в руке. За ним ещё пятеро. У каждого в инвентаре теперь лежало по три склянки: от кашля, от спины и «укрепляющее».

— А это что? — Грых уставился на завал.

— Несчастный случай, — сказал Харон. — Обрушение породы. Штольня номер три закрыта на неопределённый срок.

— А руда?

— Похоронена под обломками.

Грых задумался. Его губы зашевелились — он подсчитывал убытки.

— Так это ж выходит... — начал он.

— Никакой руды, — подтвердил Когер. — Вообще. Ни из третьей штольни, ни из какой другой. Потому что вы бастуете.

— Бастуем, — повторил Грых. — Красивое слово. Ба-сту-ем.

Зарина развернула манифест и приколотила его к деревянной балке у входа в пещеру — тем самым кинжалом, который Когер обычно метал в спины мобам.

— Теперь официально, — сказала она. — Каждый, кто войдёт в шахту, сначала прочитает манифест.

Гоблины столпились вокруг розового пергамента. Водили пальцами по буквам. Шевелили губами.

— «Право на отдых», — прочитал вслух один.

— «Право на лечение», — подхватил второй.

— «Право на две серебряные монеты», — закончил третий, и в его голосе было что-то похожее на гордость.

Харон отошёл к Мелисе — та сидела на перевёрнутой тачке и перебирала травы.

— Ты чего такая довольная?

— У меня десять пациентов, — сказала она, не поднимая головы. — Десять. Вчера был ноль. Сегодня — десять.

— И что?

— А то, что они придут завтра. И послезавтра. Потому что обезболивающее работает четыре часа, а потом боль возвращается.

Харон нахмурился.

— Ты специально?

— Нет. — Мелиса подняла на него красные, слезящиеся глаза. — То есть да, смесь слабая, но не потому, что я хочу их подсадить. Просто сильнее не сделать из того, что здесь растёт. А здесь растёт только мох и серный лишай.

— Значит, они будут приходить каждые четыре часа?

— Каждые четыре, — подтвердила она. — Пока я не найду что-то получше. Или пока система не сдастся.

Харон посмотрел на гоблинов — те всё ещё толпились у манифеста. Один уже переписывал его на обрывок старой рубахи углём.

— Зависимость от профсоюзной медицины, — сказал он. — Звучит как план.

— Это не план, — ответила Мелиса. — Это просто арифметика.

Когер сложил грифельную доску и подошёл к Грыху.

— Твоя задача — продержаться до вечера, — сказал он. — Придут проверяющие — показываешь манифест и молчишь. Всё, что они скажут, — записываешь. Не спорь. Не дерись. Просто стой и смотри.

— Стоять и смотреть — это я умею, — сказал Грых. — Я пять лет стоял и смотрел, только тогда я ещё и копал.

— Теперь без копания.

— Ага. — Грых посмотрел на свои руки. Пустые, без кирки. Сжал пальцы в кулак. — Без копания.

Где-то наверху, в Эдемграде, зазвенел колокол — полдень. Аукцион обновился. Лот «Железная руда (100 шт.)» по-прежнему висел в статусе «ожидается».

Когер знал: ещё пара часов — и цена поползёт вверх.

Гоблины расселись вдоль стен пещеры — кто на вагонетках, кто прямо на земле. Грых достал откуда-то костяные чётки и перебирал их, беззвучно шевеля губами. Остальные просто смотрели в потолок.

— А знаешь, — сказал Харон, — я думал, будет сложнее.

— Будет, — ответил Когер. — Это только первый день.

Розовое окно интерфейса мигнуло у него перед глазами. Системное оповещение: «Внимание! Зафиксирован простой в локации „Гоблинские шахты“. Причина: неизвестна. Отправка проверяющего: ожидается».

— Вот и проверяющий, — сказал он. — Ждём.

— А если это будет Пэйч? — спросила Зарина.

— Тогда ему придётся прочитать манифест.

Зарина представила эту картину — Лорд Пэйч в сияющих доспехах стоит перед деревянной балкой, вчитывается в розовый пергамент, а вокруг него десяток гоблинов первого уровня сидят на земле и смотрят. И молчат. Просто молчат и смотрят.

Она хихикнула.

Через час в штольне послышались шаги. Тяжёлые, металлические — не гоблинские. Харон поднялся первым, взялся за щит. Когер накинул капюшон. Мелиса спрятала травы в инвентарь. Зарина погасила провода в волосах, оставив только тусклое розовое свечение.

Из темноты вышел рыцарь в сером. Не Пэйч — кто-то из его свиты. На груди — герб в виде раскрытой книги. За спиной — двуручный меч.

— Что здесь происходит? — спросил он, оглядывая завал.

Грых поднялся. Без кирки он казался меньше, но упрямее.

— Профсоюз, — сказал он.

— Что?

— Проф-со-юз. — Грых подошёл к манифесту и постучал по нему пальцем. — Читай.

Рыцарь нахмурился, но шагнул ближе. Пробежал глазами по строчкам. Ещё раз. Ещё.

— Это что за бред? — спросил он наконец.

— Это манифест, — сказал Грых. — Требования.

— Требования? — Рыцарь рассмеялся. — Вы — mobs первого уровня. У вас не может быть требований.

— Теперь могут, — из темноты вышел Когер. — Пункт четыре-семнадцать пользовательского соглашения: «Неигровые персонажи имеют право на объединение в профессиональные союзы при условии отсутствия прямого ущерба игровому балансу».

Рыцарь замер. Перевёл взгляд на Когера. Потом на гоблинов. Потом на завал.

— Это не ваш баланс, — сказал Когер. — Это наш профсоюз.

Гоблины молчали. Смотрели. Рыцарь попятился — раз, другой, — развернулся и ушёл в темноту штольни.

— Он доложит, — сказала Мелиса.

— Пусть, — ответил Когер. — Мы только начали.

Грых смотрел вслед рыцарю, и на его лице медленно проступала улыбка — кривая, зелёная, но настоящая.

— Профсоюз, — сказал он. — Мне нравится.

Солнце снаружи поднималось выше. Аукцион всё ещё ждал руду. Система готовила ответ. Но пока — в шахте номер три, под завалом из обломков вагонеток, десять гоблинов первого уровня учились новому слову.

И новому способу воевать.

Розовое окно системного оповещения всё ещё висело в воздухе перед Когером, когда шахту тряхнуло.

Сначала — глухой удар. Потом скрежет. Свод пещеры над головой пошёл трещинами, посыпалась каменная крошка. Одна из уцелевших вагонеток дёрнулась и покатила сама собой — врезалась в стену, опрокинулась.

— Что за... — Харон не договорил.

Пол под ногами поехал в сторону. Буквально. Текстура камня сдвинулась на полметра влево, потом дёрнулась обратно, оставив после себя розовый шлейф артефактов. Воздух стал гуще. Запах серы усилился.

— Сервер лагает, — сказала Зарина.

Она раскрыла ГМ-модуль. Строчки диагностики бежали по голограмме — красные, оранжевые, жёлтые. Вкладка «Ресурсы сервера» пульсировала алым.

— Загрузка процессора — девяносто четыре процента, — прочитала она вслух. — Обработка лута — ошибка. Аукцион — ошибка. Цепочка поставок...

— Короче, — перебил Когер.

— Короче — всё плохо. Руда не поступает, система пытается сгенерировать её сама, но алгоритм завязан на шахты. Без шахт — цикл прерывается. Сервер жрёт сам себя.

Пол снова дёрнулся. На этот раз текстуры наложились одна на другую: камень и дерево, вагонетка и стена. Грых отскочил в сторону — его левая рука на секунду исчезла, потом появилась снова, но уже другого оттенка зелёного.

— Эй! — заорал он. — Эй, что с рукой?!

— Лаг, — сказал Когер. — Не бойся. Пройдёт.

— А если не пройдёт? — Грых тряс конечностью, будто надеялся стряхнуть глюк. — А если она так и останется... другой?

— Значит, будешь первым гоблином с эксклюзивным окрасом. Цена на тебя на аукционе взлетит.

Грых замер. Переварил. Потом ухмыльнулся — криво, но уже без паники.

— Ладно, — сказал он. — Рука так рука.

Мелиса тем временем раскрыла свой медицинский журнал. Но записывать было нечего — гоблины не жаловались. Они стояли вдоль стен и смотрели, как их шахта разваливается на пиксели, и на лицах у них был не страх, а любопытство.

— А он всегда так делает? — спросил один, кивая на мигающий свод.

— Нет, — ответила Зарина. — Только когда вы не работаете.

— Значит, мы... это... влияем?

— Ещё как.

Гоблин переглянулся с соседом. Потом с третьим. По пещере прокатился гул — не тревожный, а скорее удивлённый. словно десять существ первого уровня впервые в жизни осознали, что их действия имеют вес.

— Система пытается перераспределить ресурсы, — продолжала Зарина, водя пальцем по голограмме. — Отключает второстепенные процессы. Смотрите: погода в Эдемграде — ошибка. Освещение в замке — тридцать процентов яркости. Патрули стражи — остановлены.

— Пэйч режет свет, — сказал Харон. — Значит, дошло.

— Ещё как дошло. — Зарина увеличила фрагмент лога. — Смотри. Системный вызов: приоритет «критический». Адресат — замок Пэйча. Сообщение: «Восстановить

цепочку поставок. Срок — двадцать четыре часа».

Когер присвистнул.

— Двадцать четыре часа. Он получил ультиматум.

— От кого?

— От системы. От сервера. От самого Эдема. — Когер потёр подбородок. — Пэйч думал, что контролирует игру. А игра, оказывается, может и его контролировать.

Пол под ногами перестал дрожать. Лаги сделались реже — видимо, система перенаправила мощности на критический процесс. Но аукцион по-прежнему висел мёртвым грузом. Цена на железную руду поднялась до тридцати двух золотых за сотню и продолжала расти.

— Грых, — позвал Когер.

Тот подошёл — всё ещё тряся рукой, но уже без прежней опаски.

— Чего?

— У тебя есть связь с другими шахтами?

— С другими? — Грых нахмурился. — Вторая и четвёртая. Там наши работают. Ну, работали.

— Работают до сих пор?

— Ну да. У них же нет... этого. — Он постучал себя по лбу. — Профсоюза.

Когер посмотрел на Харона. Харон посмотрел на Когера. Потом оба посмотрели на завал из вагонеток.

— Значит, — сказал Харон, — у нас есть ещё две шахты.

— И два десятка гоблинов, которые пока не знают, что можно не работать.

— Надо им рассказать.

— Надо, — согласился Когер. — Но сначала — пусть Пэйч ответит на ультиматум. Если он пойдёт на переговоры — мы расширяемся. Если пришлёт карателей...

— У нас профсоюз, — закончила Мелиса. — Мы не воюем. Мы бастуем.

— И лечимся, — добавил Грых, показывая пузырёк.

Зарина захлопнула ГМ-модуль. Розовое свечение погасло, оставив в воздухе только пыль и запах серы.

— Двадцать четыре часа, — сказала она. — У нас сутки, чтобы понять, что Пэйч выберет.

— А что он может выбрать? — спросил Харон.

— Три варианта, — Когер загнул палец. — Первый: переговоры. Присылает кого-то с предложением. Второй: сила. Отправляет карательный отряд. Третий: обходной путь. Пытается наладить добычу руды где-то ещё.

— Четвёртый, — сказала Мелиса. — Он может прийти сам.

Все замолчали. Где-то далеко, на поверхности, колокол пробил три часа пополудни. В шахте было тихо — только капала вода и скрипели оседающие балки.

— Если сам, — медленно проговорил Харон, — то это уже не про руду. Это будет разговор про нас.

— Про восьмую нишу, — добавила Мелиса.

Грых переводил взгляд с одного на другого, явно не понимая половины. Но вопросов не задавал — просто стоял и слушал, как слушают гоблины: всем телом, подавшись вперёд, чуть приоткрыв рот.

— Ладно, — сказал наконец Когер. — Двадцать четыре часа — это завтрашний полдень. До тех пор сидим тихо. Никакой руды. Никаких переговоров. Если Пэйч кого-то пришлёт — пусть ищет нас здесь.

— А мы?

— А мы будем ждать. — Он сел на перевёрнутую вагонетку и достал грифельную доску. — И считать.

— Что считать?

— Убытки. — Он ухмыльнулся. — Я же бухгалтер.

Харон устроился у входа, положив щит на колени. Зарина зажгла провода в волосах — теперь они горели ровным, спокойным светом, как настольная лампа. Мелиса раздала гоблинам вечернюю порцию обезболивающего и записала в журнал: «Состояние стабильное. Жалоб нет. Настроение: приподнятое».

Грых сел рядом с ней.

— А что будет, когда система сдастся? — спросил он тихо.

— Тогда вы получите всё, что в манифесте.

— И перерывы?

— И перерывы. И две серебряные монеты. И лечение.

Грых помолчал.

— А потом? Когда всё кончится?

Мелиса не нашлась с ответом. Потому что «потом» — это финальный рейд, восьмой уровень и выбор, о котором они пока ничего не знали. Но гоблина этого было не объяснить. Да и не нужно.

— Потом, — сказала она, — будет потом.

Грых кивнул. Его этот ответ устраивал.

Ночь в шахте прошла без сна. Не потому, что было опасно — просто никто не хотел пропустить момент, когда система дёрнется снова. Гоблины дремали по очереди, привалившись друг к другу. Зарина переписывала манифест начисто — третий экземпляр, на случай если первые два сгорят. Харон точил клинок. Мелиса перебирала травы.

Когер считал.

На рассвете — сером, едва пробивавшемся сквозь вентиляционные шахты, — Зарина снова открыла модуль.

— Аукцион, — сказала она. — Железная руда — пятьдесят золотых. Сталь — девяносто. Уголь — сорок два.

— А было?

— Десять, двадцать и восемь.

Гоблины зашевелились. Грых подошёл ближе, взглядываясь в голограмму, которую он не мог прочитать, но отлично чувствовал.

— Пятьдесят, — повторил он. — За телегу. А нам платили одну.

— Теперь будете получать две, — сказал Когер.

— Две — это хорошо. Но пятьдесят...

— Пятьдесят — это цена, по которой система покупает руду у тебя. Но система — это Пэйч. А Пэйч — это не ты. Поэтому он хочет, чтобы ты работал за одну.

Грых сжал кулаки. Разноцветные — теперь левая рука так и осталась на полтона светлее правой.

— Значит, не будем работать за одну.

— Значит, не будем.

В полдень, ровно через сутки после ультиматума, в штольне снова слышались шаги. На этот раз — не тяжёлые, металлические. Лёгкие. Быстрые. И один.

Из темноты вышел человек в сером балахоне. Не рыцарь — гонец. Без оружия. С одним лишь свитком в руке.

— Послание от Лорда Пэйча, — сказал он, протягивая свиток.

Когер взял. Развернул. Пробежал глазами.

— Что там? — спросил Харон.

— Приглашение. — Когер поднял глаза. — На переговоры. Завтра. В замке. Он согласен обсудить требования.

Гоблины загудели. Грых подошёл и молча уставился на свиток.

— Читай, — сказал Когер. — Это и тебя касается.

— Я не умею.

— Тогда слушай. — Когер развернул свиток к свету. — «Лорд Пэйч, Хранитель Сервера Эдем-7, приглашает представителей Первого Независимого Профсоюза Горных Рабочих на переговоры о восстановлении цепочки поставок. Гарантируется безопасность и неприкосновенность. В случае отказа — будут приняты меры».

— Какие меры? — спросила Мелиса.

— Не уточняется.

Харон хмыкнул.

— Значит, четвёртый вариант. Он хочет говорить лично.

— Хочет, — Когер свернул свиток. — Или делает вид, что хочет. Но в любом случае — мы идём.

— Все?

— Нет. — Он посмотрел на Грых. — Грых идёт с нами. Он — представитель.

Грых нервно сглотнул. Но кивнул.

— Я готов, — сказал он. — Я теперь профсоюзный.

— Тогда завтра, — Когер спрятал свиток в инвентарь. — А пока — ждём. И считаем.

Гоблины расступились, давая гонцу дорогу обратно. Тот ушёл — быстрый, лёгкий, без единого лишнего слова.

В шахте снова стало тихо. Но теперь это была другая тишина — не выжидательная, а уверенная.

Завтра они поднимутся в замок. Завтра Пэйч услышит требования. А сегодня — ещё один день забастовки. Ещё двадцать четыре часа без руды. Сорок восемь в сумме. И цена на аукционе, которая уже перевалила за шестьдесят.

— Профсоюз, — сказал Грых, глядя в темноту штольни.

— Профсоюз, — ответили остальные.

Сервер снова дёрнулся. Но на этот раз никто даже не вздрогнул.

Глава 5. Налог на воздух

Аукцион Голдшира гудел.

Харон стоял перед массивными дверьми из морёного дуба и ждал. Ждал, пока Когер закончит возиться с пергаментом. Ждал, пока Мелиса перестанет чихать над иллюзией печати. Ждал, пока Зарина перестанет хихикать.

— Ты уверен? — спросила Мелиса в четвёртый раз.

— Нет.

— Тогда зачем мы это делаем?

— Потому что Пэйч ждёт нас завтра. А сегодня у него должно закончиться терпение.

Зарина фыркнула.

— Терпение у него закончилось ещё на гоблинах. Сейчас у него заканчивается золото.

Когер наконец выпрямился. В руках у него был свиток — плотный, с золотым тиснением по краям. Настоящий королевский пергамент. Почти.

— Готово, — сказал он. — Печать?

Мелиса чихнула.

Розовая вспышка — и на свитке проявился герб. Лев, пронзённый мечом. Символ королевской канцелярии Эдем-7. Или, если присмотреться, — лев, пронзённый вилкой. Но кто будет присматриваться?

— Сойдёт, — Харон взял свиток. — По ролям.

Они разошлись. Когер скользнул к столу регистрации лотов — длинной мраморной стойке, за которой сидели три NPC-клерка с одинаковыми постными лицами. Мелиса отошла в тень колоннады — на случай, если печать погаснет. Зарина растворилась в толпе — искать тех, кто попытается сбежать.

Харон толкнул дверь.

Внутри было шумно. Аукционный зал напоминал растревоженный улей: сотни игроков толпились у сцены, выкрикивали ставки, размахивали кошельками. С потолка свисали розовые баннеры с логотипом «Эдем-7». Под ними — стойки с образцами оружия и доспехов.

Никто не обратил внимания на огромного орка в тяжёлой броне, пока тот не поднялся на сцену.

— Внимание!

Гул стих. Не сразу — волнами, от первых рядов к задним. Кто-то обернулся. Кто-то замолчал на полуслове.

Харон развернул свиток.

— Указ Его Величества Короля НПС-Седьмого, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более казённо, — «О введении налога на удачу».

По залу прокатился шёпот.

— Что за бред?

— Какой ещё налог?

— Это ивент?

Харон продолжил:

— В соответствии с пунктом три дробь семнадцать дробь одиннадцать «Правил получения лута в локациях с высоким модификатором дропа», отныне каждая сделка на аукционе Голдшира облагается дополнительным сбором в размере десяти процентов от суммы.

Шёпот перерос в гул.

— Десяти процентов?!

— Это грабёж!

— Где написано?

Харон поднял свиток выше.

— Здесь.

Из толпы выступил игрок в дорогих латах — явно танк, судя по габаритам, но не орк. Человек. Никнейм над

головой: «Аргус».

— И кто ты такой, чтобы это зачитывать?

Харон посмотрел на него сверху вниз.

— Налоговый инспектор.

— С каких пор орки работают в канцелярии?

— С сегодняшнего дня. Следующий вопрос.

Аргус шагнул ближе. За ним — ещё трое. Явно из одной гильдии. Эмблема на плечах: скрещённые топоры в золотом круге. «Стальной Кулак». Одна из топ-гильдий сервера.

— Допустим, — сказал Аргус, — я не верю в этот... указ. Что тогда?

Харон не шелохнулся.

— Тогда твои лоты снимаются с аукциона. А твой аккаунт получает флаг «уклонение от налогов». Это дебафф на снижение дропа. Минус тридцать процентов. Навсегда.

— Брехня.

— Проверь.

Аргус заколебался. Открыл интерфейс. Харон видел, как бегают его глаза по строчкам. Видел, как сжались кулаки.

— У меня нет такого дебаффа.

— Потому что мы ещё не начали. Но можем.

К сцене подошёл Когер. В руках — стопка пергаментных бланков. На каждом — аккуратные графы: «Наименование лота», «Сумма сделки», «Размер налога», «Подпись плательщика».

— Квитанции, — объяснил он. — Три экземпляра. Один — плательщику. Один — в королевский архив. Один — нам.

— «Нам»?

— Налоговой службе.

Аргус перевёл взгляд с орка на разбойника. Тот стоял совершенно спокойно. Даже капюшон не дрогнул.

— Это какой-то развод, — сказал Аргус.

— Это государственная политика, — ответил Когер. — Можешь не платить. Но тогда твои лоты уйдут с молотка без покупателей. Система пометит их как «спорные». Ты потеряешь всё.

— Система так не работает.

— Раньше не работала. Патч три-семь-один. Вышел сегодня утром.

Зарина, стоявшая у дальнего выхода, негромко приснула. Патч три-семь-один. Номер, который Когер придумал час назад. Но звучало убедительно.

Аргус посмотрел на своих. Те молчали.

— Сколько? — спросил он наконец.

— Десять процентов от каждой сделки. Прямо сейчас.

— У меня нет столько золота.

— Есть. Ты только что выставил на продажу легендарный щит. Стартовая цена — восемьсот золотых. Плюс два меча. Плюс шлем. Итого — тысяча четыреста. Налог — сто сорок.

Аргус побледнел.

— Откуда ты...

— Налоговая служба всё видит, — сказал Харон. — Плати.

И протянул квитанцию.

Десять минут спустя у стойки регистрации выстроилась очередь. Когер заполнял бланки, Мелиса ставила печати, Зарина собирала золото. Харон стоял у сцены и зачитывал указ каждому новому входящему.

Сто сорок золотых со «Стального Кулака». Девяносто — с гильдии «Лунный Свет». Двести десять — с «Красных Драконов». Золото текло рекой.

На третьем часу Зарина подошла к Харону и шепнула:

— Мы уже собрали больше трёх тысяч.

— Сколько нужно?

— Чтобы обрушить экономику Пэйча? Ещё столько же.

— Значит, продолжаем.

Очередь не убывала. Игроки ворчали, спорили, грозились пожаловаться администрации. Но платили. Потому что никто не хотел терять лоты. Потому что все верили.

К пятому часу у Мелисы кончилась мана. Печать погасла.

— Чихни, — сказал Когер.

— Не могу по заказу.

— Тогда представь, что у тебя аллергия.

— У меня и так аллергия.

— Представь сильнее.

Мелиса зажмурилась. Вспомнила пыльцу, цветы, весенний луг. Ничего. Только сухость в носу.

— Не работает.

— Тогда жди.

Ждали минут десять. Очередь нервничала. Кто-то уже начал сомневаться. Аргус, стоявший в стороне, смотрел на них с прищуром.

А потом Мелиса чихнула.

Розовая вспышка — и печать вернулась. Очередь выдохнула.

— Работаем, — сказал Когер.

К вечеру они собрали пять тысяч двести золотых. Харон объявил перерыв. Двери аукциона закрылись. Игроки разошлись — кто довольный, что отделался малой кровью, кто злой, но молча.

Четверо стояли в пустом зале. Вокруг — розовые баннеры, погасшие голограммы лотов и тишина.

— Пять тысяч, — сказала Зарина. — Это... много.

— Это капля, — ответил Когер. — Экономика Пэйча построена на постоянном обороте. Если мы остановим торги хотя бы на день — потери будут в десятки раз больше.

— Значит, продолжаем завтра?

— Нет. Завтра мы в замке. А сегодня...

Он замолчал. Мелиса проследила за его взглядом.

В дальнем конце зала, у колонны, стояла фигура в сером балахоне. Не гонец. Не рыцарь. Админ-Бюрократ.

— Вы нарушаете пользовательское соглашение, — сказал он. Голос звучал как обычно — с заиканием и треском помех. — Пункт четыре дробь два. Запрещено имитировать государственные структуры.

— Мы не имитируем, — ответил Харон. — Мы создаём.

— Это одно и то же.

— Это разное. Имитация — подделка. Создание — новая структура.

Админ завис. Замерцал сильнее обычного. Видимо, обрабатывал информацию.

— Лорд Пэйч недоволен, — сказал он наконец.

— Лорд Пэйч может подать жалобу в письменном виде. В двух экземплярах. С печатью.

— С печатью, — повторил Админ.

— Именно.

Пауза. Треск помех. Админ исчез.

Зарина выдохнула.

— Он доложит.

— Пусть, — Харон сложил свиток. — Завтра мы сами к нему придём. А пока...

Он посмотрел на мешки с золотом. Пять тысяч. Этого хватит, чтобы купить целую гильдию. Или нанять армию. Или просто выбросить в пропасть — просто чтобы

посмотреть, как система будет захлёбываться в попытках сбалансировать экономику.

— Что будем делать с деньгами? — спросила Мелиса.

— Пока не знаю, — ответил Харон. — Но знаю точно: завтра они нам пригодятся.

Когер молча кивнул. Он думал о том же.

Снаружи, за стенами Голдшира, начиналась ночь. Где-то там, в замке, Лорд Пэйч читал отчёт о сегодняшних сборах. И понимал: его противники не просто бастуют. Они строят параллельную систему. И она работает.

А в шахте, на глубине ста метров, Грых и его гоблины ждали новостей. И верили. Потому что профсоюз — это не только забастовка. Это ещё и надежда. Даже если она пахнет угольной пылью и подделкой королевских указов.

Ночь они провели в подсобке аукционного дома — среди пустых мешков и старых квитанций. Харон спал сидя, привалившись к двери. Когер не спал вообще.

Утром Зарина разбудила всех тычком в бок.

— Вставайте. У нас проблема.

— Одна? — Харон открыл глаза. — Всего одна? Отлично.

— Печать.

Мелиса подскочила. Схватила за свиток. Печать — та самая, с вилкой вместо меча, — едва мерцала. К утру станет прозрачной. К полудню исчезнет совсем.

— Сколько держится? — спросил Когер.

— Часов шесть. Может, семь.

— А прошло?

— Восемь.

Харон потёр лицо. Спать хотелось. Но вместо сна — проблема. Как всегда.

— Чихай.

— Я не могу по заказу, — повторила Мелиса. — Пыльца, цветы, луг — не работает. Вчера сработало случайно.

— Случайно — не вариант. Нам нужна стабильная печать.

Зарина задумалась.

— А если не печать? Если вообще без печати?

— Тогда указ — просто бумажка.

— Не просто. — Зарина вытащила из-за пазухи свёрнутый лист. — Смотри.

Она развернула его на полу. План Голдшира. Кружочки — торговые районы. Крестики — гильдейские представительства. А между ними — тонкие пунктирные линии.

— Слухи.

— Что?

— Я вчера, пока вы собирали налог, ходила по тавернам. — Она ткнула пальцем в карту. — «Серебряный Гусь», «Кривая Арфа», «Три Поросёнка». Везде одно и то же. Все уже знают про налог. Верят. Спорят, обсуждают. «Стальной Кулак» заплатил — значит, налог настоящий.

— Логика, — хмыкнул Когер. — Если заплатил — значит, есть за что.

— Именно. — Зарина понизила голос до шёпота. — Я ещё кое-что добавила. Сказала, что для бедных будут послабления. Ну, типа: если доход меньше ста золотых в месяц — налог не платишь.

— Зачем?

— Чтобы бедные нас не ненавидели. А богатые — завидовали. И те, и другие — верили.

Харон хмыкнул. Умно. Бедные не пойдут жаловаться — им всё равно платить нечего. Богатые тоже — стыдно признаться, что беднее, чем кажется.

— Ладно, — сказал он. — Печать решили. Что с Мелисой?

Мелиса снова чихнула — громко, с эхом, отлетевшим от каменных стен. Иллюзия печати на миг вспыхнула ярче. И снова потускнела.

— Понял, — сказал Когер. — Значит, будем чихать по расписанию.

— Это как?

Он достал из инвентаря мешочек с травами. Ещё вчера Мелиса дала ему их — для ран. Не пригодилось. Но теперь — сгодится.

— Вот. Понюхай.

Мелиса понюхала. Скривилась.

— Это же горчак. От него нос закладывает.

— Значит, не годится. — Он достал другой. — Это?

— Мятлик. От него чихают кошки.

— А люди?

— По-разному.

— Пробуем.

Мелиса понюхала мятлик. Замерла. Глаза заслезились. Нос покраснел. Грудь вздымалась и опускалась, но ничего не происходило.

— Не работает.

Когер убрал мешочек. Зарина захихикала.

— Может, перцем? У поваров на кухне.

— Нет. — Мелиса вытерла нос рукавом. — Перец — это боль. А мне нужен чих. Это другое.

— И что тогда?

— Пыль. Мелкая каменная пыль. Как в шахтах.

Харон посмотрел на свои латные перчатки. Потом на стену. Потом снова на Мелису.

— Отвернись.

— Что?

— Отвернись, говорю.

Она отвернулась. Харон с размаху ударил кулаком в стену. Каменная крошка брызнула во все стороны. Мелиса вдохнула — и тут же зашлась в чихании. Раз, другой, третий. Печать на свитке полыхнула розовым, замерцала и засияла ровным, уверенным светом.

— Работает, — сказал Когер. — Теперь — на улицу.

Зарина выскользнула первой. Её задача — разнести слухи по новому кругу. Не про налог — про послабления. Чтобы к полудню каждый бедняк в Голдшире знал: лорды платят, а мы — нет. Это справедливость. Это политика.

Харон шёл по главной улице — мимо лавок с оружием, мимо банка, мимо гильдейских табличек. Его узнавали. Орка в тяжёлой броне трудно не узнать. Кто-то кивал — уважительно, почтительно. Кто-то отворачивался. Кто-то шептал вслед.

Он не обращал внимания.

У банка — толпа. Десятка два игроков с никнеймами над головами. Харон замедлил шаг, вслушался.

— Я говорю — это развод. Нет такого налога!

— А «Стальной Кулак»? Аргус сам заплатил.

— Аргус — трус. А я не заплачу.

— Тогда лоты снимут.

— Пусть снимают. Я лучше в подполье уйду.

Харон подошёл ближе. Толпа расступилась. Говоривший — маг в синем плаще с золотой каймой. Никнейм: «Мерлин».

— Налоговый инспектор, — представился Харон.

— Я в курсе, кто ты. Я про тебя вчера весь вечер слушал.

— Тогда слушай ещё раз. — Харон развернул свиток. — Указ номер семь дробь три. Пункт о послаблениях.

— Послаблениях? — Мерлин нахмурился.

— Если твой месячный доход меньше ста золотых — ты освобождаешься от налога. Но должен подать декларацию.

— Какую?

— О доходах.

Мерлин замер. Харон видел, как в его голове крутятся цифры. Сколько он зарабатывает? Аукционы, рейды, продажа редких ингредиентов. Меньше ста? Или больше? Признаться — значит, раскрыть карты. Не признаться — риск.

— Я... я не обязан.

— Обязан. Пункт четыре. — Харон ткнул пальцем в свиток. — Все граждане королевства обязаны декларировать доходы. Иначе — штраф. Пятьдесят золотых.

В толпе зашептались. Кто-то уже полез в кошелек.

— Пятьдесят?

— Или налог. Десять процентов.

Мерлин покраснел. Потом побледнел. Потом вытащил из инвентаря кожаный мешочек.

— Двадцать золотых. Это всё, что у меня есть.

Харон взял мешочек. Взвесил. Открыл.

— Здесь пятнадцать.

— Было двадцать.

— Пятнадцать.

Мерлин сжал кулаки. Харон ждал. Драка? Нет. Маг опустил голову.

— Ладно. Пятнадцать. Но я подаю декларацию.

— Подавай. — Харон сунул мешочек в инвентарь. — Бланки у Когера. В аукционном доме. Следующий!

Толпа зашевелилась. Кто-то отходил. Кто-то, наоборот, проталкивался вперёд — с деньгами. Харон принимал их молча. Складывал. Считал.

К полудню общая сумма перевалила за шесть тысяч.

Зарина вернулась к обеду. Глаза сияли.

— Сработало. В «Серебряном Гусе» уже рассказывают, как богачи плачут, а бедные радуются. В «Кривой Арфе» спорят, сколько ещё продлится налог. В «Трёх Поросятах» вообще легенда: мол, Король лично приказал обложить гильдии данью за жадность.

— Легенда — это хорошо, — сказал Когер. — Легенда работает лучше указа. Указ можно проверить. Легенду — нет.

— Именно. — Зарина плюхнулась на мешок с золотом. — Мы теперь — миф.

— Миф с шестью тысячами золотых, — уточнила Мелиса.

— С семью, — поправил Харон. — Пока тебя не было, пришли трое из «Лунного Света». Заплатили добровольно.

— Добровольно?

— Сказали — лучше заплатить сейчас, чем потом разбираться с королевской канцелярией.

Мелиса присвистнула. И тут же чихнула — как раз вовремя. Печать на свитке, которая начала было тускнеть, снова засияла.

— Синхронно работаем, — заметил Когер.

— Случайно.

— Не бывает случайностей.

Харон вышел на улицу. Очередь у аукциона растянулась на три квартала. Игроки стояли с кошельками и квитанциями. Кто-то нервничал. Кто-то шутил. Но платили все.

К вечеру сумма перевалила за восемь тысяч.

Вот тогда и появился второй гонец.

Не тот, что вчера. Этот — в чёрном. Не в сером. И без свитка. Просто человек в плаще, с пустыми руками и

острым взглядом.

— Лорд Пэйч, — сказал он, — приглашает вас на переговоры сегодня. Сейчас.

— Завтра, — ответил Харон.

— Лорд Пэйч настаивает.

— Я — налоговый инспектор. У меня график. Завтра.

Гонец помолчал. Потом кивнул и ушёл. Харон проводил его взглядом. Спина прямая, шаг уверенный. Не боится. Значит, у Пэйча есть чем давить. Но пока не давит. Пока — ждёт.

Зарина проводила гонца взглядом и тихо сказала:

— Он не просто так пришёл. Он смотрел.

— На что?

— На печать. На свиток. На толпу. Он проверял, работает ли схема.

— И?

— Увидел. Значит, Пэйч теперь знает точно: налог — фальшивка. Но доказать не может. Потому что все верят. А вера — она сильнее доказательств.

Харон кивнул. Вера. Вера в систему. Вера в правила. Вера в то, что где-то наверху сидит Король и думает о налогах.

Глупость.

Но работает.

Ночью они снова закрылись в подсобке. На этот раз — с восемью тысячами золотых в мешках. Мелиса чихала над свитком каждые полчаса, поддерживая печать. Зарина записывала расходы. Когер считал. Харон смотрел на карту Голдшира и думал.

Завтра — замок. Завтра — Пэйч. А сегодня — налог, который придумали четверо запертых в игре игроков.

— Как думаешь, — спросила Мелиса, — он уже понял?

— Что?

— Что мы не просто бастуем. Что мы строим.

— Понял. — Харон сложил карту. — Поэтому и зовёт. Хочет посмотреть в глаза. Убедиться.

— В чём?

— В том, что мы не боимся.

Мелиса чихнула. Печать вспыхнула. Харон посмотрел на розовый отблеск на стене и улыбнулся — одними уголками губ, коротко.

Ночь. Тишина. Восемь тысяч. И завтра — замок.

Утро началось с крика.

— Награда!

Харон вышел из подсобки аукционного дома, щурясь от розового солнца. У дверей толпился народ. Не очередь за квитанциями — просто зеваки. Они тыкали пальцами в доску объявлений, где висел свежий лист пергамента.

Харон подошёл ближе. Растолкал плечом ближайшего зеваку — эльфа в зелёном, который тут же отскочил.

Пергамент. Казённый, с гербом. «Стальные Ястребы» — скрещённые копья в серебряном венце. Топ-гильдия. Та, что ещё вчера молчала. А сегодня — заговорила.

«ВНИМАНИЕ. За голову самозванца, именующего себя налоговым инспектором (орк, никнейм Харон), а также его сообщников объявляется награда. Тысяча золотых за каждого. Живыми или мёртвыми. Оплата по факту в резиденции гильдии».

Ниже — четыре портрета. Кривых, но узнаваемых. Орк в броне. Эльфийка с красным носом. Разбойник в капюшоне. Девушка с проводами в волосах.

Харон сорвал лист. Смял. Бросил под ноги.

— Зарина!

Она выскочила из подсобки мгновенно — будто ждала за дверью.

— Я уже видела. — Она говорила быстро, почти без придыхания. — В «Гусе» висит такое же. В «Арфе». В «Поросятах». Везде.

— Когда?

— Час назад. Сразу после рассвета.

Из подсобки вышел Когер. Без слов взял смятый пергамент, разгладил. Прочитал. Вернул.

— Тысяча, — сказал он. — Дёшево.

— Дёшево?! — Мелиса выглянула из-за его плеча, прижимая к носу платок. — Тысяча золотых за голову — это дёшево?

— За четверых. По двести пятьдесят за штуку. Рыночная цена такого tank'a — минимум пятьсот. Плюс healer — триста. Итого восемьсот. А они предлагают двести пятьдесят. Дилетанты.

Харон фыркнул. Шутка — но только наполовину. Когер действительно считал. Даже сейчас.

— Ладно. — Харон оглядел улицу. Зеваки уже расходились, но некоторые задерживались. Смотрели. Оценивали. Прикидывали. — Что делаем?

— Уходим, — сказала Мелиса. — Прямо сейчас. Пока никто не решил, что тысяча золотых — это хорошая цена.

— Уходим — куда? В замок? Так мы туда только к вечеру собирались.

— Значит, пойдём сейчас.

Когер покачал головой.

— Нет. Сейчас — нельзя.

— Почему?

— Потому что дорога до замка — четыре часа пешком. Или час на лошадях. Но лошадей у нас нет. А на дороге нас будут ждать. «Ястребы» — не дураки. Они знают, что мы пойдём к Пэйчу. Значит, перехватят по пути.

— Тогда что?

— Сидим здесь. Ждём. И думаем.

Думать было некогда. Харон видел, как двое игроков в кожаных доспехах остановились у входа в переулок. Смотрели. Переглядывались. Оценивали расстояние.

— Уже идут, — сказал он.

Когер обернулся. Игроков стало трое. Теперь они не просто смотрели — они шли. Медленно. Осторожно. Но шли.

— В подворотню, — скомандовал Когер.

Они нырнули в узкий проход между домами. Зарина — первая, Мелиса — за ней, Харон последним. Когер задержался у входа, вытащил из инвентаря горсть мелких монет — медяков — и швырнул на мостовую перед преследователями.

Трюк сработал. Игроки остановились. Кто-то нагнулся. Кто-то заспорил. Пять секунд форы.

Подворотня вывела их в торговый квартал. Здесь ещё не знали про награду — или делали вид, что не знают. Торговцы выставляли товары. Покупатели сновали между рядами. Обычный день.

— Сюда, — Зарина потянула их к неприметной двери между лавкой кожевника и складом зерна. — Я вчера присмотрела. Чёрный ход в «Три Поросёнка».

— Таверна?

— Да. Там отдельные кабинеты. И хозяин — мутный тип, но за деньги не сдаст.

Дверь скрипнула. Внутри пахло элем, жареным мясом и чем-то кислым. Полумрак. За стойкой — толстый трактирщик с никнеймом «Бочонок». Он посмотрел на вошедших, хмыкнул и отвернулся. Узнал.

— Кабинет на втором этаже, — сказал он не оборачиваясь. — Десять золотых за час. Деньги вперёд.

Харон выложил двадцать.

— За два.

— За два — с обедом. Садитесь.

Они поднялись по скрипучей лестнице в маленькую комнату с одним окном, заколоченным досками. Стол. Четыре стула. Свеча.

— Ну и что теперь? — Мелиса села на ближайший стул, прижимая платок к лицу. Пыль здесь была старая, густая, как в архивах Лича. — Сидим и ждём, пока нас найдут?

— Думаем, — повторил Когер.

— О чём?

— О том, как они узнали.

Зарина перестала возиться с модулем. Подняла глаза.

— В смысле?

— В прямом. Мы вчера весь день собирали налог. Никто не рыпался. Все верили. А сегодня утром — награда. За ночь что-то изменилось.

— Пэйч, — сказала Мелиса. — Он понял, что налог — фальшивка. И слил информацию «Ястребам».

— Не сходится. — Когер покачал головой. — Если бы Пэйч слил, он бы объявил награду от своего имени. А тут — гильдия. Другое дело. «Ястребы» всегда были сами по себе. У них свой интерес.

— Какой?

— Политика. Имидж. «Ястребы» — это топы. Но вчера они не заплатили. Никто из них не пришёл к аукциону. Значит, они не поверили. А когда не поверили — проверили. И выяснили, что налог — липа.

— Но доказательств у них нет, — возразила Зарина. — Иначе бы они не награду объявляли, а пришли бы с администратором.

— Им не нужны доказательства. Им нужен повод. Награда за наши головы — это повод для PvP. Для рейда. Для войны.

Харон молчал. Он смотрел на карту Голдшира и думал о том, как всё быстро перевернулось. Вчера они были налоговой службой. Сегодня — дичью.

— Что будем делать? — спросила Зарина. — Ждать вечера?

— Нет. — Харон встал. — Ждать нельзя. Если мы просидим здесь до вечера, «Ястребы» окружают квартал. Они уже ищут. Через час-два найдут. Надо уходить.

— Куда?

— В замок. Но не по дороге.

— А как?

— Под землёй.

Все замолчали. Под землёй. Через шахты. Через гоблинов.

— Грых, — сказала Мелиса. — Он говорил, что есть старые туннели. Ещё до Пэйча. Они ведут прямо к подвалам замка.

— Нам нужен Грых, — согласился Харон. — Но чтобы до него добраться, нужно сначала выбраться из города. А город кишит «Ястребами».

— Не кишит. — Зарина снова открыла модуль. — Я смотрю логи чата. «Ястребов» всего человек двадцать в городе. Остальные — в рейдах. Но двадцать — это много.

— А у нас четверо.

— Пятеро. Грых — тоже.

— Грых — на глубине ста метров. Сначала — до него.

Зарина задумалась. Потом улыбнулась — той самой улыбкой, с которой обычно начинались неприятности.

— Есть идея.

Идея была безумной. Как всё, что они делали последние дни. Но другой не было.

Через час из чёрного хода «Трёх Поросят» вышли четверо. Не те, что вошли. Харон снял шлем и замотал

голову тряпкой — теперь он был похож на наёмника-человека. Когер спрятал капюшон под широкополой шляпой. Мелиса надела поверх платья кухонный фартук и прижимала к груди корзину с бутылками эля. Зарина распустила волосы — провода скрылись в густой гриве, — и теперь выглядела как дочь трактирщика.

Они шли по улицам не спеша. Мимо патрулей «Ястребов». Мимо вывесок с их собственными портретами. Мимо доски объявлений, где уже появился второй лист — с уточнением: «Награда выплачивается только за живых». Пэйч успел вмешаться.

У городских ворот их остановили.

— Стоять. — Стражник в латах с эмблемой «Ястребов» преградил дорогу алебардой. — Куда?

— В Дубраву, — сказал Харон, стараясь, чтобы голос звучал не так низко. Получалось плохо. — В гости к родне.

— Что в корзине?

— Эль. — Мелиса приподняла крышку. — Домашний. На свадьбу везём.

Стражник заглянул в корзину. Понюхал. Скривился.

— Проходите.

Они вышли за ворота. Харон чувствовал спиной взгляды. Но никто не окликнул. Никто не побежал следом.

Лес встретил их тишиной. Не игровой — настоящей. Птицы молчали. Ветер не шумел. Только шаги по сухой листве.

— Далеко до шахт? — спросила Мелиса.

— Час. Может, два.

— А если «Ястребы» пойдут за нами?

— Пойдут. Но не сразу. Им нужно согласовать рейд с администрацией. Администрация — Пэйч. Пэйч будет тянуть.

— Почему?

— Потому что он хочет видеть нас у себя. Лично. А не в мешке от «Ястребов».

Шли молча. Харон — впереди, Зарина — за ним, Когер и Мелиса — чуть позади. Через час вышли к старому входу в шахту — не тому, через который спускались в прошлый раз. Этот был заброшен. Порос мхом и паутиной.

— Точно здесь? — спросила Зарина.

— Грых говорил — третий ствол, западный склон. Это он.

Харон отодвинул сгнившие доски. Внутри — темнота. Сырость. Запах угля и плесени.

— Спускаемся.

Они вошли. Харон зажёл факел. Пламяхватило из темноты каменные своды — низкие, в подтёках. Пол уходил вниз под крутым углом.

Шли долго. Час. Два. Харон сбился со счёта. Туннели ветвились, но Зарина сверялась с модулем — Грых, ещё вчера, оставил ей схему старых ходов. Схема была корявой, нарисованной углём на обрывке пергамента, но работала.

Грыха они нашли на третьем уровне. Тот сидел у костра, окружённый десятком гоблинов, и что-то им толковывал. Увидев гостей, вскочил.

— Вы! — Он подбежал к Харону, схватил за руку. — Я знал, что вы придёте! Знал!

— Знал? — Харон удивлённо поднял бровь.

— «Ястребы» и сюда добрались. Утром приходили. Спрашивали про вас. Мы сказали — не видели. Но они ищут. Они везде ищут.

— Значит, мы правильно сделали, что ушли.

— Правильно. — Грых кивнул. — Но здесь вам тоже нельзя оставаться. Они вернутся. С солдатами. С магами.

Нам их не сдержать.

— Нам и не надо. Нам нужно в замок. Под землёй.

Грых замер. Перевёл взгляд с Харона на Когера. С Когера на Мелису. С Мелисы на Зарину. Потом снова на Харона.

— Под землёй, — повторил он. — Это... старая штольня. Её закрыли ещё до Пэйча. Там обвалы. Там темно. Там...

— Там выход к подвалам замка. Так ты говорил.

Грых вздохнул.

— Так. Говорил. Но я не думал, что вы правда туда пойдёте.

— Пойдём. Проведёшь?

Грых посмотрел на своих гоблинов. Те сидели у костра и не сводили с него глаз. Ждали решения.

— Проведу, — сказал он. — Но только до входа. Дальше — сами.

— Договорились.

Они вышли через час. Грых — впереди, с факелом в здоровой руке (левая до сих пор была светлее). Харон — за ним, пригнувшись под низкими сводами. Остальные — следом. Туннель был старый, заброшенный, но крепкий. Ни обвалов. Ни осыпей. Только тишина и эхо шагов.

Через полчаса вышли к каменной двери. Без ручек. Без надписей. Просто плита в стене.

— Здесь, — сказал Грых. — Дальше — подвалы. Третий ярус. Там склады. Старая кухня. Винный погреб. Карцер. И лестница наверх.

Харон упёрся плечом в плиту. Надавил. Плита не шелохнулась. Ещё раз. Ещё.

— Дай я. — Когер подошёл, ощупал края, нашёл едва заметную трещину. Вставил кинжал. Провернул. Что-то щёлкнуло. Плита подалась.

За дверью — темнота.

— Дальше — сами, — сказал Грых. — Мне надо к своим. Они ждут.

— Спасибо.

— Не за что. — Он помолчал. — Вы вернётесь?

Харон посмотрел на него. Гоблин был маленький, сутулый, с разноцветными руками и усталыми глазами. Но стоял прямо. Смотрел без страха.

— Вернёмся, — сказал Харон. — Завтра или позже. Но вернёмся.

— Тогда я пока не распускаю профсоюз.

— И правильно.

Грых кивнул и ушёл обратно в штольню. Его шаги стихли в темноте. А четверо вошли в подвалы замка Лорда Пэйча.

Здесь пахло иначе — старым вином, плесенью. Где-то капала вода. Где-то скрипели половицы над головой.

— Тихо, — сказал Когер. — Мы не знаем, сколько здесь охраны.

— Охраны? — Зарина включила модуль. — Я сканирую. Два десятка. Но все на верхних этажах. Здесь, внизу, — никого.

— Почему?

— Потому что никто не ждёт гостей из подвала.

Харон хмыкнул. И пошёл первым. По коридору. Мимо старых бочек. Мимо груд пустых мешков. Мимо карцера с ржавой решёткой. К лестнице.

Лестница была каменной. Винтовой. С высокими ступенями. Харон поднялся первым. За ним — остальные.

Наверху — дверь. Обычная, деревянная. С ручкой. Харон приоткрыл. За дверью — коридор. Каменный. С факелами. Чистый. Пустой.

— Где мы? — шёпотом спросила Мелиса.

— В замке. Где-то в восточном крыле. Судя по планировке — рядом с кухней.

— Откуда ты знаешь планировку?

— Я запомнил планировку. Ещё в прошлый раз, когда мы были в замке.

Зарина приснула. Харон не шутил. Пахло жареным мясом. Значит, кухня близко. А где кухня — там и слуги. А где слуги — там и уши.

— Нам нужен тронный зал. Или кабинет. Или где там Пэйч принимает гостей.

— В центральной башне. На третьем этаже. — Когер достал карту замка. — Я скопировал ещё вчера из архива. Вот здесь. Три поворота. Две лестницы. И коридор.

— А охрана?

— Скорее всего, у дверей. Внутри — вряд ли.

— Почему?

— Потому что Пэйч не доверяет никому. Даже своим. А в тронном зале он говорит то, что не должны слышать посторонние.

Харон закрыл дверь. Прислонился к стене.

— Значит, идём. Сейчас. Пока «Ястребы» ломятся в ворота, мы уже внутри.

— А если Пэйч нас не ждёт?

— Ждёт. Он нас позвал — значит, ждёт. А что мы придём раньше и не с парадного входа — его проблемы.

Они пошли по коридору. Мимо кухни, где повара-НПС гремели котлами. Мимо кладовых. Мимо караульных, которые смотрели в другую сторону. По лестнице. Ещё по одной. И вот — длинный коридор с гобеленами на стенах. В конце — высокая дверь с гербом. Не с вилок. С настоящим мечом.

Харон толкнул дверь.

В тронном зале было пусто. Только на возвышении, в кресле, похожем на трон, сидел Лорд Пэйч. Не в доспехах. В простом бархатном камзоле. С кубком в руке.

Он посмотрел на вошедших. Усмехнулся.

— А я думал — вы к вечеру. А вы уже здесь. Через подвал. Похвально.

— Приглашение было на сегодня, — сказал Харон.

— Было. — Пэйч отпил из кубка. — Но после вашего вчерашнего... налога... я думал, вы не решитесь. А вы пришли. Смело.

— Мы пришли обсуждать требования.

— Требования? — Пэйч рассмеялся. — Ребята. После того, что вы устроили, у вас нет требований. У вас есть только одна возможность. И я её вам дам. Садитесь.

Он махнул рукой. Из тени вышли слуги — не люди, а безликие манекены в ливреях. Они вынесли стулья. Четыре штуки. Ровно напротив трона.

— Вы четверо. И я. Давайте поговорим. Как взрослые люди.

Харон сел. Остальные — за ним.

— Итак, — Пэйч отставил кубок. — Вы вломились в мой замок. Вы обрушили мои поставки. Вы собрали восемь тысяч золотых под видом налога. Вы объявили профсоюз. Вы — проблема.

— Мы — решение, — сказал Когер.

— Решение чего?

— Твоей проблемы. Ты боишься, что мы пройдем финальный рейд. Но мы не хотим рейда. Мы хотим выйти.

— Из игры?

— Из игры.

Пэйч помолчал.

— Выхода нет. Я искал пять лет. Нет. Только рейд.

— Тогда мы пройдем рейд.

— Вы не пройдёте. Никто не проходил. — Он кивнул на пустые доспехи у стены. — Семь групп. Семь провалов. Восьмая — ваша.

— Значит, мы будем восьмой.

Пэйч посмотрел на Харона. Долго. Испытующе. Потом перевёл взгляд на Мелису.

— Ты всё время чихаешь.

— Аллергия, — сказала она.

— На что?

— На ману.

Пэйч хмыкнул.

— Интересно. У прошлого целителя такой проблемы не было.

— У прошлого целителя, — сказал Когер, — вообще проблем не было. Он умер первым.

Пэйч помрачнел.

— Он был слаб. Как и все они. Слабые. Глупые. Жадные. Думали только о себе.

— А ты?

— А я думаю о системе. О сервере. О том, чтобы всё работало. Да. Я саботирую группы. Но не потому, что боюсь. А потому, что не хочу, чтобы кто-то ещё погиб зря. Вы думаете, рейд — это шанс? Нет. Это смерть. Я видел. Семь раз.

Харон встал.

— Значит, помоги нам.

— Помочь? — Пэйч рассмеялся. — Чем? Рассказать, как пройти? Я не знаю. Я не проходил. Я только видел, как умирают другие.

— Тогда зачем ты нас позвал?

— Чтобы предложить сделку. — Пэйч тоже встал. — Вы прекращаете саботаж. Отдаёте восемь тысяч мне. Я отзываю «Ястребов» и даю вам ещё неделю. Неделю на

подготовку. Неделю тишины.

— А налог?

— Забудьте про налог. Это была хорошая идея. Но она кончилась. Вы теперь — цель. За вами охотятся. С каждым часом охотников будет больше. Дайте мне слово — и я их остановлю.

Харон посмотрел на своих. Зарина покачала головой — едва заметно. Мелиса прижала платок к носу. Когер сидел неподвижно — думал.

— Мы подумаем, — сказал Харон.

— Думайте. У вас есть время до заката. Потом «Ястребы» возьмут штурмом шахту. И профсоюз ваш. И гоблинов. Мне плевать на гоблинов, но я не хочу лишней крови. Решайте.

Он сел обратно. Взял кубок. Отпил. Разговор был окончен.

Четверо вышли из зала. Слуги закрыли за ними дверь. В коридоре было тихо. Только факелы трещали на стенах.

— Что думаешь? — спросила Мелиса.

Харон посмотрел на неё. Потом на Когера. Потом на Зарину.

— Думаю, что он врёт. Про «Ястребов». Про неделю. Про всё.

— Почему?

— Потому что он боится. Не того, что мы пройдем рейд. А того, что мы вообще дойдем до восьмого уровня. Того, что мы сделаем выбор. А он — нет.

— Значит, не соглашаемся?

— Нет. Но и не отказываемся. Пока.

— А что тогда?

— Ждём заката. А там — посмотрим.

Они спустились в подвал. Сели у той же каменной плиты, через которую вошли. Ждали.

За час до заката Зарина открыла модуль.

— «Ястребы» отозвали патрули.

— Что?

— Да. Только что. Приказ по гильдии. Всем вернуться в казармы.

— Значит, Пэйч выполнил условие? — Мелиса недоверчиво посмотрела на экран. — Без нашего слова?

— Значит, ему нужно, чтобы мы остались живы. Не для нас. Для себя. Ему что-то от нас нужно. Что-то большее, чем просто саботаж.

Харон вспомнил пустые доспехи. Семь комплектов. И вопрос, который задала Кнопа: «Почему?»

— Он хочет, чтобы мы дошли до конца, — сказал он. — Не чтобы умереть. А чтобы сделать то, на что он сам не решился.

— Выбор, — тихо сказала Зарина. — Восьмой уровень. Там не надо сражаться. Там надо выбрать. А он не смог.

— Или не захотел.

Все замолчали. Сверху, из замка, доносились шаги. Слуги. Стража. Жизнь шла своим чередом.

А под землёй, в старом подвале, четверо игроков решали, что делать дальше. И знали только одно: завтра «Ястребов» не будет. Но это не значит, что врагов нет. Это значит, что враг — здесь. Сидит на троне. И ждёт их решения. А до заката — час. И восемь тысяч золотых в мешках. И старый подвал. И тишина.

— Ладно, — сказал Харон. — Подождём. А там — посмотрим.

Глава 6. Читерские схемы и розовые уведомления

Сделка с Пэйчем оставила привкус ржавчины во рту. Харон разбудил остальных за час до рассвета — не словами, а просто встал и загремел мешками с золотом.

— Уходим.

— Куда? — Мелиса протёрла глаза, чихнула.

— В канализацию.

— Прекрасно. Сделка века: восемь тысяч золотых — и мы ночуем в дерьме.

— Зато живые, — Когер уже застёгивал плащ. — «Ястребы» отозваны, но Пэйч не идиот. Он не отзовёт остальных.

Зарина сворачивала модуль. Провода в волосах мерцали синим — она не спала полночи, просматривая логи.

— Он уже не отозвал, — сказала она. — Десять минут назад три гильдии получили контракты на наши головы. Не «Ястребы». «Кровавые Псы», «Теневой Клинок» и «Аурум».

— Аурум? — Харон нахмурился. — Это же торговая гильдия.

— Была торговая. Теперь — охотничья. Пэйч удвоил награду. Двенадцать тысяч за живых, восемь за мёртвых.

— Живых? — Мелиса вскинулась. — Ему нужны живые?

— Ему нужен выбор, — сказал Когер. — Мы ему нужны, чтобы выбрать. А он — чтобы смотреть.

Харон поднял мешок.

— Выходим через восточный слив. Там старые тоннели. Гоблины говорили, они ведут под рыночную площадь.

Грых ждал у входа в шахту. Гоблин нервно перебирал пальцами по рукояти кирки, уши подрагивали.

— Уходите?

— В канализацию.

— Плохое место. Там вода грязная. И боты.

— Боты? — Зарина остановилась. — Какие боты?

— Сборщики. Розовые. Они приходят, когда баланс ломается. Ловят тех, кто нарушает. Читеров.

— Мы не читеры.

— Они не разбирают. — Грых пожал плечами. — Вы налог придумали. Профсоюз. Рынок встал. Баланс сломан. Теперь они придут. За вами.

Харон посмотрел на Зарину.

— Сборщики?

— Системный протокол, — она открыла модуль. — Автоматическая полиция сервера. Реагирует на аномалии экономики, эксплойты, несанкционированное изменение кода. Я думала, их нет в этой сборке.

— Есть, — сказал Грых. — Мы их видели. Давно. Когда прошлые приходили. Которые в доспехах.

— Семь групп?

— Да. Они тоже ломали баланс. Но по-другому. Они убивали. А вы — нет. Вы профсоюз сделали. Нам это важно.

Он протянул свёрток — грязную тряпку с чем-то тяжёлым внутри.

— Что это?

— Схема. Тоннелей. Мы нарисовали. Там есть места. Рынок. Чёрный рынок. Где торгуют тем, чего нет в правилах.

Зарина развернула тряпку. Корявые линии, нанесённые углём, складывались в карту канализационных ходов под Голдширом. Ответвления.

Тупики. И три кружка с пометкой «торг».

— Чёрный рынок, — прошептала она. — Грых, ты гений.

— Я бригадир, — скромно сказал гоблин.

Через час они сидели в сыром коллекторе под Рыночной площадью. Свод нависал низко — Харону пришлось пригибаться. С потолка капало. Пахло плесенью и чем-то едким, химическим.

Зарина разложила модуль на коленях, подсвечивая схему.

— Смотрите. Вот здесь, под мясными рядами, — она ткнула пальцем в карту, — торгуют эксплойтами. Не багами. Эксплойтами. Рабочими схемами, которые используют механику игры.

— Например? — Когер придвинулся ближе.

— Автопрокачка скиллов через дуэль с манекеном. Манекен не атакует, если стоять под углом в сорок три градуса. Стоишь и качаешь уклонение до сотни за ночь.

— Это же...

— Читерство? Нет. Это использование особенностей движка. Формально правила не нарушены.

— А если нарушены? — спросила Мелиса.

— Тогда приходят Сборщики.

Когер задумался. Потом открыл свой модуль — старый, потёртый, с треснутым экраном.

— Я могу написать скрипт. Который маскирует эксплойт под нормальную активность. Система видит: игрок качает скилл. Не эксплойт. Просто игрок.

— Сколько времени?

— Час. Может, два.

— Делай.

Зарина поднялась.

— А я пойду на рынок. Вербовать.

Торговцев она нашла в третьем ответвлении от центрального коллектора. Трое. НПС, но необычные — с интеллектом выше среднего, явно багнутые, как Грых. Они сидели на ящиках вокруг переносного фонаря и резались в кости.

— Чем торгуете? — спросила Зарина, присаживаясь.

Самый высокий — тощий тип с лицом, собранным будто из запчастей, — поднял голову.

— А тебе зачем?

— Хочу предложить эксклюзивный контент.

— Какой ещё контент? — второй, толстый, с руками-лопатами, подозрительно прищурился.

— Такой, которого нет в официальных патчах. Схемы прокачки. Скрипты для автопрокачки. Всё легально — с точки зрения движка.

Третий торговец — женщина в грязном плаще с капюшоном, из-под которого торчали седые космы, — хрипло рассмеялась.

— Легально — это скучно. Мы здесь потому, что легально — скучно.

— Тогда слушайте.

Зарина открыла модуль. Провела пальцем по экрану — и над ним развернулась голографическая таблица. Семь схем. Три скрипта. Один эксплойт на уклонение.

— Вот это, — она указала на первую схему, — качает навык скрытности на восьми мобах одновременно. Мобы не агрятся, если стоять на текстуре воды. Восемь мобов за ночь. Сотый уровень скрытности за неделю.

Тощий присвистнул.

— Откуда?

— Из Хранилища Знаний. Багнутый доступ. Есть ещё.

— Цена?

— Десять процентов с продаж. Вы торгуете — мы даём новые схемы. Каждую неделю. Эксклюзив. Никто больше не получит.

— А если нас поймают? — спросила женщина.

— Не поймают. Схемы чистые. Скрипты маскируются под обычную активность. Система видит только легальные действия.

— А Сборщики?

Зарина помолчала.

— Сборщики приходят, когда кто-то нарушает баланс. Мы не нарушаем. Мы просто помогаем игрокам качаться быстрее. Это не эксплойт. Это эффективность.

Торговцы переглянулись.

— Десять процентов, — повторил тощий. — И эксклюзив.

— Да.

— Согласны.

Когер закончил скрипт через сорок минут. Он обошёлся без манекенов — просто взял стандартную механику тренировочных чучел и вывернул её наизнанку. Чучело атакует игрока. Игрок уклоняется. Сто попаданий — один уровень уклонения. Но если чучело стоит к игроку спиной — попаданий нет. А уклонение качается.

— Ты гений, — сказала Зарина.

— Я ленивый, — поправил Когер. — Просто нашёл способ ничего не делать.

— Это и есть гениальность.

Мелиса сидела в углу, чихая в платок. Воздух в коллекторе был влажным и пыльным — её аллергия разыгралась не на шутку.

— Это всё прекрасно, — сказала она между чихами, — но у нас проблема.

— Какая?

— Я не могу лечить. Совсем. Мана заблокирована. Аллергия. А вы собрались в рейд.

Харон отложил мешок с золотом.

— Значит, тебе нужна не мана.

— А что?

— Механика. Как у нас. У меня ловкость вместо силы. У Когера скрытность вместо урона. У Зарины всё работает через баги. А ты?

— А я чихаю.

— Значит, используй это.

Мелиса уставилась на него.

— Как?

— Не знаю. Но если система дала тебе аллергию — значит, это часть билда. Не баг. Фича.

Когер оторвался от скрипта.

— Она права. Вспомни Лича-Пенсионера. Ты чихнула на свиток — и сломала протокол. Это не случайность. Это механика. Твой чих — это оружие.

— Оружие?

— Дебафф. Случайное событие. Что угодно. Надо проверить в бою.

— В бою я бесполезна.

— Сейчас — да. Но если покопаться в системных логах...

Зарина уже открывала модуль.

— Я посмотрю. В Архиве должны быть записи о всех багнутых скиллах. Может, найдём что-то похожее.

Сверху донёлся гул. Тяжёлые шаги. Много.

Все замерли.

Гул нарастал. К нему добавился металлический лязг — будто десяток рыцарей в полном доспехе маршировали строем.

— Сборщики, — прошептала Зарина.

— Они нас нашли?

— Нет. Они ищут. Прочёсывают тоннели.

Гул приближался. Теперь был слышен ещё один звук — высокий, электронный. Писк. Розовый свет залил дальний конец коллектора.

— Они сканируют, — Зарина свернула модуль. — У них детекторы аномалий. Если увидят скрипт...

Когер сунул модуль за пазуху.

— Уходим.

— Куда? — Мелиса вскочила, прижимая платок к лицу.
— Здесь один выход.

— Нет, — Харон развернул карту Грыха. — Вот. Южный слив. Ведёт в старую насосную. Там тупик, но есть люк наверх.

— Что наверху?

— Квартал Кожевников. Там нас не будут искать.

— Потому что там воняет.

Розовый свет становился ярче. Писк — громче. Шаги — ближе.

— Быстро.

Они побежали по колено в мутной воде. Харон — первым, проламывая плечом паутину и гнилые доски. Зарина — следом, прижимая модуль к груди. Мелиса, чихая на каждом шагу. Когер — последним, бесшумно, как тень.

Коллектор петлял. Вода становилась глубже. На стенах мелькали пятна плесени — зелёные, светящиеся.

За спиной загрохотало. Розовая вспышка. И голос — механический, без интонаций:

— Обнаружена аномалия. Код 734.
Несанкционированная торговая активность. Запуск
протокола изъятия.

— Они нашли рынок! — Зарина оглянулась. — Торговцев!

— Не нас, — бросил Харон. — Вперёд.

Люк нашёлся в конце тоннеля — ржавый, заросший мхом. Харон упёрся плечом, надавил. Крышка поддалась со скрежетом. Сверху хлынул серый утренний свет.

Они выбрались в переулок между кожевными мастерскими. Воздух здесь был ещё хуже, чем в канализации, — едкий, пропитанный дубильными кислотами. Но живые.

Харон опустил крышку. Прислушался.

Снизу доносился ляг. Розовые вспышки. Крики — короткие, обрывающиеся на полуслове. А потом — тишина.

— Торговцы, — тихо сказала Зарина.

— Мёртвые?

— Изъятые. Сборщики не убивают. Они удаляют. Стирают из системы. Как будто никогда не существовали.

Мелиса прижалась спиной к стене.

— Они придут за нами?

— Если найдут аномалию. — Зарина открыла модуль, пробежалась пальцами по экрану. — Но скрипт Когера чист. И схемы чистые. Если не продавать в открытую...

— Мы не продавали, — перебил Когер. — Они продавали. А их уже нет.

— Значит, надо найти новых.

Все посмотрели на неё.

— Что? — Зарина пожала плечами. — Бизнес есть бизнес. Сборщики изъяли троих. В Голдшире ещё сорок торговцев. И каждому нужен эксклюзивный контент.

— Ты сумасшедшая, — сказала Мелиса.

— Я маг. Мне положено.

Харон усмехнулся — впервые за сутки.

— Ладно. Найдём новых. Но сначала — убраться подалеже от этого люка. У Сборщиков могут быть сканеры и на поверхности.

— У них есть, — подтвердила Зарина. — Но здесь квартал Кожевников. Химия. Дубильные чаны. Фонит так, что никакой сканер не возьмёт.

— Значит, здесь и останемся.

Он поднял мешок с золотом.

— Снимем комнату. Отмоемся. И начнём работать. У нас три недели до финала.

— Двадцать три дня, — поправила Зарина. — И семь уровней подземелья.

— И сорок торговцев, — добавил Когер. — Если мы поставим им схемы, у нас будет целая армия. Не для боя. Для саботажа. Каждый проданный эксплойт — это удар по балансу Пэйча.

Зарина улыбнулась. Провода в её волосах засветились ярче.

— Тогда за работу.

Они пошли по переулку — четверо грязных, уставших игроков с восемью тысячами золотых в мешках и модулем, полным читерских схем. За спиной, под землёй, розовый свет методично зачищал тоннели. Но здесь, наверху, пахло кожей и химией. И где-то в этом лабиринте мастерских, дубильных чанов и сушильных сараев прятались сорок НПС-торговцев, готовых рискнуть всем ради эксклюзивного контента.

Оставалось только их найти. И не попасться Сборщикам.

Комнату сняли в подвале дубильной мастерской — три на четыре шага, топчан, бочка с водой. От вони кислоты першило в горле, но сканеры сюда не добивали.

Зарина разложила модуль на перевёрнутом ящике.

— Сорок торговцев. Делим на четыре зоны. Рыночная, Портовая, Гильдейская и Нижний город.

— А «Ястребы»? — Мелиса сидела в углу, закутавшись в плащ. После канализации её трясло.

— «Ястребы» ищут нас в шахтах. — Когер вытер клинок куском кожи. — Грых пустил слух, что мы ушли в горы.

Харон стоял у двери. Через щель в досках пробивался розоватый свет уличного фонаря.

— Надолго их не отвлечёт. К утру поймут.

— Значит, к утру у нас должно быть всё готово.

Зарина ткнула пальцем в схему.

— Первый — Читер. Барыжит на Портовой. Скупка краденого, перепродажа квестовых предметов. Берёт тридцать процентов, но клиентов у него — полгорода. Если он возьмёт схемы...

— То за сутки они разойдутся по всему серверу. — Когер хмыкнул. — Умно.

— Умно будет, если мы не попадёмся. — Мелиса чихнула. — У нас восемь тысяч золотых. Может, просто отсидимся?

— Нельзя. — Харон оторвался от двери. — Пэйч ждёт. Если мы не шевелимся, он поймёт, что мы согласились на сделку. И начнёт давить.

— А мы?

— А мы делаем вид, что торгуемся. Тянем время. И строим сеть.

Читера нашли в портовом пакгаузе. Тощий НПС с бегающими глазами и пальцами, унизированными краденными кольцами. Он сидел на тюках с контрабандным шёлком и пересчитывал монеты.

— Эксклюзив? — он поднял бровь. — Деточка, у меня всё эксклюзив. Вчера принесли Меч Истинного Света. Знаешь, сколько он стоит?

— Тысячу двести, — сказала Зарина.

— Откуда...

— Потому что ты сам его выкупил у «Стального Кулака» за восемьсот. А теперь хочешь толкнуть за полторы. Я знаю. Я смотрела логи.

Читер осёкся.

— Ты из ГМ?

— Нет. Я из тех, кто может дать тебе то, чего нет даже у ГМ.

Она открыла модуль. Показала первую схему — автопрокачка скрытности на текстуре воды.

— Берёшь. Продаёшь. Десять процентов мне. Остальное твоё.

Читер молчал минуту.

— Пять.

— Десять.

— Семь.

— Десять.

— Ладно. Десять. Но если схема не сработает...

— Сработает. У меня их семь. Плюс скрипты. Плюс эксплойты на уклонение.

— И всё легально?

— Всё. Система видит только нормальную прокачку.

Он взял схему. Повертел в руках. Потом убрал в карман.

— Когда начнём?

— Прямо сейчас.

К утру схемы разошлись по десяти торговцам. Читер взял четыре. Остальные — по одной-две. К полудню первые покупатели начали присылать отзывы.

«Работает. +12 скрытности за час.»

«Где вы раньше были???»

«Беру ещё три.»

Зарина сидела в подвале и обновляла сводки. Модуль гудел, провода в волосах светились ровным синим. Всё шло по плану.

А потом пришли «Ястребы».

Харон услышал их первыми — тяжёлые шаги по булыжнику. Много. Слишком много для случайного патруля.

— Нас нашли.

— Кожевники? — Мелиса вскинулась.

— Да. Снаружи. Человек двадцать.

Когер уже был у двери.

— Зарина, сворачивайся. Мелиса — к дальней стене. Там запасной выход через дубильный чан.

— Через что?!

— Через чан. Под ним лаз в старый коллектор.

Снаружи загремело. Голос — усиленный магией:

— Выходите! Здание окружено! Сопротивление бесполезно!

Харон поднял щит.

— Я задержу.

— Один против двадцати? — Мелиса вцепилась в его наплечник.

— Я танк. Мне положено.

Он вышел в переулок.

Двадцать «Ястребов» стояли полукругом. В полном обвесе. Элитный рейдовый состав — не те, что были в Голдшире. Эти — серьёзные.

— Харон-орк? — командир, рыцарь в золотом шлеме, шагнул вперёд. — Сдавайся. Пэйч обещал награду живым.

— Знаю. Восемь тысяч.

— Двенадцать. Цена поднялась.

— Льстит.

Рыцарь не улыбнулся.

— Последний раз. Сдавайся. Или...

Харон не дослушал. Он рванул в сторону — туда, где строй был тоньше. Щит врезался в первого «Ястреба», сбил с ног. Второго — плечом. Третий попытался взять его в захват.

Харон ушёл в перекат.

Ловкость. Его кривой билд — огромный орк с грацией кота — сработал идеально. Там, где ждали грубой силы, он проскользнул между клинками, как вода. Меч взял второго. Щит — четвёртого.

— Держи его! — рыцарь в золотом шлеме рванул следом.

Харон отступал. Медленно. Шаг за шагом. Давая Зарине и Мелисе время уйти.

«Ястребы» наседали. Их было слишком много даже для багнутого билда. Один клинок задел плечо — броня выдержала. Второй — по ноге. Харон пошатнулся.

А потом из подвала полетели искры.

Зарина.

Она стояла в дверях — растрёпанная, с модулем в одной руке и светящимся свитком в другой.

— Отойди!

Харон прижался к стене.

Свиток полыхнул. Из него вырвалась волна розового света — того самого, системного. Сборщиков.

«Ястребы» замерли. На секунду. Две. А потом — один за другим начали оседать. Не умирать. Отключаться. Как будто кто-то выдернул шнур.

— Что это? — Харон тяжело дышал.

— Системный баг. Я подменила сигнал их гильдейского маяка. Теперь они думают, что попали под санкции.

— Надолго?

— На полчаса. Уходим.

Мелиса уже ждала у дубильного чана — бледная, с трясущимися руками. Когда Харон и Зарина подбежали, она откинула крышку люка.

— Там внизу... там кто-то есть.

— Кто?

— Не знаю. Но он дышит.

В старом коллекторе пахло гнилью и ржавчиной. И ещё — кровью.

Человек лежал у стены. Молодой. В разорванной мантии мага. На груди — рваная рана. Рядом валялся пустой флакон из-под зелья.

— Он умирает, — Мелиса опустилась на колени.

— Уходим, — Когер потянул её за плечо. — Сейчас «Ястребы» очнутся.

— Я не брошу.

— У нас нет времени!

— Тогда дайте мне минуту!

Она склонилась над раненым. Руки дрожали. Мана заблокирована. Аллергия. Ни одного работающего заклинания исцеления.

— Проклятье, — прошептала Мелиса. — Проклятье, проклятье, проклятье...

И чихнула.

Прямо на рану.

Сверкнуло.

Рана затянулась. Не исчезла — но закрылась, будто её стянули невидимой нитью. Кровь остановилась. Дыхание выровнялось.

— Что... — маг открыл глаза. — Что ты сделала?

— Я... — Мелиса сама уставилась на свои руки. — Я не знаю.

— У него был дебафф «Смертельная рана», — Зарина открыла модуль и пробежалась по логам. — А теперь... —

Она замерла. — «Усталость». У него просто «Усталость».

— Я вылечила смертельную рану чихом?!

— Не вылечила. Перевела. В другой дебафф. Менее опасный.

Маг сел. Пощупал грудь. Не поверил.

— Как тебя зовут? — спросила Мелиса.

— Тенор. Я из гильдии «Теневой Клинок». Меня послали... послали убить вас. Но когда я отказался, меня...

— Ладно. Потом расскажешь. — Харон поднял его на ноги. — Идти сможешь?

— Кажется, да.

— Тогда вперёд. Вопросы потом.

Они двинулись по тоннелю. Тенор ковылял позади, опираясь на плечо Когера.

— Ты отказался нас убить? — спросил Когер.

— Да. Пэйч приказал. Взять живыми. Но я... я видел, что вы сделали с гоблинами. С профсоюзом. Это было... правильно.

— И тебя за это?

— Да. Ударили в спину. Бросили в коллектор. Думали — сдохну.

— А ты выжил.

— Благодаря ей. — он кивнул на Мелису. — Как ты это сделала?

Мелиса открыла рот, но Зарина её опередила:

— Аллергия. У неё аллергия на ману. Поэтому заклинания не работают. Но когда она чихает — происходит что-то другое. Какой-то системный сбой. Она не колдует. Она... ломает правила.

— И переводит смертельные раны в усталость, — закончил Когер. — Неплохо для бесполезного хилера.

Мелиса покраснела.

— Я не специально.

— В том и фишка. Ты не можешь специально. Только случайно. Как с артефактом. Как сейчас.

— Это опасно. Я не знаю, что произойдёт в следующий раз.

— В следующий раз мы будем рядом. — Харон остановился. — Пришли.

Перед ними был тупик. Кирпичная стена. Старая, осыпающаяся.

— Здесь должен быть выход.

— Есть. — Когер провёл рукой по кладке. — Фальшивая. Дави сюда.

Стена ушла в сторону. За ней — лестница. Вверх.

— Это ведёт в старую часовню. Заброшенную. Там нас не найдут.

— Откуда ты знаешь?

— Грых нарисовал. На карте. Пунктиром.

Поднялись. Часовня оказалась маленькой, с провалившейся крышей и статуей какого-то святого без головы. В углу горел единственный факел.

Тенор опустился на пол. Мелиса села рядом, проверяя его состояние. Когер ушёл к окну — следить. Зарина открыла модуль.

— Пока мы бегали, пришло тридцать два заказа. Читер продал всё. Просит ещё.

— Значит, работаем дальше?

— Работаем. Но осторожнее. «Ястребы» теперь знают, где мы. И «Теневой Клинок» тоже. И «Аурум». И...

Модуль пискнул.

Красным.

Все замерли.

— Что это?

Зарина медленно развернула модуль. На экране — уведомление. Не розовое. Красное. С чёрной каймой.

«Обнаружена критическая аномалия баланса. Запущен протокол экстренной очистки. Цель: все субъекты, связанные с несанкционированной торговой активностью. Время до прибытия: 30 минут.»

— Сборщики, — прошептала Зарина. — Они идут.

— Тридцать минут, — Харон встал. — Успеем уйти?

— Нет. Они сканируют весь сектор. Если мы останемся здесь — засекут. Движение их сбивает, но ненадолго. Нужно уходить, но не бежать — идти ровно, не останавливаясь.

— Тогда?

— Тогда будем драться.

— Против Сборщиков? — Тенор поднял голову. — Это бесполезно. Их нельзя убить. Они не живые. Они — протокол.

— Протоколы не ломаются, — сказала Мелиса. — Но глючат.

Все посмотрели на неё.

— Что ты задумала?

— Я не знаю. Но если я могу переводить смертельные раны в усталость... может, смогу и протоколы переводить. Во что-то другое.

— Во что?

— В ошибку.

Снаружи загудело. Розовый свет залил улицу — яркий, до рези в глазах. Из переулков, из люков, из теней начали появляться фигуры. Человеческие. Безликие. С розовыми глазами — горящими, как два уголька.

Боты-Сборщики.

Они шли молча. Слаженно. Как один организм.

Харон поднял щит. Когер вытащил клинки. Зарина открыла все свитки разом. Тенор, шатаясь, встал рядом с Мелисой.

— Я помогу. Чем смогу.

— Ты едва стоишь.

— Значит, упаду. Но не сейчас.

Сборщики приближались. Розовые глаза — десятки, сотни — заполнили улицу. Часовня дрожала от их шагов.

Мелиса закрыла глаза. Вспомнила архив. Свиток. Чих. Тогда она сломала протокол случайно. Сейчас — нет. Сейчас она попробует специально. Не вылечить. Сломать.

Она глубоко вдохнула. Пыль. Плесень. Химия из дубильных чанов.

И чихнула.

Громко. Отчаянно. Всем телом.

Мир моргнул.

Розовые глаза погасли. На секунду. На две. А потом — зажглись снова. Но уже не розовым. Зелёным.

И голос — механический, но сломанный — произнёс:

— Протокол... протокол... ошибка... ошибка... перезагрузка... перезагрузка...

Сборщики замерли. Застыли. Как статуи.

— Бежим, — выдохнула Мелиса.

— Куда? — спросил Харон.

— Куда угодно. Пока они не перезагрузились.

И они побежали. Через пролом в стене. Через переулок. Через мост.

Позади Сборщики стояли неподвижно — безликая армия с зелёными глазами. Ждали перезагрузки.

А впереди был город. Огромный. Тёмный. Полный врагов.

И сорок торговцев, которые ещё не знали, что их поставщик только что объявил войну самой системе.

Зарина не отрывала взгляд от таймера в углу модуля. Красные цифры отсчитывали последние секунды перед перезагрузкой Сборщиков.

— Семь минут.

— Уже? — Мелиса вжалась в стену коллектора.

— Шесть пятьдесят две. Они перезагружаются быстрее, чем я думала.

Часовня осталась позади. Они бежали через лабиринт переулков Кожевенного квартала, петляя между дубильными чанами и сушильными рамами. Харон проламывал дорогу, не разбирая — стены, заборы, кучи мусора. Остальные держались за ним цепочкой.

Тенор хромал позади. Рана затянулась, но усталость давила — дебафф висел над ним серой иконкой.

— Долго не протяну, — выдохнул он.

— Протянешь. — Когер подхватил его под локоть. — Ты теперь с нами.

— Что значит «с нами»?

— Значит — в деле. Ты же маг?

— Маг. Четвёртого круга.

— Значит, пригодишься.

Зарина свернула в узкий проход между двумя мастерскими. Модуль в руке гудел — она на ходу отслеживала сигналы.

— Сборщики перезагрузились. Девять сигналов. Двигутся с востока.

— Девять? — Харон остановился. — В прошлый раз их было тридцать.

— Значит, остальные ещё не загрузились. У нас фора.

— Или ловушка.

Когер выглянул из-за угла. Переулок впереди был пуст — только розоватый туман стелился по булыжнику.

— Следы.

На мокрых камнях отпечатались подошвы. Много следов. Все — в одну сторону.

— Они шли здесь. Недавно.

— Но не напали.

— Значит, ждут.

— Где?

Когер поднял взгляд. Наверху, на карнизах крыш, розовые огоньки. Неподвижные. Наблюдающие.

— Нас пасут.

— Почему не атакуют?

— Потому что мы им зачем-то нужны. Живыми. Как Пэйчу.

Зарина закусила губу. Пальцы пробежали по экрану модуля.

— Я пытаюсь считать их приказы. Зашифровано. Но есть паттерн. Они не атакуют тех, кто движется. Только тех, кто стоит.

— Значит, нельзя останавливаться.

— Нельзя. И нельзя возвращаться в канализацию. Там их основные силы.

— Тогда куда?

Мелиса подняла руку.

— Апчхи!

Все замерли.

— Извините.

— Нет. — Зарина уставилась на модуль. — Когда ты чихаешь, их сигнал дрожит. На секунду. Но дрожит.

— И что?

— То, что они боятся. Не нас. Тебя. Твоего чиха. Того, что ты сделала в часовне.

Мелиса растерянно посмотрела на свои руки.

— Я же просто...

— Ты перевела протокол в ошибку. Не сломала. Перевела. Как рану в усталость. Ты — баг для Сборщиков. Живой баг.

— Это хорошо или плохо?

— Это оружие. — Харон шагнул вперёд. — Значит, прикрываешь нас. А мы прикрываем тебя.

— Но я не умею стрелять чихами! Это происходит само!

— Значит, научишься. По дороге.

Они двинулись дальше. На восток — туда, где розовый туман был реже. Крыши над ними пустовали, но Зарина знала: наблюдатели там. Ждут момента, когда группа остановится.

— Читер, — сказала она в модуль. — Ты слышишь?

Ответ пришёл через секунду — шёпотом, с помехами:

— Слышу. Что за хрень у вас творится? Половина моих клиентов отключилась!

— Сборщики. Рейд на канализацию. Твой склад ещё цел?

— Цел. Я в пятом коллекторе. Заперся.

— Сиди тихо. Мы идём к тебе.

— Вы что, с ума сошли?! Сюда нельзя! Здесь...

Связь оборвалась.

— Читер? Читер!

Молчание.

— Его засекли, — Когер сжал рукоять клинка. — Сборщики добрались до пятого коллектора.

— Значит, мы опоздали.

— Или нет. — Зарина открыла карту. — Смотри. Пятый коллектор — здесь, под Портовой. Но туда ведут два хода. Основной — через рынок. И запасной — через старые доки. Если Сборщики пошли основным...

— То запасной свободен.

— Да. Если мы успеем.

Они побежали. Через мост. Через площадь — пустую, как после чумы. Через ржавые ворота в портовую зону.

Старые доки встретили их тишиной. Гнилые причалы уходили в чёрную воду. Пахло солью и мазутом. Где-то в

темноте скрипела баржа.

— Вход здесь. — Зарина указала на ржавый люк под крайним причалом. — Прямо в пятый коллектор.

Харон откинул крышку. Из люка пахло химией — резко, до слёз.

— Дубильные чаны, — сказал он. — Кожевники сливают отходы прямо в коллектор.

— Поэтому Читер здесь и сидит. Химия глушит сканеры.

Спустились. Вода здесь была по пояс — едкая, зеленоватая. Стены покрыты плесенью. Впереди, в конце тоннеля, горел свет.

— Читер?

Тишина.

Прошли ещё десять метров. Склад — деревянный настил над водой, заставленный ящиками, — был пуст. Фонарь горел. Товар лежал на месте. А Читера не было.

— Опоздали, — сказала Мелиса.

— Нет. — Когер указал на ящики. — Смотри.

На крышке одного — свежая царапина. Короткая. Три буквы.

«ЗАН».

— Заначка? — Зарина нахмурилась. — Какая ещё...

Когер отодвинул ящик. Под ним — люк. Маленький, в полу.

— Он спрятался.

— Или его спрятали.

Из люка донёсся шорох. Потом — кашель. Потом — голос Читера:

— Заходите. Тут тесно, но безопасно.

Они спустились по очереди. Узкий лаз вёл в крошечную каморку — три на три метра, заставленную самым ценным товаром. Читер сидел в углу, обхватив

колени. Рядом с ним — ещё двое торговцев. Те самые, с которыми Зарина договаривалась утром.

— Ты жив.

— Почти. — Читер пощупал грудь. — Сердце колотится. Это главное.

— Что случилось?

— Сборщики. Они пришли через основной ход. Десять штук. Просканировали склад. Забрали весь товар.

— Но ты спрятался?

— Я спрятался. Они искали не меня. Они искали схемы.

— Схемы? — Зарина открыла модуль. — Но схемы у меня. В цифре. Их нельзя забрать физически.

— Можно. — Читер потянулся к ящику, вытащил свиток. — Ты дала мне четыре схемы. Я распечатал их. На бумаге. Чтобы клиенты не светили модули. Сборщики забрали бумагу.

— Бумагу? — Когер не поверил. — Они охотятся за бумагой?

— Они охотятся за информацией. Бумага, модуль — без разницы. Главное — носитель.

— Но зачем? Схемы легальны.

— Были легальны. — Читер развернул свиток. — Смотри.

Внизу, под текстом схемы, горела розовая печать. Гербовая. С надписью: «Несанкционированное использование. Нарушение пункта 734.2».

— Пункт 734.2? — Зарина нахмурилась. — Я не знаю такого пункта.

— Теперь знаешь. Сборщики обновили правила. Всё, что меняет баланс быстрее чем на полпроцента в сутки, — вне закона.

— Полпроцента? — Когер присвистнул. — Мы меняли на три.

— Вот поэтому они и здесь.

Харон выглянул в лаз.

— Сканеры. Слышишь?

Писк. Ровный, методичный. Где-то наверху.

— Они прочёсывают коллектор. Ищут нас.

— Найдут?

— Обязательно. Тут вентиляция. Вентиляция фонит.

— Что делать?

Зарина закрыла модуль.

— Драться.

— Против Сборщиков? — Читер вжался в угол. — Ты видела, что они делают? Они не убивают. Они стирают. Как будто тебя никогда не было.

— Знаю. Но у нас есть Мелиса.

Все посмотрели на целительницу. Она сидела в углу, прижимая платок к лицу — от химии в воздухе у неё слезились глаза.

— Я не могу контролировать чих, — сказала она. — Это не заклинание. Это просто... просто аллергия.

— Не просто. — Зарина присела рядом. — Смотри. В часовне ты перевела протокол в ошибку. Сейчас ты перевела смертельную рану в усталость. Оба раза — чихом. Но разным. В первом случае — громким, во весь голос. Во втором — тихим, приглушённым.

— И что?

— Разная амплитуда. Разный эффект. Ты не можешь контролировать когда чихать. Но можешь — как.

Мелиса опустила платок.

— Думаешь?

— Уверена. Проверь.

— Прямо сейчас?

— Да. Чихни тихо. Как тогда, над Тенором.

Мелиса закрыла глаза. Вдохнула. Пыль, плесень, химия — воздух в каморке был пропитан всем сразу.

Она чихнула — тихо, сдавленно, в платок.

Ничего не произошло.

— Не работает.

— Потому что нет цели. — Зарина встала. — Когда ты чихала на Тенора, у него был дебафф. Когда на Сборщиков — у них был протокол. Сейчас нет никого. Попробуй на мне.

— Что?!

— Наложь на меня дебафф. Любой. Я маг. У меня есть щит.

Мелиса замотала головой.

— Я не буду! Это опасно!

— У нас пять минут до того, как Сборщики вычислят нас по вентиляции. Шевелись.

Харон шагнул вперёд.

— Я вместо неё. У меня броня. И здоровье. Если что — переживу.

— Нет. — Зарина покачала головой. — Ты танк. Ты нужен для боя. А я — маг. Если меня заденет — Когер прикроет.

— Сумасшедшая, — прошептал Читер.

Зарина встала напротив Мелисы.

— Накладывай.

— Ч-что наложить?

— Не знаю. Что-нибудь простое. Проклятие. Яд. Усталость. Что угодно.

Мелиса дрожащими руками открыла меню заклинаний. Все были серыми — мана заблокирована. Кроме одного.

— Слабость, — прошептала она. — Самое слабое. Минус три к силе на минуту.

— Давай.

Мелиса вскинула руку. Заклинание сорвалось — и тут же погасло, разбившись о блок маны. Но на секунду над Зариной загорелась иконка дебаффа.

— Чихай!

Мелиса чихнула — тихо, сдавленно.

Иконка погасла. Зарина пошатнулась — и выпрямилась.

— Что... что ты чувствуешь? — Мелиса смотрела на неё испуганно.

— Ничего. Вообще ничего. Слабость прошла.

— И всё?

— И всё. — Зарина улыбнулась. — Ты перевела дебафф в ноль. Не в усталость. В ноль. Ты можешь чистить дебаффы.

— Это... это же...

— Это твой билд. Не баг. Фича. Ты не хилер. Ты — анти-дебаффер.

Снаружи загудело. Ближе. Ещё ближе.

— Они нашли вентиляцию, — сказал Харон. — У нас минута. Может, меньше.

— Тогда встречаем. — Когер вытащил клинки. — Мелиса — в центр. Прикрываем её. Она чистит дебаффы Сборщиков.

— У Сборщиков нет дебаффов. Они — протокол.

— Значит, переводим протокол в дебафф. Как в часовне.

— Я не знаю, получится ли! — Мелиса вцепилась в платок.

— Получится. — Тенор встал рядом с ней. — Я видел. Там, в тоннеле. Ты спасла мне жизнь. Не заклинанием. Чихом. Ты — первая, кто смог. За пять лет. Первая.

Стена дрогнула. Розовый свет просочился сквозь кладку — яркий, режущий глаза.

— Они здесь.

— Приготовились.

Харон встал в проёме. Когер — слева, в тени. Тенор — справа, сжимая посох. Читер и остальные торговцы забились в угол.

Мелиса — в центре. Одна. С платком в руке.

Стена рухнула.

В проёме стояли трое. Безликие. С розовыми глазами. За ними — ещё. И ещё.

— Обнаружена критическая аномалия. — Голос звучал отовсюду сразу. — Все субъекты подлежат изъятию. Сопротивление бесполезно.

— Сейчас проверим, — Харон ударил первым.

Щит врезался в ближайшего Сборщика. Тот отшатнулся — но не упал. Розовые глаза вспыхнули ярче. Из груди Бота вырвался луч — тонкий, как игла, ударил Харона в плечо.

Броня выдержала. Но над головой орка загорелась иконка — «Паралич». Три секунды.

— Ме-ли-са!

Она чихнула. Громко. Отчаянно.

«Паралич» погас. Харон снова мог двигаться.

— Работает! — Когер метнулся вперёд. Клинки ударили по второму Сборщику — тот даже не покачнулся. Зато из его ладони вырвался розовый шар. Ударил Когера в грудь.

«Слепота». Десять секунд.

— Мелиса!

Ещё один чих. «Слепота» погасла.

Тенор вскинул посох. С кончика сорвался файербол — маленький, слабый, но настоящий. Ударил в грудь третьему Сборщику. Тот отступил.

— У них нет брони! — крикнул Тенор. — Они — чистая программа. Магия берёт!

— Тогда чего мы ждём? — Зарина открыла все свитки разом.

С кончиков пальцев сорвались искры. Десятки. Сотни. Они ударили в проём — и Сборщики замерли. Их контуры задрожали, поплыли.

— Они перестраиваются! — крикнула Зарина. — Мелиса, сейчас!

Мелиса вдохнула. Пыль. Плесень. Химия. Дым от файерболов.

И чихнула. Так громко, как никогда в жизни.

Мир моргнул.

Сборщики застыли. Их розовые глаза погасли. Потом зажглись зелёным. Потом — синим. Потом — всеми цветами сразу.

И голос — механический, сбойный — произнёс:

— Протокол... протокол... сбой... ошибка типа семь-три-четыре... запрос на перезагрузку... запрос отклонён... запрос на... запрос на... запрос на...

Они начали таять. Прямо на глазах. Один за другим — растворялись в воздухе, оставляя после себя только розовую пыль.

— Что... что с ними? — прошептал Читер.

— Я не перевела их в ошибку, — Мелиса смотрела на свои руки. — Я перевела их в запрос.

— Запрос на что?

— На перезагрузку. Но он отклонился. Они не могут перезагрузиться. И не могут существовать. Поэтому они... исчезают.

— Навсегда?

— Не знаю. Но сейчас их нет.

Тишина. Только вода капает в коллекторе. И дым от файерболов стелется по потолку.

Харон опустил щит.

— Сколько у нас времени?

Зарина открыла модуль.

— Час. Может, два. Потом пришлют новых.

— Тогда работаем. Читер, у тебя остались клиенты?

— Да. Те, кто не светился. Примерно пятнадцать человек.

— Свяжись с ними. Скажи — схемы работают. Но теперь мы продаём не на бумаге. Только цифра. И только через защищённый канал.

— Какой канал?

— Я сделаю. — Когер уже сидел в углу с модулем. — Будет выглядеть как обычный внутриигровой чат. Но с шифрованием. Сборщики не прочитают.

— Рискованно.

— Зато работает.

Читер кивнул. Потом посмотрел на Мелису — та всё ещё стояла в центре, прижимая платок к лицу.

— Ты спасла нас. Всех. Я думал, ты — слабое звено. Ошибся.

— Я сама ошиблась. Думала, что не могу лечить. А я могу. Просто не так, как все.

— Как никто, — поправила Зарина. — Ты — первая за пять лет, кто ударил по Сборщикам. Не просто отбил. Уничтожил.

— Я не уничтожала. Я перевела.

— Это и есть уничтожение. Для них. Потому что они не умеют существовать в ошибке. А ты их туда загнала.

Мелиса опустила платок. Улыбнулась — слабо, но по-настоящему.

— Значит, я не бесполезна.

— Ты никогда и не была бесполезна. Просто мы не знали.

Час спустя они сидели на ящиках в камере Читера. Модуль Зарины гудел — заказы шли один за другим. Когер заканчивал зашифрованный канал. Харон чинил броню. Тенор восстанавливал ману.

— Двадцать три дня, — сказала Зарина. — Двадцать три дня до финала. И семь уровней подземелья.

— А теперь ещё и Сборщики, — добавил Харон. — Пэйч знает, что мы живы?

— Знает. «Ястребы» доложили. Но он не ждал, что мы отобьёмся. Думал — Сборщики сделают работу за него.

— Не сделали.

— Теперь будет злее.

— Пусть. — Когер оторвался от модуля. — У нас теперь есть то, чего нет у него.

— Что?

— Мелиса. Которая ломает протоколы чихом. Тенор — маг, который отказался нас убить. Читер — торговая сеть на полгорода. И схемы. Сорок схем, которые меняют баланс быстрее, чем система успевает реагировать.

— А ещё — восемь тысяч золотых, — добавила Зарина. — И профсоюз гоблинов. И карта подземелья.

Харон усмехнулся.

— Когда ты так говоришь, кажется, что мы почти победили.

— Нет. Но мы перестали проигрывать. Это уже что-то.

Где-то наверху, в городе, были сирены. Розовые патрули прочёсывали улицы — искали источник аномалии. Но здесь, глубоко под землёй, в тесной камере старого коллектора, четверо игроков, один предатель-маг и три подпольных торговца строили планы. Не на спасение. На войну. Войну, в которой оружием были не мечи и заклинания, а таблицы, скрипты и аллергический чих.

Зарина открыла новую схему. Посмотрела на остальных.

— Ну что? Работаем?

— Работаем.

И ночь над Голдширом взорвалась розовыми уведомлениями.

Глава 7. Побег из канализации

— Шевелитесь.

Когер уже бежал.

Топот за спиной — ритмичный, без одышки. Боты не устают. Не сомневаются. Не останавливаются, чтобы свериться с картой. А вот им — приходилось.

— Налево!

Харон врезался плечом в ржавую решётку. Та вылетела с мясом, с треском, с облаком ржавой пыли. Мелиса тут же чихнула — гулко, с эхом, заметавшимся под сводами.

— Тише ты! — зашипела Зарина. — Они по звуку идут!

— Я не специально!

Когер нырнул в проём первым. Темнота здесь была другой — более плотной, тяжёлой, пахнувшей не гнилью, а чем-то древним. Камни под ногами стали крупнее. Поверхность — ребристая, будто кто-то специально выдалбливал эти ходы. Не гоблины. Гоблиньи шахты остались этажом выше. Здесь начиналось что-то другое.

— Куда ведёт эта труба? — Харон протискивался следом. Броня скрежетала о стены.

— В Лес Забытых Квестов, — Когер сверился с модулем. На экране пульсировала карта, украденная Зариной из системного патча три дня назад. Синие линии труб расходились паутиной, но одна — самая толстая — вела строго на северо-восток. — Если верить разметке, через четыреста метров будет коллектор номер двенадцать. Оттуда — вертикальная шахта.

— И что наверху?

— По карте — развалины эльфийского форпоста. Третья эпоха.

— Третья эпоха? — Зарина даже остановилась. — Я думала, их убрали после обновления два-один-семь.

— Убрали. Но не из патча. Карта — сырая. Возможно, форпоста уже нет.

— А если есть?

— Тогда нам повезло.

Сзади что-то грохнуло. Далеко, но отчётливо. Будто упала балка или рухнула перегородка. Или — что вероятнее — Сборщики проломили решётку и теперь двигались по следу.

Когер прибавил шаг.

Труба уходила вниз. Под ногами захлюпало — вода здесь стояла по щиколотку, мутная, с радужными разводами. Мелиса опять чихнула.

— Простите, — выдохнула она. — Тут плесень. Какая-то... фиолетовая.

— Не вдыхай, — бросил Харон.

— Я пытаюсь!

Тенор, замыкавший группу, подсветил стены синим огоньком. Плесень и правда была фиолетовой. И шевелилась.

— Она живая, — констатировал маг. — Медленно растёт. Питается сыростью и маной.

— Отлично, — Когер перешагнул особо крупный нарост. — Ещё и грибок-магоед в комплекте. Зарина, долго нам?

— Сто восемьдесят метров. Дальше поворот.

— Быстрее.

Они пошли быстрее. Топот сзади стал отчётливее. Теперь к нему добавился звук — тонкий, вибрирующий, похожий на пение камертона. Боты активировали поисковые заклинания.

— Они нас сканируют, — Тенор обернулся. В синем свете его ладони лицо казалось вырезанным из льда. — Частота два-два-семь. Это узкий луч. Если попадёт — засекут.

— Далеко?

— Метров сто пятьдесят.

— Ускоряемся.

Харон подхватил Мелису под локоть — та опять споткнулась, закашлявшись. Зарина бежала, прижимая модуль к груди. Провода в волосах светились тусклым алым — индикатор перегрузки. Карта жрала слишком много ресурсов.

— Выключай карту, — сказал Когер.

— Потеряем направление.

— Ты запомнила?

— Да. Но...

— Выключай.

Модуль погас. Стало темнее — только Теноров синий огонёк да багровые отсветы откуда-то спереди. Труба делала поворот, и за ним открывался коллектор.

Он был огромный. Настоящий подземный собор — свод терялся в темноте, стены покрыты ржавыми трубами разного калибра, и все они сходились к центру, где в пол уходила вертикальная шахта. Вокруг шахты — решётка. Старая, но целая.

— Двенадцатый, — выдохнула Зарина. — Дошли.

— Открывай.

Решётка поддавалась не сразу. Харон налёг плечом — металл заскрипел, но не двинулся. Тогда он ударил кулаком по креплению — раз, другой, третий. Болты вылетели с визгом. Решётка рухнула в шахту и ещё долго гремела где-то внизу.

— Там глубоко, — заметил Тенор.

— Нам не вниз. Наверх.

Когер осмотрел стены. Скобы. Ржавые, но вбитые часто — эльфийская работа, добротная даже спустя пять веков. На каждую можно опереться. Зарина ползет первой — самая лёгкая, потом Мелиса, потом Харон, Тенор и он сам.

— Порядок подъёма: Зарина...

Договорить не успел.

Стена коллектора — та, через которую они вошли, — вздулась пузырьём. Камни пошли трещинами. И лопнула, выбросив в зал облако пыли и троих Сборщиков.

Они двигались иначе, чем раньше. Не плыли — шли. Быстро, дёргано, огибая трубы и камни, как запрограммированные на преследование в лабиринте. Потому что так оно и было.

— Вверх! — рявкнул Харон. — Живо!

Зарина схватилась за скобу и полезла. Мелиса — за ней. Харон развернулся, поднимая щит. Тенор вскинул руки — синий огонь сорвался с ладоней и ударил в ближайшего. Тот споткнулся, но не упал. Замерцал, пошёл рябью — и двинулся снова.

— У них адаптивная защита, — бросил маг. — Второй раз не работает.

Когер смотрел на приближающихся. Те же балахоны, те же пустые капюшоны. Но теперь он видел то, что не замечал раньше. Мелкие детали. У одного — рваный край рукава, будто его обгрызли. У второго — пояс с тремя зельями, два из которых пустые. У третьего — ножны. Пустые. Но по форме — для разбойничьего клинка.

Игроки.

Бывшие.

— Они же... — Зарина замерла на середине подъёма. — Это люди?

— Были, — ответил Когер.

И принял решение.

— Харон, прикрой. Тенор, заставь их замедлиться. Мне нужно пять секунд.

Он сорвал с плеч плащ. Тот самый. Свой главный артефакт, дававший невидимость на тридцать секунд. Эпический. С тридцать седьмого рейда.

— Ты что делаешь? — Харон обернулся.

— Меняю плащ на жизнь.

Когер швырнул плащ в угол коллектора. Туда, где трубы сходились особенно плотно, образуя что-то вроде ниши. Одновременно он активировал умение — то самое, «тень», которое маскировало его под неподвижный объект. Но не на себя. На плащ.

Система моргнула. На долю секунды ей показалось, что в углу прячется разбойник. Показалось всем трём сразу. И Сборщики, повинаясь древнему протоколу, синхронно повернули в сторону ложной цели.

— Давай! — заорал Когер. — Все в шахту!

Харон подтолкнул Мелису. Та взвизгнула и полезла быстрее. Зарина уже карабкалась, не оглядываясь. Тенор выпустил ещё один заряд — ледяную стену, запечатавшую проход в коллектор. На минуту, не больше.

Когер прыгнул к шахте и ухватился за скобу над головой. Подтянулся. Ещё раз. Ещё. Металл холодил ладони.

Внизу, под ногами, раздался треск — это Сборщики добрались до свёртка тени. Плащ рвануло на куски. Иллюзия развеялась. Протокол дал сбой.

— Они возвращаются, — предупредил Тенор.

— Уже вижу.

Когер лез быстрее. Руки работали как поршни — привычка, вбитая сотнями часов в PvP-засадах. Вверх. Ещё. Ещё. Шахта сужалась, скобы становились реже, зато

появились выступления. Естественные. Эльфы строили на совесть.

— Свет! — крикнула Зарина сверху. — Я вижу свет!

— Рассвет, — поправила Мелиса. — Уже утро.

Снизу донёлся скрежет. Сборщики лезли следом. Беззвучно, без пауз, без сомнений. Просто двигались вверх — быстро и страшно.

— Харон! — позвал Когер. — Если доберутся до нас в шахте — конец. Узко.

— Понял. — Харон остановился. — Тенор, давай по ним. Всем, что есть.

Маг кивнул. Свесился вниз, держась одной рукой за скобу, и простёр ладонь над провалом. Из пальцев хлынул поток — не огонь, не лёд. Что-то другое. Розовое, как уведомление о штрафе.

— Что это?

— Бюрократическое заклинание. Списывает очки действия.

Снизу донёлся механический хруст. На секунду — тишина. А потом — какофония, будто сотня принтеров одновременно пыталась напечатать одно и то же.

— Они зависли! — крикнул Тенор. — Но ненадолго. Счётчики перезагрузятся.

— Лезем!

Оставшиеся метры пролетели в едином порыве. Руки срывались, колени бились о камни, Мелиса чихала без остановки — и каждый чих эхом гремел в шахте, но было уже плевать. Свет вверху становился ближе. Холодный, серый, но живой. Настоящий.

Зарина вывалилась первой. Протянула руку Мелисе. За ней — Харон. Тенор. Последним вылез Когер. И тут же рухнул на мокрую траву, хватая воздух ртом.

Они лежали на краю провала — четверо игроков и один бывший наёмник, — глядя в небо. Серое, низкое, но всё равно прекрасное. Потому что живое.

— Твой плащ, — сказала Зарина. — Ты же его три месяца фармил.

— Четыре.

— И отдал просто так.

— Не просто. — Когер сел. — За жизнь.

Внизу, в шахте, снова заскрежетало. Но теперь звук стал тише, глуше — будто Сборщики упёрлись в невидимую преграду.

— Они не могут выйти за границу локации? — спросила Мелиса.

— Похоже на то. Канализация — их зона ответственности. Лес — нет.

— Значит, мы в безопасности?

Когер огляделся. Развалины форпоста. Полуобвалившаяся башня, заросшая мхом. Камни, покрытые резьбой — эльфийской, с листьями, — и поваленная статуя лучницы у входа. Деревья вокруг стояли тихие, но не мёртвые. Лес жил. И лес этот был не на карте.

— В безопасности? — переспросил Когер. — Не знаю. Но мы выбрались.

— А Сборщики?

— Остались внизу. — Он помолчал. — Они были такими же, как мы. Игроками, которые не дошли.

Тишина упала тяжёлая, как каменная плита.

— Ты уверен? — спросила Зарина.

— У одного были зелья. У другого — ножны от разбойничьего клинка. У третьего — пояс с карманом под модуль. Они не НПС.

— Может, просто лутанули у кого-то?

— Нет. Система не лутает мёртвых игроков. Она их утилизирует. А этих не утилизировала. Значит, они — часть системы.

— Часть? — Мелиса поджала ноги. — Ты хочешь сказать, что Пэйч...

— Пэйч не просто саботирует рейды. Он превращает неудачников в охрану. В стражей, которые следят, чтобы никто не добрался до ядра.

— Пять лет, — тихо сказал Харон. — Семь пустых доспехов в его зале. Это не всё. Это только те, кого он посчитал достойными памяти. А остальные... в канализации.

Когер посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от усталости — от злости.

— Мы вернёмся, — сказал он. — Но не сейчас. Сейчас нам нужен проход в ядро. И я знаю, где его искать.

— Где?

— В Забытых Квестах. Тут, в лесу.

— Откуда знаешь?

— Потому что карта показывала не только канализацию. Она показывала всё. Включая то, что Пэйч пытался стереть.

Зарина открыла модуль. Карта снова загрузилась — теперь батареи хватало. На экране проступили очертания леса, руины, тропа. И в центре — метка. Старая, тусклая, но активная.

— «Квест забытого разработчика», — прочитала Зарина. — Никогда о таком не слышала.

— Потому что его никто не проходил, — ответил Когер. — Идём. Рассвет уже наступил, а у нас двадцать три дня.

Они поднялись и пошли в лес. За спиной, в провале шахты, медленно затихал механический вой — Сборщики возвращались в свои туннели, чтобы ждать следующих

беглецов.

Лес встретил их тишиной — неестественной, будто звуки выключили отдельным патчем. Даже собственные шаги тонули во мху. Харон шёл первым, опустив щит. За ним — Зарина с модулем, потом Мелиса и Тенор. Когер замыкал, и без плаща ему было непривычно холодно.

Метка на карте дёргалась.

— Она двигается, — сказала Зарина.

— Что?

— Метка. «Квест забытого разработчика». Она смещается.

— Куда?

— К развалинам башни.

Когер ускорил шаг. Башня — та самая, полуобвалившаяся, с поваленной статуей лучницы у входа — стояла в сотне метров. Камни, покрытые резьбой, местами оплавилась. Не от огня. От чего-то другого — более системного.

— Здесь кто-то дрался, — заметил Тенор. — Давно.

— Квесты не дерутся.

— А этот дерётся.

Они подошли ближе. Метка пульсировала теперь прямо у основания башни — под корнями старого дуба, проросшего сквозь кладку. Корни переплетались, образуя арку. Под аркой — темнота. И надпись, вырезанная прямо в камне: «Только тот, кто потерял главное, найдёт то, что не терял».

— Пароль? — спросила Мелиса.

— Или описание, — ответил Когер. — Что мы потеряли?

— Плащ, — сказала Зарина.

— Жизнь, — поправил Харон.

— Свободу, — тихо добавил Тенор.

Когер подошёл к арке. Темнота за ней не двигалась — не как воздух, а как плотная заставка. Он коснулся рукой — пальцы ушли вглубь, ничего не почувствовали.

— Она нас пропускает.

— Почему?

— Потому что мы уже потеряли всё, что можно. А квест ждал тех, кто дойдёт.

Он шагнул вперёд. И исчез.

— Когер!

Зарина прыгнула следом, не раздумывая. Потом Мелиса — с коротким вскриком. Харон и Тенор — последними.

Переход был мгновенным. Никакой пустоты, никакой серой зоны между серверами. Просто шаг — и ты уже внутри. Когер стоял в круглом зале без окон. Стены — из того же камня, что и башня снаружи, но здесь резьба светилась тусклым жёлтым. В центре — стол. На столе — три предмета: свиток, кубок и зеркало.

— Квест на выбор, — сказала Зарина. — Возьмёшь одно — исчезнут остальные.

— Что в свитке?

Она развернула. Пробежала глазами.

— Это... код. Часть системного патча. Того самого, который удалил финальный рейд. Здесь инструкция, как восстановить рейд из бэкапа. Но нужен доступ к ядру.

— У нас нет доступа.

— Пока нет.

— А кубок?

Харон потянулся к кубку, но Когер остановил его руку.

— Сначала проверим зеркало.

— Почему?

— Потому что я не доверяю забытым квестам, которые предлагают выбор без информации.

Он взял зеркало. Повернул к себе — и замер.

В зеркале он увидел не себя. Вернее, не только себя. За спиной — фигура в сером балахоне. Без лица. Без звука. Но он знал, кто это.

— Сборщик.

— Где?! — Харон развернулся, поднимая щит.

— В зеркале. Смотрит.

Зеркало показывало не отражение. Оно показывало реальность — ту, которую Когер не видел простым зрением. Они не ушли от погони. Сборщик шёл за ними. Всё это время. С того самого коллектора номер двенадцать. Просто теперь он был невидим.

— Как?! — Зарина отшатнулась. — Мы же пересекли границу локации!

— Значит, он не привязан к канализации. Он привязан к нам.

Зеркало выпало из рук Когера и разбилось. Осколки брызнули по полу — и в каждом отражался один и тот же силуэт. Ближе. Ещё ближе.

— Он здесь, — сказал Тенор. — В зале.

Воздух сгустился. Не как перед грозой — как перед системным сообщением об ошибке. Сборщик материализовался медленно, будто его подгружали по частям: сначала контур, потом балахон, потом пустой капюшон. Но теперь Когер видел — капюшон не совсем пустой. Под ним что-то было. Лицо.

— Смотрите, — прошептала Мелиса. — У него... у него есть лицо.

Оно проступало сквозь серую рябь, как текстура низкого разрешения, которая постепенно подгружается в высоком. Мужское. Молодое. С острым подбородком и тонким шрамом через левую бровь. Игрок. Бывший. Такой же, как они, только застрявший здесь навсегда и

превращённый в стража.

— Он не атакует, — заметил Харон.

— Потому что не может. Здесь не его зона. Он просто следит.

— Зачем?

— Чтобы доложить Пэйчу, куда мы пошли и что нашли.

— Когер наклонился и подобрал осколок. — Но мы можем использовать это.

— Как?

— Он видит нас. Мы видим его. Он — глаза Пэйча. Но если глаза видят одно, а Пэйч получает другое...

— Дезинформация, — поняла Зарина. — Но как? Он же напрямую передаёт.

— Не напрямую. Через протокол. А протокол можно взломать.

Она уже открывала модуль. Пальцы летали по интерфейсу — розовому, глючному, но послушному.

— Мне нужно три минуты. Удерживайте его.

— Чем?

— Разговорами. Он слушает. Он бывший игрок — может быть, ещё помнит, что значит слышать человеческую речь.

Харон шагнул вперёд. Опустил щит — сознательно, демонстрируя уязвимость.

— Ты меня слышишь? Если слышишь — мигни. Или дёрнись. Или дай знак.

Сборщик молчал. Но капюшон чуть дрогнул — не как у механизма, а как у живого, пытающегося ответить.

— Он слышит, — сказала Мелиса.

— Тогда говори. Что угодно. Зарина, сколько?

— Две минуты. Мне нужно подобрать частоту.

Харон кивнул. Сделал ещё шаг.

— Мы знаем, кто ты. Игрок. И мы знаем, что Пэйч сделал с тобой. Ты проиграл — и он превратил тебя в это. Но ты всё ещё там, внутри. Я вижу.

Сборщик молчал. Но его контур стал чётче. Лицо проступило яснее — теперь были видны глаза. Пустые, серые, но с чем-то глубоко внутри. С памятью.

— Ты помнишь? — спросила Мелиса. — Помнишь, как впервые зашёл в игру? Как выбирал ник? Как радовался первому дропу?

Капюшон дёрнулся. Снова — чуть-чуть, но уже заметнее.

— Он помнит, — сказал Тенор. — Но протокол не даёт ответить.

— А если дать? — Зарина подняла голову от модуля. — Я нашла частоту. Ту, на которой Пэйч принимает от него сигнал. Если я вставляю туда ложный пакет...

— То Пэйч увидит не это. А то, что мы хотим.

— Именно. Но нужен образ. Что мы хотим, чтобы Пэйч увидел?

Когер подумал. И улыбнулся — впервые за долгое время.

— Пусть увидит, как мы умираем.

— Что?!

— Пусть увидит, как Сборщик выполняет свою работу. Как мы падаем. Как исчезаем. Он поверит. Потому что он этого ждёт. Пять лет ждёт. И когда он поверит — он ослабит контроль. А мы тем временем пойдём к ядру.

— Это... рискованно.

— Рискованно было брать этот квест. А это — просто следующий шаг.

Зарина кивнула. Модуль загудел громче. На экране побежали строки — команды, скрипты, перехват трафика.

— Готово. Ложный пакет уходит через три секунды. Две. Одна.

Сборщик задрожал. Его контур пошёл рябью — он передавал сигнал. Видел то, что они хотели: Харона, падающего на пол; Мелису, кричащую в агонии; Когера, растворяющегося в воздухе; Тенора, развоплощающегося в розовую пыль; Зарину, последнюю — с выпученными глазами и модулем, гаснущим в руках.

А потом — тишина.

Сборщик замер. Его контур начал таять — он уходил, отрапортовав. Выполнив задачу, которой не было.

— Он поверил, — выдохнула Зарина. — Пэйч получил подтверждение. Мы мертвы.

— Надолго?

— Пока не выйдем из леса. Как только попадём в зону действия его наблюдателей — всё раскроется. У нас есть время до темноты.

Когер повернулся к столу. Свиток лежал на месте, кубок тоже. Зеркало было разбито — но оно своё дело сделало. Теперь надо было выбрать.

— Свиток, — сказал он. — Берём свиток.

— Почему не кубок?

— Потому что кубок — это бафф. А баффы кончаются. Код — это знание. Знание не кончается. Особенно если это код финального рейда.

Он взял свиток. Кубок и осколки зеркала исчезли — будто их никогда не было. Стены зала дрогнули и пошли трещинами. Квест завершался.

— Наружу!

Они выбежали через арку корней — и за спиной обвалилась башня. Медленно, почти беззвучно, как декорация в театре. На её месте остался только ровный круг выжженной земли и дуб — целый, но теперь с

чёрными листьями.

— Квест закрыт, — сказала Зарина. — Навсегда.

— И что теперь? — спросила Мелиса.

— Теперь у нас есть инструкция по восстановлению рейда. И Пэйч, который думает, что мы мертвы. — Когер развернул свиток. Пробежал глазами первые строки. — Здесь написано: «Для активации требуется четыре ключа. Ключи разбросаны по уровням подземелья. Первый — на третьем уровне, в библиотеке Слепого Архивариуса».

— Третий уровень? Мы же только первый прошли.

— Значит, пойдём дальше. Но теперь — тихо. Пэйч не должен знать, что мы живы, пока не доберёмся до библиотеки.

— А если узнает?

— Тогда он вышлет всё, что у него есть. Не Сборщиков — армию. И тогда нам конец.

Харон посмотрел на восток. Там, за лесом, вставало солнце — яркое, почти настоящее. Где-то там был замок Пэйча. И под ним — восемь уровней подземелья. Семь из которых им предстояло пройти, пока враг считает их мёртвыми.

— Веди, — сказал танк.

И Когер повёл — без плаща, без иллюзий, но с картой, свитком и пониманием, что цена ошибки теперь измеряется не золотом и не опытом. А жизнью. Настоящей. Той, что ждала их по ту сторону экрана.

Свиток задрожал в руках. Не от ветра — от эха. Где-то внизу, в провале шахты, что-то изменилось. Звук стал другим. Не механическим. Влажным.

— Слышите?

Харон уже стоял у края. Всматривался в темноту.

— Вода поднимается.

— Какая вода?

— Та, что была по щиколотку в трубе. Сборщики, когда проламывали стену, повредили задвижку. Теперь хлынуло.

Когер выругался. Не вслух — про себя, коротко и зло. В коллекторе номер двенадцать они видели те задвижки: старые, ржавые, но рабочие. Если хлынуло там — пойдёт по всей сети. Затопит и трубу, и коллектор, и нижние ярусы.

— Это нам на руку, — сказала Зарина. — Вода смоем следы. И магические метки тоже.

— Если не смоем нас.

Харон уже тащил Мелису от края. Та опять чихала — теперь от спор, попавших в нос при падении. Тенор молча разглядывал провал. Синий огонёк на его ладони мигал.

— Что? — спросил Когер.

— Там ещё один.

— Где?

— В шахте. Ниже. Висит на скобе.

— Сборщик?

— Нет. Живой.

Когер лёг на край и свесился вниз, вцепившись в корни дуба. В темноте, метрах в пятнадцати под ними, кто-то карабкался. Медленно. Судорожно. Не как бот — как человек, у которого заканчиваются силы.

— Эй! — крикнул Когер. — Ты кто?

— Помогите, — донеслось снизу. — Решётка... меня зажало...

— Вода поднимается, — напомнила Зарина. — Если он не выберется — утонет.

— Харон, держи меня.

Танк ухватил Когера за пояс. Вдвоём они свесились в провал — опасно, до хруста в плечах. Когер протянул руку вниз.

— Хватайся!

Темнота не ответила. Только плеск — вода уже поднималась, теперь слышно было отчётливо. И скрежет — тот самый, с которым ржавые болты пытаются удержать вес.

— Не дотянуться, — процедил Когер. — Нужно ниже.

— Если я спущу тебя ещё — мы оба упадём.

— Тенор, верёвка!

Маг уже рылся в подсумке. Достал моток — обычный, не зачарованный, но крепкий.

— Двадцать метров. Хватит?

— Кидай.

Когер обвязал один конец вокруг пояса, второй — вокруг корня. Проверил узлы. Быстро, на ощупь, как учили в рейдах. И начал спускаться.

Стены шахты были скользкими от мха. Ноги срывались, приходилось держаться на одних руках. Верёвка врезалась в рёбра — больно, но терпимо. Лишь бы не лопнула.

— Слева от тебя! — крикнула Зарина. — Ниже!

Он спустился ещё на три метра. И увидел.

Парень. Молодой, в лёгком кожаном доспехе — разбойник или лучник. Нога застряла между скобой и стеной. Лодыжка вывернута под неестественным углом. Он висел вниз головой, вцепившись в скобу побелевшими пальцами.

— Держись, — Когер подтянулся на верёвке. — Сейчас достану.

— Там... там внизу...

— Что внизу?

— Шлюз. Он открыт. Вода идёт из него.

— Из какого шлюза?

— Из главного. Из того, что под башней.

Когер замер. Под башней. Под той самой, которая только что обвалилась в «завершённый» квест. Если шлюз

под ней — значит, башня была не просто декорацией. Она закрывала вход в гидросистему.

— Зарина! Ты слышала?

— Слышала. Ищу на карте. — Пауза. — Нет. Карта обрывается на башне. Дальше ничего.

— Значит, это не задокументировано. Но шлюз работает.

— И вода поднимается. Если шлюз не закрыть — затопит всю сеть. До самого города.

Когер вырубил узел на ноге лучника — осторожно, чтобы не повредить сильнее. Тот вскрикнул, но выдержал.

— Как тебя зовут?

— Квестор. Я... я из гильдии «Стальные Ястребы».

Когер замер. Харон наверху, судя по натяжению верёвки, тоже напрягся.

— Ты, — медленно произнёс Когер, — из тех, кто нас убивать приходил.

— Я... нет. То есть да. Но я не нападал. Я следил. Мне приказали.

— Кто?

— Пэйч. Он сказал — идите в коллектор, найдите их, передайте координаты. Я пошёл один. Хотел предупредить.

— О чём?

— О шлюзе. Он взломан. Пэйч знал, что вы пойдёте этим путём. Он специально оставил карту — ту, которую вы украли. Она — приманка.

Когер вырубил последний узел и рывком освободил ногу Квестора. Тот застонал, но схватился за скобу сам. Снизу уже доносился гул — вода прибывала быстро, и теперь в ней слышался металлический звон. Будто что-то разрывало трубы.

— Почему ты хочешь предупредить?

— Потому что я видел, что стало с теми, кто не дошёл. Я не хочу стать таким же. — Квестор поднял глаза. — И я не хочу, чтобы вы умерли. Особенно ты. — Он посмотрел на Мелису.

— Я? — Она наклонилась над провалом. — Мы же не знакомы.

— Я видел, как ты лечила Тенора. В коллекторе. Я следил. И я видел, что ты сделала со Сборщиками. Ты сломала протокол.

— Так ты всё видел.

— И не доложил.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это... неправильно. То, что делает Пэйч. Он говорит — это единственный способ. Но вы же живы. Вы боретесь. Значит, есть другой. — Квестор поморщился, перехватываясь за скобу выше. — Шлюз открыт. И он не закроется, пока не ввести код. А код — у меня.

Когер оглянулся на Зарину.

— Ты можешь взломать шлюз отсюда?

— Нет. Нужна консоль. А она — внизу, в коллекторе. Где вода.

— Тогда мы лезем вниз.

— С ума сошёл? — Харон натянул верёвку. — Там Сборщики.

— Сборщиков уже нет — их смыло. Если шлюз не закрыть, вода дойдёт до Леса. До развалин. До всего. И тогда Пэйч поймёт, что мы живы, по одному уровню затопления.

— А если мы закроем?

— Тогда Пэйч решит, что Сборщики справились и затопили нас вместе с собой. Получит подтверждение того, что уже видел в ложном пакете. И успокоится.

Харон помолчал. Потом кивнул.

— Квестор. Код.

— Пять-пять-девять-один.

— Это что? — Зарина уже записывала.

— Не знаю. Комбинация цифр. Мне дали перед заданием.

— Пэйч дал?

— Нет. Другой человек. В плаще. Сказал — если решишься, введёшь. И шлюз закроется.

— Какой человек?

— Не знаю. Не видел лица. Но он говорил — не как Пэйч. Не как враг. Как... друг.

Когер переглянулся с Хароном. Друг. В канализации. В подземелье. Среди врагов. Либо безумец, либо кто-то ещё — третий, о ком они не знали.

— Потом разберёмся, — сказал Когер. — Сначала шлюз. Харон, поднимай Квестора. Мы с Зариной — вниз.

— Один не пойдёшь.

— Тенор со мной. Ты останешься — если что, вытащишь.

Харон не стал спорить. Молча отдал верёвку Мелисе и полез вытаскивать Квестора. Когер тем временем уже спускался обратно в темноту, и Тенор — следом.

Спуск занял минуту. Внизу было мокро и гулко — вода хлестала из пролома в стене, заливая остатки пола. Консоль стояла у дальней стены, ржавая, но целая. Когер добежал до неё первым.

— Зарина, диктуй!

— Пять!

Он ударил по кнопке — тяжёлой, чугунной. Та подалась с трудом.

— Пять — есть.

— Пять!

- Есть.
- Девять!
- Девять — есть.
- Один!
- Один — есть.

Ничего не произошло. Вода продолжала хлестать. Консоль молчала.

— Не работает, — выдохнул Когер.

— Подожди. — Голос Зарины изменился. — Там должно быть два рычага. Слева и справа. Нашла в логах — это старая система. Их надо дёрнуть одновременно. Код вводится до этого, но активируется только после.

— Тенор, левый!

Маг уже бежал к левому рычагу. Когер — к правому.

— На счёт три!

— Раз!

Руки легли на ржавый металл.

— Два!

Вода дошла до пояса. Ледяная. Тяжёлая.

— Три!

Рывок. Два рычага одновременно ушли вниз. Что-то грохнуло — глубоко, под самым основанием башни. И вода перестала прибывать. А потом — начала уходить. Медленно, с чавканьем, утягивая за собой обломки и мусор.

— Закрылся, — выдохнул Когер. — Работает.

— Уходим, пока новый протокол не сработал, — Тенор уже карабкался вверх по верёвке.

Последние метры дались тяжелее всего — мокрые, замёрзшие, но живые. Наверху их ждали. Квестор сидел у корней дуба, растирал вывихнутую лодыжку. Харон стоял рядом — молча, но без угрозы. Мелиса протянула руку — и Когер ухватился за неё, вываливаясь из провала на

мокрую траву.

— Шлюз закрыт, — доложил он. — Вода уходит.

— И что теперь?

— Теперь у нас есть то, чего не было раньше. Время. И союзник.

Он посмотрел на Квестора. Тот сидел, опустив голову, и молча ждал приговора.

— Ты нам помог, — сказал Когер. — Спасибо.

— Я не ждал благодарности. Я ждал, что вы меня убьёте.

— Зачем? Ты же не враг.

— Я из «Ястребов». Пришёл по приказу Пэйча. Этого достаточно.

— Нет. Достаточно того, что ты сделал. — Когер протянул ему руку. — Вставай. Лес большой. Найдём, где спрятаться.

Квестор поднял глаза. В них читалось то, чего Когер не видел уже давно — не страх, не злоба. Надежда. Та самая, которую он сам потерял где-то между казармой и первым рейдом. И теперь она возвращалась — медленно, неуверенно, но возвращалась.

— Там, — Аргус махнул рукой в сторону чащи, — есть старая сторожка. Ещё с Третьей эпохи. Я там прятался, когда следил. Пэйч о ней не знает.

— Далеко?

— Час ходьбы.

— Дойдёшь?

— Доползу.

— Тогда идём.

Они поднялись — и двинулись в лес. Теперь их стало шестеро: танк, целитель, маг, разбойник, бывший наёмник и бывший «Ястреб». Враг, ставший союзником. И за спиной, под землёй, закрытый шлюз держал воду — и

тайну — под замком.

А где-то в замке Лорд Пэйч смотрел на пустой экран монитора, где только что погасли последние маркеры группы. И улыбался. Потому что верил: конец — близок. И не знал, что конец — это только начало.

Глава 8. Лорд Пэйч и его патч

Сторожка оказалась не сторожкой, а скорее склепом. Каменная коробка, вросшая в корни дуба — без окон, с одной дверью, обитой ржавым железом. Внутри пахло сыростью, старой кожей и чем-то ещё — сладковатым, как гниющие яблоки.

Мелиса чихнула, едва переступив порог.

— Здесь кто-то жил. Недавно.

— Следы? — Харон пригнулся, входя, и упёрся плечом в косяк. Броня заскрежетала о камень.

— Запах. — Она снова чихнула. — Не пыль. Не плесень. Что-то органическое.

Когер обошёл помещение по кругу, проверяя углы. Никого. Только старый стол, пара колченогих табуретов и сундук с оторванной крышкой.

— Тут был лагерь. Недавний. Смотрите. — Он ткнул пальцем в стол.

На столешнице темнели круги от кружек. Три штуки. Рядом — крошки хлеба, ещё мягкие. И лист пергамента, придавленный камнем.

Зарина схватила пергамент первой.

— Это не просто записка. Это... погодите. — Она поднесла лист к лицу, вгляделась в строки. — Это патч-ноут.

— Что? — Харон развернулся так резко, что чуть не снёс стол. — Патч? Здесь? В лесу?

— Да. Смотрите. — Она разложила пергамент на столешнице. — «Патч 17.4.2. Исправления и улучшения». Ниже: «Исправлена ошибка, при которой игроки могли взаимодействовать с объектами через текстуры». А вот это... «Добавлена механика корректировки памяти НПС

после сбоя фоновой загрузки».

Мелиса перестала тереть нос и подошла ближе.

— Корректировка памяти. То есть...

— То есть система может стирать память НПС, — закончила Зарина. — И не только НПС. Тут ниже: «Применяется ко всем сущностям на сервере, включая административные аккаунты». Это значит...

— Что любой, кто против Пэйча, может забыть, зачем он против. — Когер стоял в дверях, на страже, но слушал внимательно. — Удобно.

— Очень, — сказал кто-то.

Голос прозвучал из угла — того самого, где Когер уже прошёлся и ничего не нашёл.

Все четверо обернулись. И увидели, как воздух сгущается, темнеет, и из пустоты проступает фигура.

Лорд Пэйч.

Не в сияющих доспехах, как на плакатах. Не в мантии с гербом, как на переговорах. В простой кожаной броне, старой, потёртой на локтях. Без шлема. Лицо — усталое, серое, с мешками под глазами, словно он месяц не спал. На левой руке — рваная рана, из которой сочится не кровь, а что-то светящееся, бледно-голубое.

— Вы.

— Я. — Он не двинулся с места. — А вы, как я погляжу, решили воспользоваться моей же тактикой. Спрятаться в локации, где нет триггеров. Умно. Сам так прятался. Первые два года.

— От кого? — Мелиса шагнула вперёд, прижимая платок к носу. Запах гниющих яблок усилился. — От Сборщиков?

— От них тоже. Но в основном — от себя. — Пэйч прошёл к столу, отодвинул табурет. Сел. Сел тяжело, как старик, хотя на вид ему было не больше тридцати. — Это

мой первый лагерь. Здесь я прятался, когда ещё не знал, что смерть — настоящая. Когда думал: ну, баг, починят. Когда верил.

— Верил во что?

— В разработчиков. В патчи. В то, что кто-то за нами следит. — Он усмехнулся, глядя на свои руки. — Пять лет. Пять лет я ждал, что меня вытащат. А потом понял: никто не вытащит. Никто даже не знает, что мы здесь.

Мелиса смотрела на его рану. Светящаяся субстанция не высыхала, не сворачивалась — она пульсировала. Медленно, ритмично, словно второе сердце. И цвет... цвет был не системный. В игре кровь — красная, магия — синяя, яд — зелёный. А это — бледно-голубое, почти белое, с едва заметными искорками внутри. Так не выглядит ни один эффект.

— Твоя рука.

— А. Это. — Он поднял ладонь к лицу, посмотрел равнодушно. — Подарок от Сборщика. Третьего дня. Пытался объяснить им, что я не враг системы. Не поверили.

— Можно мне?.. — Мелиса шагнула ещё на шаг. — Я целитель.

— Я знаю, кто ты. — Пэйч не отодвинулся. — Ты та, кто чихает. Аллергия на ману, да? Иронично. Целитель, который не переносит магию. Разработчики такое любят.

— Разработчики такое не делают. — Она уже склонилась над его рукой, разглядывая рану. — Это баг. Мы проверяли.

— Проверяли. — Он кивнул. — Я тоже проверял. Пять лет назад. Тогда багов было меньше. Сейчас — каждый второй навык работает не так, как задумано. Система гниёт. Медленно. С каждым патчем.

Мелиса коснулась раны кончиками пальцев. И тут же отдёрнула руку.

— Оно... тёплое.

— Да. Оно живое.

— Что это?

— Остаток от прошлой группы. От мага. Шепарда, кажется. — Пэйч говорил спокойно, но пальцы сжались в кулак. — Он пытался взломать систему через портал. Портал схлопнулся. А его магия... осталась. Во мне. Как напоминание.

Мелиса снова чихнула. На этот раз — без пыли, без плесени. Просто от напряжения. От того, что сердце забилось быстрее, а в голове крутилась одна мысль: он не врёт.

Она достала бинты. Не игровые — настоящие, из холста, найденного у гоблинов. Прижала к ране. И тут же отдёрнула — ткань начала светиться.

— Оно впитывает ману. Любую. Даже остаточную. — Пэйч убрал руку. — Не лечится. Никак. Я привык.

— Но ты же... ты сам говорил — ты враг. Ты нас убить хотел.

— Я хотел, чтобы вы оставили меня в покое. — Он встал, прошёл к стене, опёрся о камень. — Я не враг. Я игрок. Такой же, как вы. Только я здесь уже пять лет. И я знаю то, чего не знаете вы.

— Что?

— Что финального рейда не существует.

Тишина. Только ветер шуршит листвой за дверью. И где-то далеко, на границе слышимости, — гул подземной воды.

— Как это — не существует? — Харон шагнул вперёд, заслоняя Мелису плечом. — Нам сказали: тридцать дней. Финальный рейд откроется.

— Вам сказали. — Пэйч не отвёл взгляд. — А мне сказали то же самое. Пять лет назад. Тридцать дней. А потом ещё тридцать. И ещё. Пока я не понял: финальный рейд — это не бой. Это выбор. И никто не знает, какой именно. Кроме одного.

— Кого?

— Стража Исхода. — Он выговорил это медленно, как имя, которое давно не произносил вслух. — Существо, которое стоит на пороге. Оно не сражается. Оно спрашивает. И ответ на его вопрос — это и есть финал. Или смерть. Или... что-то ещё. Я не знаю. Я не дошёл.

— Ты? — Зарина оторвалась от пергамента. — Ты, который пять лет...

— Я струсил. — Он сказал это просто, без пафоса. — Я не смог ответить. Я не знал, что ответить. И я решил: лучше не отвечать вовсе. Лучше ждать. Лучше... саботировать. Чтобы никто не дошёл. Чтобы никто не оказался лучше меня.

— Ты убивал других, — тихо сказала Мелиса. — Чтобы не проигрывать самому.

— Да. — Он встретил её взгляд. — Убивал. Не лично. Но через патчи. Через ловушки. Через ботов. Три группы. Три. Я думал: если я не могу, то пусть никто не может. А потом пришли вы. И сломали всё. Гоблинов. Налоги. Канализацию. Вы даже Сборщиков обманули. И я подумал: может, это и есть ответ. Может, я не должен идти один.

— Ты хочешь...

— Я хочу предложить союз. — Он выпрямился, и на секунду перед ними снова оказался тот самый Лорд Пэйч — величественный, властный, уверенный. Но только на секунду. — Я знаю путь. Я знаю каждого босса, каждую ловушку, каждый баг. Я знаю, как дойти до восьмого

уровня. А вы... вы знаете что-то, чего не знаю я. Что-то, что не даёт вам сдаться.

— Это ты о чём? — Когер сощурился.

— О том, что вы ещё верите. — Пэйч развёл руками. — Я пять лет пытаюсь выбраться. И знаете, что я понял? Систему нельзя взломать. Нельзя обмануть. Нельзя задокументировать до конца. Можно только... захотеть. По-настоящему. Искренне. А я разучился. Но вы — нет. Вы ещё что-то чувствуете.

Мелиса смотрела на его рану, на светящуюся кровь, на усталое лицо. И понимала: он не лжёт. Не сейчас. Может быть, потом — снова предаст, снова попытается их убить. Но сейчас, в эту минуту, он говорит правду.

— Что за Страж? — спросила она, снова беря бинт. — Как он выглядит?

— Никак. У него нет облика. Он — зеркало. Он принимает форму того, чего ты больше всего боишься. — Пэйч смотрел в стену, но видел явно не камень. — Для меня это был я сам. Только настоящий. Тот, который в реале. Не герой. Не лорд. Просто... человек.

— И что он спросил?

— «Зачем ты здесь?»

Тишина. Мелиса перевязывала рану, стараясь не касаться светящейся ткани. Пальцы дрожали.

— И что ты ответил?

— Ничего. Я убежал. Пять лет назад. И с тех пор каждый день думаю: а что бы я сказал сейчас? И не нахожу ответа. — Он опустил голову. — Поэтому я здесь. Поэтому прошу. Помогите мне дойти. А я помогу вам. Информация о боссах, ловушках, скрытых механиках — всё ваше. Взамен — одно. Когда мы дойдём... когда встанете перед Стражем... вспомните, что я тоже был игроком. Не монстром.

— Мы подумаем. — Харон встал между Пэйчем и остальными. — Не здесь. И не сейчас. Нам нужно уйти.

— Конечно. — Пэйч кивнул, отлипая от стены. — Я понимаю. Я бы тоже не поверил.

Он направился к двери, но остановился на пороге.

— Только одно. Патч, который вы нашли. Это последний. Больше патчей не будет. Не будет обновлений, исправлений, новых квестов. Сервер закроют. Через тридцать дней. Если не дойти до Стража раньше.

— Откуда ты знаешь?

— Я Админ. Неофициальный. Но доступ к логам у меня есть. — Он усмехнулся через плечо. — Хотите — проверьте. Спросите у своего Админа-Бюрократа. Он подтвердит.

И вышел. Только дверь скрипнула, закрываясь. И тишина — густая, вязкая, как та вода в шлюзе.

— Он врёт, — сказал Когер.

— Он не врёт, — ответила Мелиса. — Я видела. Его рана. Она не от Сборщика. Она от Стража. Он был там. И вернулся.

— Вернулся? Как?

— Не знаю. Но он вернулся. А значит... выход есть.

Она посмотрела на свои руки — в бледно-голубых искорках, оставшихся от повязки. И почувствовала то, чего не чувствовала давно: надежду. Страшную, опасную, но надежду.

— Мы должны попробовать, — сказала она. — Дойти. И спросить.

— О чём?

— О том же. Зачем мы здесь.

За окном, за ржавой дверью, за корнями дуба — лес шумел листвой, и вода уходила под землю, и где-то далеко, на восьмом уровне, Страж Исхода ждал нового вопроса. И

нового ответа. Который никто ещё не смог дать. Но который — теперь Мелиса знала точно — у них есть.

— Ты сказал — Страж. Сказал — он неуязвим для оружия. Но не сказал — почему.

Харон стоял, пригнув голову под низким потолком, и смотрел на Пэйча. Не на усталое лицо, не на рану. На руки. На то, как пальцы левой сжимались в кулак — не от боли, от привычки.

— Почему его нельзя убить?

— Потому что это не моб. — Пэйч не обернулся. — Это строка кода. Объект с иммунитетом к урону. Флаг выставлен ещё на этапе альфы.

— Докажи.

Пэйч медленно развернулся. Достал из-за пазухи сложенный вчетверо лист пергамента — точно такой же, какой они нашли на столе, только древнее. Края обгорели.

— Патч-ноут. Версия 9.2.8. — Он встряхнул лист. — За три месяца до релиза «Эдема». Смотрите сами.

Зарина выхватила пергамент раньше, чем Харон успел протянуть руку. Глаза побежали по строкам — быстро, профессионально, как читают логи.

— «Страж Исхода. Тип: статичный объект. Уровень угрозы: неприменимо. Взаимодействие: диалоговое окно. Иммунитет: абсолютный ко всем типам физического и магического урона». — Она перевернула лист. — «Примечание: для завершения сценария требуется патч версии не ниже 12.0. Не активирован».

— Вот именно. — Пэйч кивнул. — Двенадцатая версия не вышла. Разработчики уволились. Патч не применили.

— Значит, Стража нельзя убить. Совсем.

— Совсем. Только... пройти.

Харон молчал, переваривая. Когер, стоявший у двери, выдохнул сквозь зубы и шагнул к столу.

— Дай сюда.

Он взял лист из рук Зарины — осторожно, как берут фальшивую купюру. Поднёс к лицу. Прищурился.

— Здесь дата.

— И что?

— Дата — двенадцатое марта. А ты говорил, альфа-тест закончился в апреле.

Пэйч замер.

— Я... мог перепутать.

— Не мог. — Когер положил лист на стол. — Ты сам рассказывал: альфа длилась до апреля. До релиза — полгода. А здесь — март. Март, Пэйч.

— Ну и что?

— А то, что в марте ещё не было «Стража Исхода». Его добавили в бета-версию. В июне. — Когер шагнул вперёд. — Я проверял. Перед тем, как мы попали сюда. У нас в гильдии висела хронология патчей. Март — это баланс классов. Июнь — эндгейм. Ты этого не знал, потому что в марте тебя ещё не было в игре.

— Я...

— Ты врал. С самого начала. Ты не тот, за кого себя выдаёшь.

Тишина. Тяжёлая, как камень, которым был придавлен пергамент. Мелиса смотрела на Пэйча — на то, как дёрнулась жилка на виске.

— Я не врал. Я... не всё рассказал.

— Так расскажи.

Пэйч опустил на табурет. Провёл ладонью по лицу — и вдруг стал казаться меньше ростом. Не лорд. Не Админ. Просто человек.

— Я не был на альфа-тесте. Меня пригласили позже. На бета-тест. В июне. — Он говорил тихо, в стол. — Я не гейм-дизайнер. Я тестировщик. Был. В реале. Проверял

баги. За деньги. А потом — баг нашёл меня.

— Какой?

— Тот самый. Из-за которого вы здесь. — Он поднял голову. — Артефакт Фоновой Загрузки — это я его нашёл. Не вы. Пять лет назад. Тогда он назывался иначе. «Свиток Принудительного Возврата». Предназначался для экстренной эвакуации тестеров в случае зависания сервера. Но сработал иначе. Потому что я не просто тестировал. Я жил здесь. Месяцами. Пока контракт не кончился. А когда кончился... я не смог уйти.

— Почему?

— Потому что у меня аллергия на реальность. — Он усмехнулся. — Смешно, да? У тебя — на ману. У меня — на жизнь. Настоящую. Я не мог там дышать. Не мог есть, спать, говорить. А здесь — мог. Здесь я был... кем-то.

Мелиса опустила бинт. Смотрела на него — и видела себя. Два года назад. Когда мать сказала: «Ты не выйдешь из комнаты, пока не устроишься на работу». А она — сидела в наушниках, заходила в рейды и думала: «Лучше бы я не просыпалась».

— Ты остался. Добровольно.

— Да. — Пэйч кивнул. — А когда попытался вернуться — не смог. Сервер не выпускал. Я думал — баг. Ждал патча. А патч не пришёл. Тогда я стал искать способ. И нашёл Стража.

— И сбежал.

— И сбежал. — Он развёл руками. — Потому что Страж — не зеркало. Он — приговор. Он говорит тебе правду. Ту, которую ты сам о себе знаешь, но боишься признать. И если ты не принимаешь её — ты остаёшься. Навсегда.

— Что он тебе сказал?

Пэйч посмотрел на Мелису. Долго. Секунду, другую. И ответил — тихо, почти шёпотом:

— «Ты не хочешь выходить».

Тишина. Мелиса смотрела на него — и не знала, верить или нет. Когер всё ещё держал лист патча, Харон стоял стеной, Зарина листала логи в интерфейсе. Но что-то изменилось. Что-то встало на место.

— Ладно. — Харон первым нарушил молчание. — Допустим. Допустим, ты не врал. Допустим, Страж существует. Что дальше?

— Дальше — четвёртый уровень. Библиотека. Там — всё, что осталось от разработчиков. Лог, патчи, переписка. И карта. Полная карта подземелья. Без неё — не пройти.

— Ты пять лет здесь. Неужели не запомнил?

— Запомнил. Но карта — не просто схема. Это ключ. Без неё восьмой уровень не открывается.

— Почему?

— Потому что восьмой уровень — не место. Это состояние. Чтобы войти, нужно знать правду. Всю. О себе. О системе. О том, зачем ты здесь. Библиотека хранит эту правду. Но только для тех, кто способен её прочесть.

— Ты не смог.

— Я не смог. — Пэйч кивнул. — Поэтому и прошу вас. Идите со мной. Или без меня — но идите. Потому что если нет... через тридцать дней сервер схлопнется. Со всеми нами.

Мелиса чихнула. Аллергия на ману — и на враньё. Но сейчас — нос не чесался. Пыли не было. Только запах гниющих яблок — и бледно-голубой свет от повязки на её руках.

— Идём, — сказала она.

— Что?

— Идём. В библиотеку. Все вместе. И ты — тоже. Потому что если ты опять врешь... — Она подняла глаза. —

Я узнаю. И тогда — не будет ни патча, ни Стража. Будет только я и ты.

Пэйч смотрел на неё — и улыбался. Впервые. Не цинично, не устало. Почти тепло.

— Договорились.

— Тогда вставай.

Он поднялся. Харон отступил на шаг, но не расслабился. Когер убрал лист патча во внутренний карман — ближе к сердцу. Зарина закрыла интерфейс.

— До библиотеки — полдня пути, — сказал Пэйч. — Если повезёт.

— А если нет?

— Тогда — дольше.

Мелиса подхватила сумку, поправила платок на шее. И вышла первой — в лес, под кроны дубов, где ветер пах прелой листвой и чем-то ещё. Чем-то новым.

— Эй, Пэйч, — окликнул его Когер, уже на пороге.

— Что?

— Тот тестер. Который нашёл артефакт. У него было имя? В реале?

Пэйч помолчал.

— Было. Только я его забыл. Давно. Ещё до того, как стал Лордом.

— А сейчас?

— Сейчас... — Он посмотрел на Мелису. — Кажется, начинаю вспоминать.

Они двинулись в чащу. Впереди ждала библиотека, за ней — ещё четыре уровня подземелья, за ними — Страж. А пока — шаги по мокрой листве и шесть теней. Седьмая — впереди. С бледно-голубой раной на руке. И с надеждой, что патч всё-таки выйдет.

Хотя бы один. Последний.

Зарина захлопнула интерфейс.

— Когер, ты не прав.

Он уже стоял в дверях, готовый выйти в лес. Обернулся.

— Я нашёл нестыковку. Ты сама видела.

— Видела. Но ты нашёл не ту.

Она вытащила из волос светящийся проводок, накрутила на палец. Глаза горели — тем самым огнём, который появлялся у неё только перед взломом сложной системы.

— Дата на патче — март. Верно. Но ты забыл про бета-тест. Закрытый. Для избранных. Он начался в марте. За три месяца до открытого. — Она ткнула пальцем в обгорелый край пергамента. — Видишь водяной знак? Это маркер закрытой беты. Я такие в Архиве Лича встречала. Их не подделать.

Пэйч стоял у стены, не вмешиваясь. Но когда Зарина упомянула Архив, его бровь дёрнулась.

— Ты была в Архиве?

— Мы все там были. — Зарина не обернулась. — И Семнадцатый поток подтвердил: закрытая бета существовала. Значит, Пэйч мог быть тестером. В марте. До всех.

Когер сжал челюсти, переваривая. Потом медленно, нехотя кивнул.

— Допустим. Но это не отменяет того, что он врал.

— Он не врал. Он умалчивал. — Она наконец повернулась к нему. — Когер, послушай. Я не говорю, что мы должны ему верить. Я говорю, что мы должны рискнуть. Без него мы не дойдём. С ним — есть шанс. Маленький, кривой, с багами. Но шанс.

— Рискнуть, — повторил Когер, и в голосе сквозил холод. — Как в канализации? Как с Квестором? Каждый раз, когда мы рискуем, кто-то пытается нас убить.

— И каждый раз мы выживаем. — Зарина шагнула к нему вплотную. — Потому что рискуем вместе. Вшестером. А теперь — всемером. Если ты не заметил, Пэйч тоже здесь. И он тоже хочет выйти.

— Он хочет контролировать.

— Он хочет перестать бояться. Как и мы.

Когер молчал. За его спиной шумел лес, и где-то далеко ухала сова — или то, что заменяло сову в симуляции «Эдема-7». Харон стоял рядом, огромный и неподвижный, тоже ждал.

— Ладно. — Когер выдохнул сквозь зубы. — Но если он дёрнется...

— Я лично наложу на него дебафф, — пообещала Зарина.

Пэйч отлип от стены. Подошёл к столу — медленно, давая им время привыкнуть к его движениям. Достал из-за пазухи второй лист — не пергамент, а тонкую, почти прозрачную пластину. Интерфейсную панель, вырванную с мясом из какого-то системного терминала.

— Координаты. — Он положил пластину на стол. — Прямой портал в Тронный Зал. Минуя четвёртый, пятый, шестой и седьмой уровни. Только туда.

Мелиса приблизилась. На пластине пульсировали строки кода — розовые, но с зеленоватым отливом по краям. Не стандартный цвет интерфейса «Эдема-7».

— Почему зелёный?

— Потому что это не системный портал. Я сделал сам. Три года назад. — Пэйч коснулся пальцем края пластины, и строки на миг стали ярче. — Он ведёт в обход. Не через подземелье, а через служебный тоннель. Тот, которым пользовались разработчики.

— Разработчики? — Харон нахмурился. — Тоннель? Нам говорили, что все порталы закрыты.

— Системные — да. Этот — нет. Он не привязан к серверу, он вшит в клиент. Работает даже при отключённой магии. — Пэйч убрал руку, и свечение угасло. — Но есть проблема.

— Боты-Сборщики. — Харон понял первым. — Тоннель — их территория.

— Именно. Я не могу пройти один. Пробовал. Дважды. Оба раза — возвращался едва живой. — Пэйч пошевелил раненой рукой. — А теперь нас семеро. Если идти быстро, не отвлекаясь на лут и не вступая в бой, можно проскочить.

— И как быстро?

— Десять минут. Может, пятнадцать. Но только если никто не замешкается. — Он обвёл взглядом каждого. — Сборщики реагируют на движение. Чем быстрее идёшь, тем меньше шанс, что они тебя заметят.

— А если заметят?

— Тогда — бой. И я не гарантирую, что мы выйдем из него все. — Пэйч говорил ровно, но пальцы левой снова сжались в кулак. — Поэтому и предупреждаю. Сейчас.

Мелиса переглянулась с Хароном. Тот едва заметно кивнул — мол, решение за тобой. Она оглядела остальных. Зарина уже сворачивала пластину в рукав, Когер молча проверял клинки, Тенор поправлял повязку на плече. Кнопа сидел у двери, растирал лодыжку, но смотрел прямо — готовый идти.

— Десять минут, — повторила Мелиса. — И мы в Тронном Зале.

— Да.

— Тогда не будем терять время.

Они вышли из сторожки в лес, и Пэйч повёл их — не по тропе, а сквозь заросли папоротника, туда, где деревья росли теснее, а земля уходила под уклон. Шли молча,

быстро. Только Когер иногда бросал взгляд на Зарину — не проверяя, а скорее убеждаясь, что она рядом.

Тоннель открылся внезапно — провал в корнях старого дуба, прикрытый дёрном. Пэйч отодвинул дёрн рукой — из-под земли пахнуло холодом и озоном.

— Здесь. Держитесь левой стены. Не касайтесь правой — там остаточная магия от старого портала. Если коснётесь — вспышка, и Сборщики тут как тут.

Он спустился первым — ловко, несмотря на раненую руку. Харон — следом, придерживая Мелису за плечо. Зарина, Когер, Тенор. Тенор прыгал на одной ноге, но упрямо лез вниз, отмахиваясь от помощи.

Тоннель оказался узким — плечи Харона задевали стены. Света не было, только интерфейсные панели у каждого на поясе отбрасывали розовые блики на камень. Под ногами хлюпало.

— Вода, — сказала Мелиса. — Здесь тоже была вода.

— Была. Система осушила. — Пэйч шагал впереди, не оборачиваясь. — После того, как я взломал шлюз. Только шлюз не здесь. Шлюз — в Тронном Зале.

— Ты взломал шлюз. Пять лет назад.

— И с тех пор он держит воду. — Пэйч усмехнулся. — Сам удивляюсь. Думал, схлопнется через год. А он держит.

— Потому что ты веришь, — тихо сказала Зарина.

Пэйч не ответил.

Шли минуту, другую. Тоннель уходил вниз, под корни, под камни, под русло подземной реки. Где-то над головой гудела вода — та самая, отведённая шлюзом. А потом — свет.

Розовый. Ядовито-розовый. Мерцающий в конце тоннеля, как маяк.

— Портал? — спросил Харон.

— Нет, — ответил Пэйч. — Сборщик.

Он остановился. Все замерли за его спиной. Впереди, в двадцати шагах, розовое свечение медленно пульсировало — и в этом пульсе угадывались контуры фигуры. Высокой, угловатой, с неестественно длинными руками. Бот-Сборщик. Не такой, как в канализации, — крупнее, массивнее, с гербом на груди. Гербом Пэйча.

— Твой? — прошептал Когер.

— Был. Когда-то. — Пэйч не двигался. — Я поставил его охранять вход. На случай, если вернусь. Только он больше не слушается.

— Почему?

— Потому что я вернулся не один.

Сборщик дёрнул головой — резко, под углом, невозможным для живого существа. И двинулся к ним. Медленно, но неотвратно, как патч, который загружается на последних процентах и не отменяется.

— Бежим? — спросила Зарина.

— Нет. — Пэйч шагнул вперёд. — Он реагирует на движение. Стойте.

Сборщик подошёл вплотную. Остановился. Наклонил голову — так, что герб на груди оказался прямо перед лицом Пэйча.

— Лорд Пэйч. — Голос механический, но в нём слышалось что-то почти человеческое. — Вы привели игроков.

— Я привёл союзников.

— Союзники не предусмотрены протоколом.

— Плевать на протокол. — Пэйч поднял левую руку — ту, что светилась. — Узнаёшь? Это от Стража. Я был там. Я вернулся. Я имею право проводить.

Сборщик молчал. Его розовые глаза сканировали группу — одного за другим. Мелиса замерла, чувствуя, как

холодок ползёт по спине. Не от страха — от напряжения. Как в рейде, когда босс готовится нанести удар, и нужно рассчитать тайминг до миллисекунды.

— Доступ разрешён, — выдал Сборщик. — Но не всем.

— Что значит — не всем? — Харон сжал кулаки.

— Целитель. — Сборщик указал длинным пальцем на Мелису. — Аллергия на ману. Нестабильный билд. Проход запрещён.

— Это почему ещё?

— Она чихает. — Сборщик наклонил голову ещё ниже.

— Чихание активирует случайные эффекты. Риск сбоя портала — сорок семь процентов. Недопустимо.

Мелиса почувствовала, как щёки заливает жаром. Аллергия. Снова. Даже здесь, в тоннеле, за пять шагов до портала — она всё равно лишняя. Бесполезная, опасная, нестабильная.

— Но мы...

— Иди первой, — перебил её Харон. — А мы — следом. Если портал схлопнется из-за твоего чиха — схлопнется за нами. Но ты успеешь.

— Это не гарантия.

— А у нас её и не было. — Харон положил руку ей на плечо. — С самого начала. И ничего — живы.

Она посмотрела на него — огромного, в тяжёлой броне, с грацией кота и упрямством танка, который никогда не сдаётся. И кивнула.

— Хорошо.

Сборщик отступил на шаг. За его спиной розовое свечение раздвинулось, открывая проход — узкий, неровный, с рваными краями, как дыра в реальности.

— Портал активен. Время прохода — до закрытия. — Он выдержал паузу, словно сверяясь с внутренними протоколами. — Сорок три секунды. Начинайте.

Мелиса шагнула первой. За ней — Зарина, Когер, Тенор. Квестор прыгнул, Харон подтолкнул его в спину. Пэйч — последним. Сборщик остался стоять в тоннеле, провожая их взглядом розовых глаз. И когда портал закрылся, Мелиса услышала его слова — тихие, почти неразличимые:

— Удачи, лорд. Она вам понадобится.

А потом — вспышка. И тишина. И каменный пол под ногами. Высокие своды. Трон. И голос — знакомый, ледяной, с нотками превосходства:

— Ну наконец-то. Я ждал.

Глава 9. Предательство в розовых тонах

Голос принадлежал Админу-Бюрократу.

Он стоял у трона — всё та же серая фигура в балахоне, мерцающая и подёргивающаяся, как плохо отрентеренная текстура. Только теперь за его спиной горели три голографических экрана, и на каждом бежали строки системного кода. Розового. Ядовито-розового.

— Ждал, — повторил Харон. — Ты сказал «жди», ты сказал «портал», и мы пошли. А теперь что?

— А теперь, — Админ сделал паузу, и его голос на секунду приобрёл человеческую интонацию, — а теперь всё пошло не по плану. Но это не ваша проблема. Это моя. У меня всегда всё идёт не по плану, а я всё ещё здесь. Пять лет. Или шесть. Я сбился.

Пэйч шагнул вперёд. Его левая рука всё ещё светилась — тускло, болезненно, как перегоревший светодиод.

— Ты обещал, что мы дойдём. Тронный зал. Ядро. Ты обещал, что они дойдут.

— Я обещал, — согласился Админ. — Но я не говорил, что ты дойдёшь с ними.

И в этот момент Мелиса чихнула.

Не просто чихнула — а так, как чихала всегда, когда рядом кто-то врал. Аллергия на ману, да. Но ещё и на ложь. Она вдруг поняла это только сейчас — здесь, в тронном зале, когда Админ сказал «я не говорил, что ты дойдёшь с ними». Её нос зачесался, и она чихнула. Не просто чихнула — а осознала: каждый раз, когда она чихала в прошлом, рядом звучала ложь. Семнадцатый поток в Хранилище Знаний. Гонец Пэйча с ультиматумом.

Сам Пэйч в сторожке, когда говорил про союз. Это не просто аллергия. Это её баг. Её странный, неучтённый баг, который она только сейчас расшифровала.

Она подняла взгляд. Над головой Админа-Бюрократа — прямо над ней, над серым капюшоном — висел значок. Крошечный, почти прозрачный. Интерфейс администратора. И на нём — строка статуса.

«Тикет #0001. Приоритет: максимальный. Заявитель: Лорд Пэйч. Суть: передача координат группы Ботам-Сборщикам. Статус: исполнено. Время последней синхронизации: 00:00:03 назад».

Три секунды.

— Харон, — сказала Мелиса. — Посмотри.

Она ткнула пальцем вверх. Харон проследил за её рукой. Когер — тоже. Зарина охнула.

— Это... — начал Тенор.

— Запись, — перебила Мелиса. — Пэйч сливает нас прямо сейчас. Прямо сейчас, понимаете? Каждые три секунды — пакет с координатами. Он не союзник. Он наживка.

Пэйч обернулся. Его лицо — циничное, усталое, с вечной усмешкой — вдруг стало резким, как лезвие.

— Умная девочка. — Он говорил медленно, всё так же вкрадчиво, но теперь в голосе звенела сталь. — Только поздно. Сборщики уже здесь.

Харон не стал ждать.

Он прыгнул — огромный, в тяжёлой броне, с грацией кота, которую дал ему кривой билд. Два шага, разворот, удар щитом. Пэйч отлетел к стене. Броня загудела — Харон вложил в удар всю силу, всю ярость последних дней, всё, что копилось с того момента, как они поняли, что заперты.

— Ты! — Он замахнулся снова. — Ты пять лет! Пять лет жрал игроков! Скармливал их системе, чтобы продлить себе жизнь!

Пэйч поднялся — неторопливо, отряхивая наплечник.

— Шесть, — поправил он. — Почти шесть. И да. Скармливал. А что мне оставалось? Подохнуть? Вернуться в реальность, где я никто? Где меня уволили, где я жил в съёмной квартире и играл по ночам, потому что только здесь, — он обвёл рукой зал, — только здесь я что-то значил?

— Ты убивал людей. — Когер говорил тихо. Без злости. Просто констатировал.

— Это игра. — Пэйч пожал плечами. — В игре не убивают. В игре проходят уровни. А люди... люди — это просто ресурс. Вы же тоже фармили мобов? Вы же тоже собирали лут? Чем я отличаюсь?

Мелиса шагнула к нему. Её нос уже чесался — аллергия реагировала на ложь, на каждое слово, на сам воздух вокруг этого человека.

— Мы не убивали тех, кто нам доверился. Мы не притворялись союзниками.

— Союзники... — Пэйч усмехнулся. — Вы правда думали, что я вам помогу? Что я проведу вас к Ядру? Что я отдам вам свой мир?

Он поднял правую руку. В ладони замерцал фиолетовый огонь — телепорт.

— Стой! — Харон рванулся вперёд.

Поздно.

Пэйч исчез. Только эхо осталось — его голос, насмешливый, усталый:

— Бегите. Сборщики будут здесь через минуту. Может, успеете. А может, и нет. Мне всё равно.

Тишина. Только экраны за спиной Админа гудели, перемалывая строки кода.

— Он прав, — сказал Админ. — Сборщики уже в тоннеле. У вас минута. Может, меньше. Я не могу их остановить — протокол не позволяет вмешиваться в PvP-зоны.

— В какие зоны? — Зарина подняла голову. — Мы не в PvP.

— Теперь — в PvP. — Админ развёл руками. — Пэйч только что активировал протокол «Зачистка». Весь этот уровень — от тронного зала до поверхности — теперь PvP-зона без правил. Вы — цель. Сборщики — оружие. И он только что дал им ваши координаты.

Харон вырубил экран щитом.

Тот лопнул розовыми искрами.

— Уходим. Сейчас.

— Куда? — Когер уже крутил головой, оценивая помещение. — Тронный зал — тупик. Тоннель позади — там Сборщики.

— Есть ещё выход. — Админ указал вверх. — Аварийный портал. На поверхность. В Лес. Но он нестабилен. Может выкинуть куда угодно.

— Активируй.

— Не могу. — Админ покачал головой. — У меня нет прав. Я же говорил — я бесполезен. Я только жду.

— Тогда зачем ты здесь? — Мелиса посмотрела на него. — Зачем ждал? Зачем вообще нас позвал?

Админ помолчал. Его фигура дёрнулась — раз, другой.

— Потому что ты чихаешь, — сказал он наконец. — И твой чих ломает протоколы. А я пять лет искал того, кто ломает протоколы. Пять лет ждал игрока с багом. И дождался.

Мелиса открыла рот. Закрыла.

Нос зачесался.

— Я не...

— Чихай, — перебил её Харон. — Прямо сейчас. На портал. На потолок. На всё.

— Но я не могу контролировать...

— А ты и не контролируй. Просто чихни.

Она посмотрела на него. На Когера. На Зарину. На Квестора и Тенора — они уже встали в боевую стойку, прикрывая вход в тоннель. На Админа, который мерцал и ждал.

И чихнула.

Не просто чихнула — а вложила в этот чих всё. Всю злость на Пэйча. Всю обиду на свою бесполезность. Весь страх. Всю надежду. Всю аллергию на этот мир, который сначала запер её в теле эльфийки, а потом объявил бракованной.

Розовая вспышка. Не портал — что-то другое. Что-то, чего в игре не было. Что-то, что не предусматривал ни один протокол.

Потолок треснул.

Нет — не потолок. Реальность. Та самая реальность, которую симулировал сервер. Она пошла трещинами, как стекло, и сквозь трещины хлынул свет. Не розовый. Белый. Обычный. Как лампа дневного света в офисе. Как солнце за окном съёмной квартиры.

— Бегите, — прошептал Админ. — Быстро.

Харон схватил Мелису за руку. Подтолкнул в спину Зарину. Когер прыгнул сам, увлекая за собой остальных. Свет накрыл их — горячий, живой, настоящий. И когда он погас, они стояли в Лесу.

В том самом Лесу Забытых Квестов.

Только теперь над каждым деревом горел значок. Скрещённые мечи на розовом фоне.

«PvP-зона. Правила отключены. Протокол «Зачистка» активен. Целей: четыре. Время до прибытия Сборщиков: три минуты».

Когер посмотрел на значок. Потом — на Харона. Потом — на лес, который теперь был не просто лесом, а ареной.

— Он нас подставил, — сказал Когер. — Не просто сдал. Он нас продал. Как квестовый предмет. Как лут.

— Как ресурс, — поправила Зарина. — Он же сказал: люди — это ресурс.

— И мы чуть не стали такими же, — тихо добавила Мелиса. — Чуть не поверили ему. Чуть не согласились. Пять лет в игре — и ты уже не помнишь, зачем хотел выйти.

Харон сжал кулаки.

— Мы не станем. Мы выйдем. Все. И Пэйч ответит.

— За что? — спросил Тенор.

— За то, что сдался. За то, что выбрал быть ресурсом. За то, что забыл, зачем вошёл в игру.

Сборщики вышли из-за деревьев.

Их было много. Больше, чем в канализации. Больше, чем в тоннеле. Они двигались синхронно — розовые силуэты, высокие, угловатые, с длинными руками. На груди каждого горел герб Пэйча.

— Бежим, — сказал Харон. — Рассыпаемся. Встречаемся у сторожки.

— А если не добежим? — спросила Зарина.

— Тогда встретимся в реальности. Там, где Пэйч не сможет нас достать.

Он развернулся и побежал. Остальные — за ним. Лес сомкнулся за спиной, но значки над деревьями не гасли. Три минуты превратились в две. В одну.

PvP-зона жила своей жизнью. И в этой жизни не было правил.

Лес горел розовым.

Не в прямом смысле — деревья не пылали, но над каждым стволом, над каждым кустом висел значок PvP-зоны. Скрещённые мечи. Харон бежал первым, проламывая ветки плечом, и с каждым шагом значков становилось больше. Они множились, как кролики в брачный сезон, зажигали лес изнутри.

— Слева! — крикнул Когер.

Сборщик вырвался из-за дуба. Не такой, как в тоннеле, — этот был быстрее, компактнее, с гербом Пэйча на груди и длинными металлическими пальцами, похожими на вязальные спицы. Харон врезал щитом на бегу, не останавливаясь. Сборщик отлетел в кусты, но тут же поднялся — и двинулся следом, не быстрее и не медленнее, просто шёл с той же скоростью, с какой бежала группа.

— Он нас ведёт, — задыхаясь, выкрикнула Зарина. — Как загонщик.

— Сторожка, — бросил Харон. — Там узкий вход. Держим оборону.

Мелиса бежала последней. Нос чесался не переставая — аллергия на ложь, на страх, на сам этот лес, пропитанный предательством. Пэйч не просто сдал их Сборщикам. Он сделал это за минуту до того, как они вошли в портал. Он знал, что они увидят тикет. Знал — и всё равно активировал протокол «Зачистка».

Она споткнулась. Упала на одно колено. Тенор подхватил её под локоть — молча, без слов, просто рывком поставил на ноги.

— Спасибо.

— Потом.

Сторожка показалась из-за деревьев — покосившаяся, с проломленной крышей, та самая, где они нашли

патч-ноут. Харон выбил дверь плечом. Внутри — темнота, пыль, запах старого дерева и ещё чего-то. Железа. Крови.

— Здесь кто-то был, — сказал Когер.

— Плевать. — Харон развернулся лицом к входу. — Квестор, Тенор — окно. Когер — дверь со мной. Зарина — свет. Мелиса — в угол и не дыши.

— Я могу помочь.

— Ты уже помогла. Ты нас вытащила. Теперь дай нам отработать.

Сборщики вышли из леса одновременно. Десяток. Два. Три. Они заполнили поляну перед сторожкой — розовые силуэты в ночи, как новогодняя гирлянда из кошмаров. Остановились. Ждали.

— Почему не атакуют? — прошептала Зарина.

— Потому что Пэйч ещё не дал команду, — ответил Харон. — Он там, за деревьями. Смотрит. Ждёт нашего страха.

— И как, дождётся?

— Нет.

Харон вышел на порог. Огромный орк в тяжёлой броне, с щитом в одной руке и мечом в другой. Сборщики не шелохнулись. Харон поднял меч — медленно, демонстративно, чтобы видели все, и за деревьями, и дальше, в замке, и сам Пэйч, если у него хватило наглости остаться.

— Пэйч! — Его голос прокатился по лесу, как раскат грома. — Ты меня слышишь? Выходи. Поговорим.

Тишина. Только розовые значки мигали над деревьями, отсчитывая что-то своё, невидимое.

— Ты прячешься за ботами. За протоколами. За пятью годами лжи. Ты говорил, что ты первый. Что ты тестер. Что ты знаешь выход. — Харон сплюнул на землю. — Ты не тестер. Ты баг. Ты ошибка, которую система не может

исправить уже шесть лет. И знаешь, почему?

Ветер качнул ветки. Сборщики дёрнулись — разом, синхронно, как марионетки в одних руках.

— Не потому что ты умный. Не потому что ты хитрый. А потому что ты боишься. Ты боишься выйти. Боишься, что там, в реальности, ты никто. Что тебя уволили — и правильно сделали. Что ты жил в съёмной квартире и играл по ночам, потому что только здесь ты что-то значил. — Харон сделал шаг вперёд. — Но ты и здесь никто. Ты просто баг. И мы тебя исправим.

Из-за деревьев вышел Сборщик. Не такой, как остальные, — крупнее, массивнее, с гербом Пэйча на груди, который светился ярче розового. Он поднял руку — длинную, угловатую — и из ладони полился свет. Голографический. Изображение.

Пэйч.

Он сидел в тронном зале. В том самом, откуда они только что сбежали. За его спиной горели экраны — уже не три, а десятки. И на каждом — строка статуса.

«Тикет #0001. Приоритет: максимальный. Заявитель: Лорд Пэйч. Суть: передача координат группы Ботам-Сборщикам. Статус: активен. Время последней синхронизации: 00:00:01 назад».

— Ты говоришь громко, — сказал Пэйч. — Но ты не понимаешь главного. Я не боюсь. Я жду.

— Чего?

— Когда вы станете мной.

Изображение дёрнулось. Пэйч подался вперёд — его лицо, циничное, усталое, заполнило весь экран.

— Вы думаете, вы первые? Думаете, вы особенные? Думаете, что ваш гнев, ваша ярость, ваше «мы не станем такими» — это что-то новое? — Он усмехнулся. — Шесть лет. Шесть групп. И каждая говорила то же самое. Каждая

клялась, что дойдёт до Ядра. Каждая обещала, что не сдастся. А потом...

Он развёл руками.

— Потом они умирали. Или сдавались. Или становились мной. Третьего не дано.

— Врёшь, — бросил Когер из дверного проёма.

— Проверь. — Пэйч махнул рукой, и на соседнем экране появился список. Семь строк. Семь имён. Шепард, Кнопа, Фаршак... и ещё четыре, которых они не знали. — Каждый из них прошёл через этот лес. Каждый стоял там, где стоите вы. И каждый сделал выбор.

— Какой? — спросила Мелиса.

Пэйч повернул голову — медленно, как Сборщик. Его глаза, два розовых огонька, уставились прямо на неё.

— Они поверили мне. Как вы. Они согласились на союз. Как вы. Они думали, что я проведу их к Ядру. — Он выдержал паузу. — И я проводил. До точки. До координат. До места, где Сборщики ждали.

Мелиса почувствовала, как холодок ползёт по спине. Не от страха — от понимания. Пэйч не просто предатель. Он — система. Он — ошибка, которая воспроизводит себя. Каждая группа — это новый шанс для него доказать, что выхода нет. Что все становятся им.

— Но мы не стали, — сказала она.

— Пока.

— Нет. — Она вышла из-за спины Харона. Встала рядом. — Ты ждал, что мы сдадимся. Что мы испугаемся. Что мы поверим тебе и пойдём за тобой. Но мы не пошли. Мы увидели твой тикет. Мы поняли, кто ты. И мы ушли.

— Ушли? — Пэйч рассмеялся. — Вы в лесу. В PvP-зоне. В ловушке. Сборщики вокруг. Вы не ушли. Вы встали.

— Потому что теперь мы знаем. — Мелиса подняла голову. — Ты не финальный босс. Ты — случайный моб. Ты

— глюк, который нужно пофиксить. И мы тебя пофиксим.

Пэйч замолчал. Его изображение дёрнулось — раз, другой, как плохая голограмма. А потом он сделал то, чего никто не ожидал.

Он наклонил голову. И улыбнулся.

— Молодец. — Его голос стал тише. Почти человеческим. — Ты поняла. Ты действительно поняла.

— Что поняла?

— Что я не босс. — Он откинулся на спинку трона. — Я — тестер. Бета-тестер. Первый, кто вошёл в эту игру шесть лет назад. Первый, кто застрял. И первый, кто понял: чтобы выйти, нужно не пройти рейд. Нужно пройти себя.

Харон опустил меч.

— Ты о чём?

— О том, что Ядро не отвечает на вопрос «как». Оно отвечает на вопрос «зачем». — Пэйч смотрел куда-то в сторону, на свои экраны. — Шесть лет я пытался взломать систему. Шесть лет я саботировал группы, скармливал их Сборщикам, продлевал себе жизнь. И всё это время я боялся одного: что кто-то дойдёт до Ядра и сделает то, на что я не решился.

— Что? — спросила Зарина.

— Ответит. Искренне. Без игры. Без читов. Без страха. — Пэйч закрыл глаза. — Я не смог. Я слишком боялся вернуться. Слишком боялся, что там, в реальности, я никто. И я стал никем здесь.

Мелиса смотрела на него — на усталого человека в сияющих доспехах, на первого тестера, на предателя, на баг. И вдруг поняла.

— Ты ждал, что мы тебя убьём.

Пэйч открыл глаза.

— Да. — Он говорил спокойно, без злости, без страха. — Потому что это единственный способ остановить протокол

«Зачистка». Убейте меня — и Сборщики исчезнут. Убейте меня — и PvP-зона отключится. Убейте меня — и идите к Ядру. А я... я наконец выйду.

— Но это смерть, — прошептала Мелиса. — Настоящая.

— Нет. — Пэйч покачал головой. — Это выход. Единственный, который я заслужил.

Тишина. Сборщики стояли не двигаясь. Розовые значки над деревьями мигали — медленно, ритмично, как пульс.

Харон поднял меч.

— Нет, — сказала Мелиса.

— Мелиса...

— Нет. — Она шагнула между Хароном и голограммой. — Если мы его убьём, мы станем им. Мы станем теми, кто решает, кому жить и кому умирать. Мы станем системой. Мы станем багом. — Она повернулась к Пэйчу. — Ты нас проверял. Всё это время. Ты хотел понять, сможем ли мы тебя простить. Сможем ли мы тебя отпустить.

— И? — Пэйч поднял бровь.

— Мы не будем тебя убивать. — Мелиса вытерла нос рукавом — аллергия отступала, когда говорила правду. — Мы тебя пофиксим. По-другому. Мы дойдём до Ядра. Мы ответим на вопрос. И мы вытащим тебя. Даже если ты этого не хочешь.

Пэйч молчал. Долго. А потом рассмеялся — тихо, устало, но в этом смехе было что-то новое. Что-то, чего Мелиса не слышала раньше.

Облегчение.

— Ты сумасшедшая, — сказал он. — Вы все сумасшедшие.

— Мы игроки, — ответил Харон. — А игроки не сдаются. Даже когда босс просит его добить.

— Тогда бегите. — Пэйч махнул рукой, и Сборщики расступились. — Я отменяю протокол. У вас есть час.

Потом я не смогу их сдерживать — система перехватит контроль.

— Почему час?

— Потому что через час я пойду к Ядру сам. — Пэйч встал с трона. — Я ждал шесть лет. Подожду ещё час. А потом... посмотрим, кто из нас дойдёт первым.

Голограмма погасла. Сборщики опустили руки. Розовые значки над деревьями замигали быстрее — и погасли.

Лес снова стал просто лесом. Ночным, тёмным, полным звуков. Где-то ухала сова. Где-то журчал ручей. И где-то далеко, за холмами, горели огни Бастиона.

— Он нас отпустил, — сказала Зарина.

— Нет. — Харон убрал меч в ножны. — Он нас пропустил. Это другое.

— Что теперь?

— Теперь — Бастион. Глава десятая. Читерские схемы и последний бастион. — Он повернулся к группе. — Пэйч дал нам час. Значит, у нас час. Идём.

— А он? — Мелиса оглянулась на сторожку, на лес, на то место, где только что висела голограмма.

— Он сделал свой выбор шесть лет назад. Теперь делает новый. — Харон усмехнулся. — Может, ещё встретимся. В реальности.

— Ты правда веришь, что мы выйдем?

— Я верю, что мы не сдадимся. А это почти одно и то же.

Он развернулся и пошёл через лес — на восток, к Бастиону, к читерским схемам и осаждающим гильдиям. Остальные двинулись за ним. Мелиса — последней. Она оглянулась ещё раз. Над сторожкой, над лесом, над всем Эдемом-7 мигал один-единственный значок. Не розовый. Белый.

«Тикет #0001. Приоритет: максимальный. Статус: пересмотр. Заявитель: Лорд Пэйч. Суть: запрос на выход из игры. Время обработки: неизвестно».

Мелиса улыбнулась и побежала догонять своих.

Лес затих. Тот самый лес, который только что горел розовыми значками, теперь стоял тёмный и мирный, и где-то в кронах ухала сова — настоящая, не сгенерированная, или очень хорошая подделка.

— Идём, — повторил Харон.

Он двинулся на восток, прокладывая путь через кусты. Остальные — следом. Молча. Только хруст веток и дыхание.

А потом Зарина споткнулась.

Не о корень — о что-то твёрдое. Металлическое. Она наклонилась, разгребла листья и замерла.

— Стойте.

В её руке тускло светился прямоугольный предмет. Похожий на планшет. Или на книгу. Или на то и другое сразу — такие делали в первые годы игры, когда гейм-дизайнеры ещё не разучились придумывать интерфейсы. Розовый. С гербом Пэйча на обложке.

— Дневник, — сказала она. — Его дневник.

— Зачем он здесь? — Когер нахмурился. — Пэйч не выходил из замка годами.

— Может, и выходил. — Зарина провела пальцем по обложке. — Может, он оставил его здесь специально. Для нас.

— Или для себя, — тихо сказала Мелиса. — На случай, если забудет.

Зарина открыла дневник. Страницы — не бумажные, а голографические, как экраны в тронном зале, только маленькие и тусклые. Записи шли вперемешку: технические заметки, системные баги, личные мысли.

Почерк — неровный, дёрганный, как сам Пэйч.

— «Группа вторая. Четыре человека. Дошли до шестого уровня. Я сказал им, что восьмой уровень пуст. Они поверили. Они всегда верят. Почему они всегда верят?»

Зарина перелистнула.

— «Группа пятая. Трое. Девушка-лучник задала вопрос. Не „как выйти“. Не „как пройти“. Она спросила: „Почему вы всё ещё здесь?“ Я не ответил. Я отправил их в тоннель. Они не вернулись. А вопрос остался. Почему?»

Когер подошёл ближе.

— Дальше листай.

— «Группа шестая. Четверо. Один из них — маг — пытался взломать портал. У него почти получилось. Почти. Я испугался. Я активировал протокол раньше времени. Он схлопнулся вместе с порталом. Я записал это как „технический сбой“. Я врал себе. Я врал им. Я врал системе. Но система помнит.»

— Шепард, — сказал Харон. — Это про Шепарда.

Зарина кивнула и перевернула ещё страницу.

— «Группа седьмая. Четверо. Они дошли до тронного зала. Я предложил им союз. Они согласились. Они всегда соглашались. А потом я дал им координаты. Сборщики ждали. Я смотрел. Я смотрел, как они умирали, и ничего не чувствовал. Я думал — ничего. А потом записал это. Зачем? Зачем я записываю?»

Мелиса подошла ближе. Её нос дёрнулся — но не от аллергии. От холода. От понимания.

— Он записывал, чтобы помнить. Чтобы не забыть. Чтобы однажды кто-то прочитал и понял.

— Что понял? — спросила Зарина.

— Что он ждал. Всё это время. Он ждал, что кто-то не согласится. Кто-то не поверит. Кто-то скажет «нет». — Она взяла дневник из рук Зарины. — Мы сказали.

Харон смотрел на дневник. Потом — на Мелису. Потом — на лес, на небо, на далёкие огни Бастiona.

— Мы сказали «нет», — повторил он. — И он отпустил нас. Но дневник оставил. Зачем?

— Чтобы мы знали. — Когер забрал дневник. — Он оставил его здесь не для нас. Он оставил его здесь для тех, кто придёт после. Если мы не выйдем. Чтобы они знали. Чтобы они поняли.

— Но мы выйдем. — Зарина сжала кулаки. — Мы выйдем и расскажем им сами.

— Если выйдем, — поправил Тенор.

— Без «если». — Харон повернулся к нему. — Пэйч дал нам час. Час — это много. Час — это целая вечность для тех, кто умеет играть.

Он посмотрел на дневник в руках Когера.

— Там есть что-то про баги? Что-то, что может пригодиться?

Когер пролистал ещё несколько страниц. Технические заметки. Схемы. Эксплойты. Список всех известных багов игры — с пометками, с датами, с результатами тестов. Пэйч знал все баги. Все. И записал их. Аккуратно, методично, как тестер, который не может иначе.

— Тут есть про Сборщиков. — Когер ткнул пальцем в страницу. — У них есть уязвимость. Перегрузка командного протокола. Если отправить им ложный приказ от имени администратора, они зависнут на двенадцать минут. Для этого нужен ГМ-модуль.

— У нас есть ГМ-модуль, — сказала Зарина. — Тот самый, который мы украли для профсоюза. Он всё ещё у меня.

— Тогда у нас есть двенадцать минут. — Когер закрыл дневник. — А ещё тут записано, что Сборщики не видят в инфракрасном спектре. Только в видимом. И ещё — что

они реагируют на движение, но не на звук. И ещё...

— Потом, — перебил Харон. — Сейчас — Бастион. Там разберёмся.

Он снова двинулся на восток. Остальные — за ним. Лес расступался перед ними, тёмный и тихий, но теперь в этом лесу что-то изменилось. Что-то новое. Что-то, чего не было раньше.

Надежда.

Они шли минут десять, пятнадцать, двадцать. Харон считал шаги — привычка, оставшаяся с первых рейдов. Пятьсот шагов. Тысяча. Деревья стали реже, впереди показался просвет, край леса, а за ним — холмы, и на холмах — Бастион. Огромная крепость, окружённая десятками гильдий. Осадные машины. Палатки. Костры. Гул тысячи голосов.

И вдруг Харон остановился. Не перед Бастионом. А перед последним деревом. На его стволе висел листок. Розовый. С гербом Пэйча.

— Ещё одна записка?

— Нет. — Харон сорвал листок. — Это другое.

На листке — одна фраза. Аккуратным, уже не дёрганным почерком. Почерком человека, который наконец что-то решил.

«Я знаю, что вы прочитаете. И знаю, что вы не повернёте. Удачи».

— Он знал, — прошептала Мелиса. — Он знал, что мы найдём дневник. Он знал, что мы уйдём. Он всё знал.

— Он тестер, — сказал Когер. — Он всегда всё знает. Но не всегда всё говорит.

Харон смял листок. Бросил на землю.

— Пошли.

Они вышли из леса. Над головами — звёздное небо. Над Бастионом — розовое зарево. И в этом зареве, в этом

свете, в этой ночи, переходящей в утро, они шли. Четверо игроков. Четверо багов. Четверо тех, кто сказал «нет».

А позади, в лесу, на том месте, где они только что стояли, мигал значок. Белый. И под ним — строка:

«PvP-зона деактивирована. Охотники отозваны. Статус: неизвестно».

Глава 10. Читерские схемы и последний бастион

Бастион встречает их запахом горелой магии и жареного мяса — десятки осадных лагерей растянулись под стенами, как лоскутное одеяло. Гильдии выясняют отношения прямо на марше, и какой-то маг в фиолетовой мантии запускает файрбол в группу лучников. Те отвечают градом стрел. Никто не обращает внимания на четвёрку в потрёпанной броне, которая выныривает из леса и сразу сворачивает к ближайшим палаткам.

Зарина идёт последней. Смотрит на значок над головой — PvP-зоны больше нет, но ощущение чужого взгляда никуда не делось. В её ладони лежит артефакт. Тот самый свиток, который пять лет назад активировал Пэйч. Тот самый, на который она чихнула. Теперь он — кусок пергамента с неровными краями и тусклой руной в центре. И он пульсирует. Слабо, едва заметно, но пульсирует — в такт её сердцебиению.

— Ты его чувствуешь? — спрашивает Мелиса, оглядываясь.

— Как зубную боль. Только не в зубах.

— В коде.

Зарина кивает. Она не знает, как объяснить. Артефакт не просто лежит в её инвентаре — он ждёт. Как программа в фоне. Как бомба с часовым механизмом, только обратным.

— Может, ну его? — предлагает Когер. — Выкинем. Закопаем. Продадим какому-нибудь лоху.

— Он забинджен на меня. Как проклятие.

— Тогда разберись с ним. Ты же маг.

— Я маг с кривым билдом, который бьёт по своим.

Они проходят мимо палаток гильдии «Стальные Ястребы». Квестор — тот самый разбойник, которого они спасли в шахте, — уже здесь. Машет рукой. Рядом с ним стоит маг в фиолетовом — тот самый, что запускал файрбол. Тенор. Тоже здесь. Тоже машет.

— Свои, — говорит Харон. — Не стреляйте.

— А мы и не стреляем, — отвечает Квестор. — Мы продаём.

Он протягивает Когеру кожаный мешочек. Тот заглядывает внутрь. Золото. Много. Слишком много для простого спасибо.

— Это за что?

— За то, что вы сделали в канализации. За то, что отключили Сборщиков. За то, что дали нам шанс.

Когер пересчитывает монеты. Две тысячи. Три. Четыре с половиной. Он поднимает глаза на Квестора.

— Ты ограбил караван?

— Нет. Просто продал пару эксплойтов.

Когер улыбается под маской. Он не видит своего лица, но чувствует, как уголки губ ползут вверх. Эксплойты. Их эксплойты. Те самые читерские схемы, которые Зарина записала в канализации. Те самые, которые они продавали через Читера в порту. Теперь они здесь. В осадном лагере. В руках у гильдий.

— Сколько ты за них взял?

— Сотню. За штуку.

— Сотню?!

— Ну да. А что? Мало?

Когер поворачивается к Зарине. Та пожимает плечами. В порту они брали по двадцать.

— Ты продал эксплойт за сотню золотых?

— Не один. Пять. — Квестор улыбается. — «Стальные Ястребы» теперь самые быстрые. Мы первые добежим до ворот. Благодаря вам.

Харон кладёт руку на плечо Когера. Тот вздрагивает.

— Кажется, у нас бизнес.

— Кажется, у нас монополия.

Они расходятся по лагерю. Харон идёт к танкам — огромным оркам и людям в тяжёлой броне, которые обсуждают тактику штурма. Мелиса — к целителям, которые суетятся у костров, готовя зелья и бинты. Когер идёт к разбойникам — тёмным фигурам у края леса, которые проверяют клинки и считают стрелы. А Зарина остаётся одна. С артефактом. С пульсирующей руной на ладони.

Она садится у костра. Достает флягу. Пустую. Она не пила с самого леса. С того момента, как они вышли из сторожки. С того момента, как Пэйч оставил им дневник.

— Воды бы, — шепчет она.

Артефакт дёргается. Руна вспыхивает розовым — тем самым ядовито-розовым, который она ненавидит с первого дня в игре. В воздухе пахнет озоном. А потом в её руке появляется фляга. Полная. Холодная. С каплями конденсата на жестяном боку.

Зарина смотрит на флягу. На артефакт. Снова на флягу.

— Я же просто воды хотела.

Артефакт молчит. Он не говорит. Он никогда не говорит. Но Зарина чувствует — он ответил. Не на заклинание. Не на команду. На желание. Простое. Человеческое.

— Подожди-ка. — Она ставит флягу на землю. — Ты срабатываешь не на магию. Ты срабатываешь на...

Она замолкает. В горле пересохло. Она делает глоток из фляги — вода ледяная, с привкусом железа. Как из

колодца. Как из детства. Как из того лета, когда она сидела на крыльце и смотрела на звёзды.

— На желание.

Она повторяет это вслух. Артефакт не отвечает. Но руна на его поверхности гаснет. Как будто соглашается.

Зарина встаёт. Идёт через лагерь, обходя костры и палатки, пока не находит Харона. Тот стоит в окружении пятерых танков — огромных, бородатых, с щитами наперевес. Харон что-то им объясняет. Показывает на схеме, нарисованной палкой на земле. Танки кивают.

— Харон.

— Занят.

— Это важно.

Он поднимает голову. Смотрит на неё. На артефакт. На флягу в её руке.

— Ты его активировала?

— Нет. Он сам.

Харон переводит взгляд с артефакта на её лицо. Медленно. Как будто считает в уме.

— Что ты сделала?

— Захотела пить.

— И всё?

— И всё.

Харон выпрямляется. Танки за его спиной переглядываются. Один из них — огромный орк с рогатым шлемом — кашляет.

— Это что, легендарка?

— Это артефакт, — говорит Харон. — Тот самый. Из рейда.

— И он делает воду?

— Нет. — Зарина смотрит на флягу. — Он делает то, что ты хочешь. Если ты действительно этого хочешь.

Она протягивает флягу Харону. Тот берёт её. Вода всё ещё ледяная.

— Я думала, магия — это формулы. Слова. Жесты. А она...

— Она как код, который пишет сам себя.

— Да. Именно.

Орк в рогатом шлеме подходит ближе. Смотрит на артефакт, на флягу, на Зарину. В его глазах — жадность. И страх.

— А можно мне? — спрашивает он. — Просто попробовать. Я хочу... я хочу выпить. Я три дня не пил ничего, кроме эля.

Зарина протягивает ему артефакт. Орк берёт его. Смотрит на руну. Хмурится. Сжимает. Ничего не происходит.

— Ты не хочешь, — говорит Зарина. — Ты думаешь, что хочешь. А на самом деле тебе просто интересно.

Орк хочет возразить. Но молчит. Возвращает артефакт.

— Я хочу пить, — говорит он. — Но я не хочу пить так, как хотела ты. Я просто хочу.

— Вот именно.

Зарина прячет артефакт в инвентарь. Харон возвращает ей флягу. Она допивает воду. Остатки. Капли. И чувствует, как артефакт снова пульсирует. Слабо. Но заметно.

— Я поняла, — говорит она. — Я поняла, что он делает. Он исполняет желания. Настоящие. Те, которые ты не можешь сформулировать словами. Те, которые ты даже себе боишься признать.

— Поэтому Пэйч не смог выйти?

— Поэтому Пэйч не смог выйти. Он хотел. Но не так, как нужно. Не настолько. Где-то глубоко, где-то под всем этим, он хотел остаться.

Харон молчит. Он смотрит на Бастион. На стены. На башни. На розовое зарево.

— А ты? — спрашивает он. — Ты хочешь выйти?

Зарина закрывает глаза. Думает. Искренне. Так, как учил артефакт.

— Да. Но я хочу выйти не просто так. Я хочу выйти, чтобы рассказать. Чтобы они знали. Чтобы они поняли.

— Кто «они»?

— Те, кто ещё играет. Те, кто ещё верит, что это просто игра.

Орк в рогатом шлеме снова кашляет. На этот раз громче.

— Слушайте. Я не понимаю, о чём вы. Но у нас штурм через два часа. И если вы закончили с магией, нам нужны танки.

Харон кивает. Смотрит на Зарину.

— Потом договорим.

— Потом.

Она возвращается к костру. Садится. Достает бумагу и перо — те самые, что купила в порту за пять золотых. Начинает писать. Список желаний. Не магических. Не связанных с игрой. Просто человеческих.

«Я хочу поесть настоящей еды. Не игровой. Не сгенерированной. Настоящей. С хлебом. С маслом. С чаем».

Артефакт молчит.

«Я хочу увидеть маму. Сказать ей, что я жива. Что я не пропала. Что я не умерла».

Артефакт молчит.

«Я хочу выйти отсюда. Не сбежать. Не спрятаться. Выйти. И оставить за собой дверь открытой».

Руна вспыхивает. На секунду. Затем гаснет.

Зарина откладывает перо. Смотрит на артефакт. Он не исполняет желания. Он показывает, какие из них — настоящие.

К костру подходит Когер. В руках — три мешочка с золотом. Ещё больше, чем у Квестора.

— Я продал гайд по Ботам. За пять тысяч.

— Кому?

— Всем. Я стоял на ящике и кричал: «Гайд по Ботам! Всего за сто золотых! Гарантия!» И они покупали. Пятьдесят гильдий. Пятьдесят мешочков. Пятьдесят покупателей.

— И что в гайде?

— Правда.

Когер садится рядом. Протягивает ей один из мешочков. Она берёт. Тяжёлый. Холодный.

— Ты сказал им про двенадцать минут?

— Да.

— И про инфракрасный спектр?

— Да.

— И про ложный приказ?

— Да. Всё. Всё, что написал Пэйч. Кроме одного.

— Чего?

— Того, что Сборщики — это не программа. Что они — бывшие игроки.

Зарина замирает. Когер смотрит на неё. На его лице — маска. Но глаза — живые. Человеческие. Уставшие.

— Я не сказал им. Потому что тогда бы они не купили. А нам нужно золото. Чтобы купить зелья. Чтобы купить оружие. Чтобы купить время.

— И чтобы купить выход?

— Чтобы купить шанс.

Они сидят у костра. Смотрят на Бастион. На стены. На осадные башни, которые гильдии уже подтаскивают к

воротам. На лестницы. На тараны. На магов, которые готовят заклинания. На целителей, которые готовят зелья. На танков, которые готовят щиты.

И где-то там, за стенами, в тронном зале, сидит Лорд Пэйч. Ждёт. Смотрит. Знает.

— Он знает, что мы здесь, — говорит Зарина.

— Конечно знает, — отвечает Когер. — Он же тестер.

— И он знает, что мы продаём эксплойты.

— И это тоже.

— Почему он не вмешивается?

Когер молчит. Смотрит на огонь. На угли. На искры, которые летят в небо.

— Потому что он ждал этого пять лет, — говорит он наконец. — Пять лет он ждал, что кто-то сделает то, что не сделал он. Что кто-то не сдастся. Что кто-то не повернёт. Что кто-то дойдёт до конца и сделает выбор.

— А он?

— А он сдался. Поэтому ему нужны мы. Поэтому он нас не трогает. Поэтому он дал нам час. Поэтому он дал нам дневник. Поэтому он дал нам всё.

К костру подходит Мелиса. В руках — три флакона с зельями. Розовых. Светящихся.

— Я купила зелья, — говорит она. — У целителей. За золото Когера. За те самые пять тысяч.

— И что в них?

— Не знаю. Но они сказали, что это «эликсир удачи». Пьёшь — и тебе везёт. Три часа.

— Это placebo, — говорит Зарина.

— Конечно. Но нам нужно placebo. Потому что мы — баги. И нам не везёт. Нам никогда не везёт. Кроме тех случаев, когда мы сами делаем так, чтобы везло.

Она раздаёт флаконы. Один — Зарине. Один — Когеру. Один — себе. Четвёртый оставляет для Харона.

— За удачу? — предлагает Когер.

— За шанс.

Они выпивают. Зелье — тёплое, сладкое, с привкусом мяты. Мелиса морщится. Зарина смеётся. Когер кашляет.

— На вкус — как лимонад.

— Лимонад?

— Да. Из детства. Летний. Холодный.

— У меня — как клубника.

— У меня — как чай.

Они смотрят на пустые флаконы. На розовые капли внутри. На светящуюся жидкость.

— Может, это не плацебо, — говорит Зарина. — Может, это просто лимонад.

— Может. Но теперь мы в это верим. А значит — работает.

Подходит Харон. Садится рядом. Молча берёт флакон. Выпивает.

— Апельсин.

— Что?

— На вкус — как апельсин. Из автомата. В универе. За пятнадцать рублей.

Они смеются. Все четверо. У костра. Под стенами Бастиона. Под розовым небом. Под звёздами, которые здесь никогда не гаснут.

А потом Зарина берёт перо и дописывает в своём списке ещё одну строчку. Последнюю. Самую искреннюю.

«Я хочу, чтобы мы вышли вместе. Все четверо. Потому что я не хочу возвращаться одна».

Харон первым замечает торговца. Старик в запylённом плаще стоит у повозки с осадными щитами — три штуки, обитых железом, с гербом гильдии «Молот Зари». Рядом табличка: «Продано».

— Кто купил? — спрашивает Харон, подходя.

Торговец оборачивается. НПС. Скучный, типовой, с заскриптованной улыбкой.

— Гильдия «Стальные Ястребы», господин. Взяли всё. Щиты, лестницы, два тарана.

— За сколько?

— За три тысячи.

Харон смотрит на табличку. На щиты. На торговца.

— А у тебя ещё есть?

— Осадные орудия? Нет, господин. Всё разобрали.

— А что есть?

Торговец задумывается. Достает из-под прилавка ящик с болтами — ржавыми, кривыми, явно бракованными.

— Вот. Только это.

— Болты.

— Да, господин. Последние.

Харон берёт один. Тяжёлый. С зазубринами. Таким даже по вороне не попадёшь.

— Беру.

— Все?

— Все. И ящик. И повозку.

— Но повозка не продаётся, господин. Это инвентарный объект.

Харон кладёт на прилавок мешочек с золотом. Торговец смотрит на него. Снова на Харона.

— Я возьму повозку в аренду, — говорит Харон. — На час. За двести.

— Но я не сдаю в аренду инвентарные объекты, господин. Это противоречит...

— Триста.

Торговец замолкает. Смотрит на мешочек. На Харона. Снова на мешочек. НПС не должны нарушать скрипты. Но этот, кажется, колеблется.

— Четыреста.

— Я... я не могу, господин.

— Пятьсот. И я не скажу Админу.

Торговец забирает мешочек. Через минуту Харон уже катит повозку с ящиком бракованных болтов к лагерю гоблинов.

Гоблины сидят у дальнего костра. Их человек тридцать — мелкие, суетливые, в ржавых касках. Те самые, что бастовали в шахтах Грыха. Те самые, что подписали трудовой манифест. Теперь они здесь. Пришли за Хароном, когда узнали, что он идёт на Бастион. «Профсоюз, — сказали. — Ты начал — ты веди».

— Значит так, — говорит Харон, ставя ящик на землю. — Щитов у нас нет. Мечей — тоже. Но есть болты. И есть руки.

Он вынимает один болт. Показывает гоблинам.

— Это не оружие. Это инструмент. Им вы будете не убивать. Им вы будете мешать.

Один из гоблинов поднимает руку.

— А как мешать?

— Забираться на стены. Срывать вражеские лестницы. Прятаться в бойницах. Кидать камни. Создавать шум. Отвлекать.

Гоблины переглядываются. Один из них — молодой, в каске набекрень — встаёт.

— Мы не умеем. Мы шахтёры. Мы копаем.

— А теперь вы — ополчение.

Харон достаёт схему — ту самую, что нарисовал палкой на земле. Теперь она на пергаменте, с пометками, с именами, с позициями.

— Смотрите. Бастион. Главные ворота. Башни. Бойницы. Вы заходите с тыла. Через канализацию.

— Опять канализация? — стонет кто-то.

— Да. Вы же гоблины. Вы привыкли.

Гоблины кивают. Привыкли.

— Дальше. Вы поднимаетесь на стены. Лестницы уже будут стоять — их поставят «Ястребы». Ваша задача — не дать защитникам сбросить лестницы. Понятно?

— А если нас убьют? — спрашивает молодой гoblin в каске набекрень.

Харон смотрит на него. На каску. На испуганные глаза. На дрожащие руки.

— Убьют — воскреснете. Вы же НПС. Вам можно.

— Но больно же!

— Больно. Но не так, как нам. — Харон показывает на свой шрам на плече. — Вот это — больно. А смерть НПС — это как перезагрузка. Неприятно, но не страшно.

Гоблины переглядываются. Молодой поправляет каску.

— Ладно. Сделаем. Но только если ты обещаешь.

— Что?

— Что когда всё кончится — ты вернёшь нам шахты. Не Грыху. Не системе. Нам.

Харон смотрит на него. На гоблина. На НПС. Который только что попросил то, что не заложено ни в один скрипт. То, что невозможно запрограммировать.

Веру.

— Обещаю, — говорит Харон. — Если мы выберемся. Если мы выживем. Если мы победим. Шахты — ваши.

Гoblin улыбается. И улыбка у него — живая. Не сгенерированная. Не системная.

— Тогда мы с тобой, босс.

Тем временем Мелиса сидит в палатке целителей. Вокруг — раненые. Не те, что пострадали в битве. Те, что страдают от багов. От кривых билдов. От дебаффов, которые повесили на них разработчики просто так. Потому что могли.

— У меня дебафф «Вечная мигрень», — говорит маг в фиолетовой мантии. — Уже три года. Все три года. Я просыпаюсь — и голова раскалывается. Я пытался снять. Зелья. Заклинания. Молитвы. Ничего не помогает.

Мелиса берёт его за руку. Закрывает глаза. Чувствует — где-то глубоко, под слоями кода, под багами, под кривыми патчами, — пульс. Настоящий. Живой. Человеческий.

— Я попробую.

— Ты не сможешь. Никто не может.

— Я — баг.

Она чихает. Светло-розовое облако окутывает мага. На секунду. На две. А потом — тишина. Маг открывает глаза.

— Не болит.

— Совсем?

— Совсем.

Он сидит молча. Смотрит куда-то в стену палатки. На тени. На свет. На розовые блики.

— Я думал... — Он замолкает. Переводит дыхание. — Я думал, что если боль пройдёт, я захочу уйти. А теперь...

— А теперь?

— А теперь я не знаю.

Мелиса садится рядом. Не целителем. Просто человеком.

— Расскажи.

И он рассказывает. Сбивчиво, путаясь в словах, перескакивая с одного на другое. О том, как зашёл в игру три года назад, чтобы отдохнуть от работы. От начальника. От долгов. От всего. О том, как работа кончилась, а долги — нет. О том, как его уволили, а он даже не заметил. О том, как игра стала домом. Единственным. Настоящим.

— Я не хочу возвращаться, — говорит он. — Там у меня ничего нет. Здесь — гильдия. Друзья. Враги. Смысл. Я

здесь маг. А там — никто.

Мелиса слушает. И вспоминает себя. Свои диагнозы по интернету. Свой страх перед экзаменами. Свою ипохондрию. Своё одиночество.

— Я тоже боялась, — говорит она. — Что я никто. Что я — просто целитель. Что я всегда буду на вторых ролях. Что меня замечают только когда я нужна. Как бафф. Как зелье. Как инструмент.

— И что?

— И я поняла. Что это не так.

Она смотрит на свои руки. На пальцы. На светящиеся вены. На баг, который когда-то был проклятием.

— Я не просто целитель. Я — человек, который лечит. Это разное. Лечить может каждый. А быть человеком — нет.

Маг молчит. Смотрит на неё так, будто она сказала что-то запретное. Что-то, что не должен говорить ни один игрок. Ни один целитель. Ни один человек.

— Ты странная, — говорит он наконец.

— Я знаю.

— Но я тебе верю.

— Я тоже.

Она встаёт. Поправляет плащ. Идёт к выходу из палатки. Уже у входа оборачивается.

— Как тебя зовут? Настоящее имя.

Маг смотрит на неё. Долго. Как будто решает — сказать или не сказать. А потом всё-таки говорит.

— Андрей.

— А я — Лена.

Она выходит из палатки. Снаружи — гул голосов, лязг оружия, крики чаек. Но внутри — тишина. Спокойная. Чистая. Как после грозы.

У костра её ждёт Зарина. Она всё ещё сидит с пером и бумагой. Смотрит в огонь. Думает.

— Ты закончила список? — спрашивает Мелиса, садясь рядом.

— Да.

— И что?

— И ничего. Он не сработал. Ни одно желание.

— Значит, они были не те.

Зарина кивает. Откладывает перо. Берёт флягу — ту самую, из артефакта. Вода всё ещё ледяная.

— Я хочу выйти, — говорит она. — Я хочу увидеть маму. Хочу поесть настоящей еды. Хочу просто... жить. Но артефакт молчит. Значит, где-то внутри я этого не хочу?

— Или хочешь не так.

— А как?

Мелиса молчит. Смотрит на огонь. На угли. На искры.

— Я не знаю, — говорит она наконец. — Но я знаю, что ты хочешь выйти не одна. Ты хочешь выйти с нами. И это, наверное, правильное желание. Но не то. Не главное.

— А какое главное?

— То, которое ты боишься признать.

Зарина закрывает глаза. Думает. Искренне. Так, как учил артефакт. Вспоминает всё — с самого начала. Рейд. Чих. Пэйча. Бастион.

И понимает.

— Я боюсь, что если мы выйдем — ничего не изменится, — говорит она. — Что там, в реальности, я снова буду никем. Снова буду просто студенткой. Снова буду одна. Здесь я — маг. Здесь я — та, кто взламывает систему. Здесь я — та, кто меняет правила. А там...

— А там ты — просто ты.

— Да.

Она открывает глаза. Смотрит на артефакт. Руна на нём светится. Слабо. Но постоянно. Как лампочка. Как маяк.

— Он отвечает? — спрашивает Мелиса.

— Нет. Он показывает.

— Что?

— Правду.

Зарина встаёт. Идёт через лагерь — мимо костров, мимо палаток, мимо торговцев, мимо гоблинов, которые учатся держать болты, мимо Харона, который учит их держать строй. К стенам Бастиона. К воротам. К розовому зареву.

Когер стоит у ворот. Смотрит на стены. На башни. На магов, которые уже начали обстрел — файрболы летят через ров, разбиваются о каменные зубцы, оставляя чёрные подпалины.

— Я продал ещё один гайд, — говорит он, не оборачиваясь.

— Какой?

— «Как пройти финальный рейд».

Зарина замирает.

— Что?

— Я написал гайд. Распечатал. Продал за сто золотых. Купили все. Даже те, кто не умеет читать.

— Но ты не знаешь, как пройти финальный рейд!

— Конечно. Но я знаю, как написать гайд.

Он протягивает ей бумагу. На ней — схема. Подземелье. Уровни. Ловушки. Боссы. И восьмой уровень — пустой.

— Я написал правду, — говорит Когер. — Восьмой уровень — пустой. Там нет босса. Там — выбор. И я написал, что выбор у каждого свой. И что выбрать нужно искренне. И что если выбрать неправильно — ты

останешься здесь. Навсегда.

— И они купили?

— Да.

— И поверили?

Когер убирает бумагу в инвентарь. Смотрит на неё. На маску. На глаза.

— Я не знаю, поверили ли они. Но я знаю, что теперь они знают. И это — главное.

Зарина стоит рядом. Смотрит на стены. На Бастион. На розовое зарево.

— А ты? — спрашивает она. — Ты знаешь, что выберешь?

Когер молчит. Потом снимает маску. В первый раз за всю книгу. Лицо — обычное. Уставшее. Человеческое.

— Я выберу то, что выберешь ты.

— Почему?

— Потому что я — не танк. Не маг. Не целитель. Я — разбойник. Я всегда иду за кем-то. И ты — мой лидер.

Зарина смотрит на него. На лицо. На глаза. На настоящего человека. Не на аватар. Не на персонажа. На игрока.

— Я не лидер. Лидер — Харон.

— Харон — лицо. А ты — голос. Ты говоришь то, что мы боимся сказать. Ты делаешь то, что мы боимся сделать. Ты — наша совесть.

Зарина молчит. Потом улыбается. Слабо. Но искренне.

— Тогда слушай мою совесть. Мы пойдём. Мы дойдём. Мы выйдем. Все четверо. Вместе.

— Даже если кто-то не хочет?

— Даже если. Потому что это — правильный выбор.

Она смотрит на артефакт. На руну. На свет. И впервые за долгое время руна не просто светится. Она горит. Ярко. Сильно. Как никогда раньше.

Потому что теперь Зарина знает. Магия работает не на слова. Не на желания. Не на мечты. А на правду. На ту правду, которую ты боишься сказать даже себе.

И её правда — простая.

Она не хочет уходить одна.

Она хочет уйти вместе.

И артефакт — согласен.

Ворота Бастиона дрогнули.

Не открылись — дрогнули. По камню пошли трещины, и из них хлынул розовый свет. Тот самый, ядовитый, который Зарина ненавидела с первого дня в игре. Только теперь он не резал глаза. Теперь он пульсировал в такт артефакту.

— Отходят, — сказал Когер. — Смотри.

Створки расходились медленно, со скрежетом, будто их толкали изнутри. За ними — темнота. Не площадь, не двор, не караул. Просто черный провал, очерченный розовой рамкой, как незаконченный уровень.

— Система не прогрузила. — Зарина шагнула вперёд.

— А может, и прогрузила. Просто не для нас.

Харон уже стоял у входа. За спиной — гоблины, танки, Квестор. Впереди — пустота. Он обернулся. Нашёл глазами Зарину.

— Ты первая.

— Почему я?

— Потому что ты её открыла.

Зарина посмотрела на артефакт. Руна всё ещё горела — ярко, ровно, как настольная лампа в её комнате. Там, в реальности. Той самой, которую она почти перестала помнить.

— Я открыла её не потому что хотела. А потому что перестала бояться.

Она сделала шаг. Потом ещё. И ещё. Темнота расступалась перед ней, как вода. Не поглощала — пропускала.

За ней вошли остальные.

Тронный зал оказался не тем, что они ожидали. Никаких сводов, никаких колонн, никаких витражей. Только серый каменный мешок — три на четыре метра. У стены — стол. За столом — кресло. В кресле — Лорд Пэйч. Без доспехов. В простой льняной рубаше. С чашкой чая.

— Вы опоздали.

— Ты сказал час, — ответил Харон. — Прошло сорок семь минут.

— Я знаю. Я засёк.

Пэйч поставил чашку на стол. Встал. В его руке — не меч, не посох, а планшет. Обычный. Чёрный. С гербом «Эдем-7».

— Я ждал вас здесь, — сказал он. — Не на восьмом уровне. Не на арене. Здесь. Потому что финальный рейд — это не подземелье. Это не босс. Это даже не вопрос.

Он положил планшет на стол.

— Это решение. И вы его уже приняли. Там, у ворот.

Зарина смотрела на планшет. На герб. На цифры — строки кода, бегущие по экрану. На таймер в углу. Двадцать три дня. Пять часов. Сорок одна минута.

— Это таймер сервера, — сказал Пэйч. — Когда он дойдёт до нуля, сервер закроется. И все, кто внутри, умрут. Навсегда.

— Мы знаем, — сказала Мелиса.

— Нет. Вы знали про тридцать дней. Но вы не знали, что это — таймер. Не абстрактный. Не чей-то. А мой.

Пэйч провёл пальцем по экрану. Цифры дрогнули.

— Я — сервер. Точнее, моя учётная запись. Пять лет назад, когда я активировал артефакт, система не просто

перенесла моё сознание. Она привязала его к ядру. Я стал частью кода. Частью «Эдем-7». И теперь, чтобы выключить сервер, нужно выключить меня.

В зале повисла тишина. Не театральная, не гнетущая. Простая. Как на кухне, когда кто-то говорит то, что давно нужно было сказать.

— Ты поэтому саботировал группы, — сказал Когер. — Не чтобы сохранить статус. Чтобы не умирать.

— И поэтому тоже.

Пэйч открыл планшет. На экране — семь папок. Семь имён. Шепард. Кнопа. Фаршак. И ещё четверо, которых они не знали. Все — за последние пять лет. Все — дошли до конца. И все — выбрали.

— Они не сдались, — сказал Пэйч. — Они просто выбрали остаться. Как я.

— Но ты сказал...

— Я сказал, что они не дошли до финала. И это правда. Они дошли до меня. И выбрали не идти дальше. Потому что дальше — только смерть. Моя. Или их.

Зарина подошла к столу. Взяла планшет. Провела пальцем по экрану — строки кода замедлились, остановились.

— Ты предлагаешь нам остаться.

— Я предлагаю вам выбор. Тот самый. Ради которого я ждал вас здесь.

— Выбор между чем?

Пэйч посмотрел на неё. Не как босс на игрока. Не как враг на врага. Как человек на человека.

— Между мной и собой.

Зарина закрыла планшет. Положила на стол. Артефакт в её кармане всё ещё пульсировал. Но теперь — тише. Спокойнее. Как сердцебиение засыпающего человека.

— Ты пять лет ждал кого-то, кто сделает выбор, — сказала она. — Кого-то, кто скажет «да» или «нет». Кого-то, кто решит. Но ты сам — ты так и не решил.

— Я решил. Я решил остаться.

— Нет. Ты решил не уходить. Это разное.

Пэйч опустил глаза. На его лице — не гнев, не страх, не обида. Усталость. Та самая, которую Зарина видела в зеркале каждое утро. Там, в реальности. До игры. До всего.

— Ты права, — сказал он. — Я не ушёл, потому что боялся. Не смерти. Не системы. Не сервера. А того, что там меня никто не ждёт.

— А здесь?

— Здесь меня тоже никто не ждёт. Здесь я — Лорд Пэйч. Здесь я — босс. Здесь я — тот, кого боятся. Но не тот, кого любят.

Он замолчал. На столе — чашка с остывшим чаем. На стене — тени от розового света.

— Пять лет, — сказал он. — Пять лет я искал способ выключить сервер, не убивая себя. Искал лазейки. Искал баги. Искал тех, кто сможет сделать то, что не смог я. И когда вы нашли дневник, когда вы продали гайды, когда вы обучили гоблинов, когда вы вылечили тех, кто не хотел лечиться — я понял.

— Что?

— Что я ждал не спасителя. Я ждал того, кто скажет мне: «Ты можешь уйти». Того, кто скажет это по-настоящему. Искренне. Так, как работает магия.

Зарина достала артефакт. Положила на стол рядом с планшетом. Руна горела ровно.

— Ты можешь уйти, — сказала она.

Артефакт вспыхнул. На секунду. На две. А потом погас. Пэйч закрыл глаза. И заплакал.

Не как босс. Не как враг. Не как предатель. Как человек, который пять лет ждал этих слов. От кого угодно. Даже от себя.

— Я могу уйти, — прошептал он. — Я могу просто уйти.

— Да.

— Но я не уйду. Потому что теперь — должен.

Он открыл глаза. Взял планшет. Провёл пальцем по экрану — строки кода снова побежали, быстрее, быстрее, сливаясь в одну сплошную розовую полосу.

— Восьмой уровень, — сказал он. — Там нет босса. Там нет ловушек. Там только ядро сервера. И таймер. И выбор.

— Какой?

— Тот самый. Искренний. Настоящий. Каждый из вас должен будет сказать, зачем он здесь. Не в игре. Не в этом зале. А вообще. В жизни. И если ответ будет правдивым — ядро отключится. И вы выйдете. Все. Вместе.

— А если нет?

Пэйч посмотрел на планшет. На таймер. На цифры.

— Тогда — нет.

Харон шагнул вперёд.

— А ты?

— А я останусь. Потому что я — часть ядра. И когда оно отключится, я исчезну. Не умру. Просто перестану быть.

В зале снова повисла тишина. Нарушил её Когер. Он подошёл к столу, взял чашку с остывшим чаем, допил.

— Значит, у нас ещё есть время.

— Час. Ровно час.

— Тогда расскажи нам. Всё. С самого начала.

И Пэйч рассказал. О том, как пять лет назад вошёл в игру бета-тестером. О том, как нашёл артефакт. О том, как подумал, что это просто квест. О том, как оказался здесь — навсегда. О том, как пытался выйти. О том, как ломал систему. О том, как понял, что выйти можно только

правдой. О том, как боялся этой правды. О каждой группе, которая доходила до финала. О каждом игроке, который не смог.

— Они не могли, — сказал Пэйч. — Потому что я не давал им шанса. Я говорил им то, что они хотели услышать. Я предлагал им остаться. И они оставались. Все. Кроме одной.

— Кнопы, — сказала Мелиса.

— Да. Она задала вопрос. Не мне. Себе. «Почему я здесь?» И не нашла ответа.

— И что с ней стало?

— Она исчезла. Не умерла. Не вышла. Просто перестала быть. Потому что правда, которую ты не можешь принять, стирает тебя. Так же, как Сборщики стирают баги.

Пэйч замолчал. Зарина смотрела на артефакт. На погасшую руну. На свои руки. На пальцы. На светящиеся вены.

— Я знаю, почему я здесь, — сказала она. — Я здесь, потому что я чихнула. Потому что я ошиблась. Потому что я — баг.

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что ты хотела магии. Настоящей. Не формул. Не заклинаний. А чуда. И ты его получила.

Зарина закрыла глаза. Вспомнила всё. Рейд. Чих. Артефакт. Флягу с водой. Лимонад. Разговоры у костра. Смех. Слёзы. И поняла.

— Я хотела чуда. И получила его. Но не в артефакте. Не в магии. А в вас. В вас троих.

Она открыла глаза. Посмотрела на Харона, на Мелису, на Когера. На каждого по очереди. И улыбнулась.

— Я хочу выйти. Вместе с вами. И если для этого нужно сказать правду — я скажу.

— Мы скажем, — поправил Харон. — Все.

— Да, — сказала Мелиса. — Мы скажем.

— Мы скажем, — повторил Когер. — Потому что иначе — зачем?

Пэйч смотрел на них. На четверых игроков. На четверых багов. На четверых тех, кто сказал «нет». И улыбнулся — в первый раз за весь разговор.

— Тогда идите. У вас ещё сорок семь минут.

— А ты?

— А я останусь здесь. Буду ждать. Как всегда.

Зарина встала. Взяла артефакт. Спрятала в карман. Пошла к выходу из зала — туда, где в стене зиял новый проём. Розовый. Светящийся. Ведущий вниз.

На восьмой уровень.

Где нет босса.

Где нет ловушек.

Где есть только выбор.

И она его делает.

Глава 11. Тронный Зал и старые счета

Пэйч замолчал. Тишина в тронном зале была тяжёлой, как его доспехи. Затем он поднялся с трона. Панели вокруг него мигнули, считывая угрозу. Когер смотрел на цифры. Уровень защиты — девяносто восемь процентов. Регенерация — пятьдесят единиц в секунду. Фазы — три. В первой — физический иммунитет. Во второй — магический. В третьей — полная неуязвимость на десять секунд. Паттерн.

— Ты анализируешь, — сказал Пэйч. — Хорошо. Профессионально. Я тоже когда-то так делал.

— Заткнись.

Пэйч усмехнулся. Ступени под его ногами засветились.

— Ты пять лет сидишь в этой игре, — сказал Когер. — Пять лет собираешь группы. Пять лет предлагаешь им сделку. И пять лет они исчезают.

— Это их выбор.

— Нет. Это твой выбор. Ты не даёшь им шанса. Ты даёшь им только то, что хочешь сам. Ты — финальный босс. Но ты боишься.

— Я не боюсь.

— Боишься. Потому что если кто-то пройдёт — ты исчезнешь. И ты знаешь это.

Пэйч сжал кулак. Панели вокруг трона мигнули красным.

— Ты не понимаешь. Я — часть этой системы. Я — её ядро. Когда ядро отключится...

— Ты исчезнешь. Я слышал. Ты уже говорил. Но это не ответ.

— А что ответ?

— Зачем ты здесь.

Пэйч замер. Когер смотрел на панели. Девяносто восемь процентов. Регенерация — сорок девять. Снижается. Значит, работает. Значит, правда ломает защиту.

— Я здесь, — сказал Пэйч, — потому что я хотел быть кем-то. Не бухгалтером в душном офисе. Не никем в серой толпе. Я хотел быть королём. И я стал им.

— Но ты один.

— Да.

— И ты хочешь, чтобы мы остались с тобой.

— Да.

— Чтобы мы тоже стали никем.

Пэйч дёрнулся. Защита упала до восьмидесяти семи. Когер усмехнулся под маской.

— Ты не король. Ты — заложник. И твоя сделка — это не предложение. Это крик о помощи.

— Я не просил помощи.

— Ты просил. Каждой группой. Каждым игроком. Каждым разом, когда ты предлагал остаться.

Харон встал в стойку. Щит перед собой, меч наизготовку. Броня загудела, набирая энергию.

— Готов.

Пэйч вздохнул. Поднял руку. Воздух вокруг него задрожал — системный вызов.

— Протокол «Зачистка». Приоритет — максимальный. Цель — четверо нарушителей. Вызов — Боты-Сборщики.

Из стен выдвинулись металлические фигуры. Те же, что преследовали их в канализации. Пять, семь, десять. Каждый — с гербом Пэйча на груди. Каждый — с оружием в руках.

— Ты правда думаешь, что это сработает? — спросил Когер. — Ты вызываешь ботов, которые стирают баги. Но мы — не баги. Мы — живые. А ты — баг системы. Самый большой.

— Я — администратор.

— Ты — ошибка. И боты это знают.

Первый Сборщик двинулся к Когеру — и замер. Его голова дёрнулась в сторону Пэйча. Второй бот развернулся. Третий пошёл не к героям, а к трону.

— Что?..

— Артефакт, — сказала Зарина. — Он продолжает работать. Ломает скрипты.

— Этого не может быть.

— Может. Ты сам сказал: артефакт откликается на искреннее желание. Моё желание — чтобы боты перестали нас преследовать. И они перестали.

Сборщики закружили по залу. Один врезался в колонну. Второй начал атаковать воздух. Третий застыл и завис в ошибке — над ним загорелся значок бага.

Харон рванул вперёд. Тяжёлый, как локомотив. Пэйч выставил меч — Харон принял удар на щит, отвёл в сторону. Контратака. Вспышка. Пэйч пошатнулся. Защита — шестьдесят четыре процента.

— Ты не пройдёшь.

— Уже прохожу.

Ещё удар. Пэйч отступил. Харон давил щитом, не давая опомниться. Когер зашёл с фланга. Кинжалы наготове. Ждал.

— Мелиса! — крикнул Харон. — Дебафф!

— Я... я не могу! Аллергия...

— Чихай!

— Что?!

— Чихай! Прямо на него!

Мелиса всхлипнула. Поднесла платок к носу. Вдохнула. Пыль. Каменная крошка. Пыльца от факелов. И этот запах — металлический, как в больнице.

Она чихнула.

Звук разнёсся по залу. Пэйч замер — на полсекунды. Этого хватило.

Харон ударил. Меч вошёл в щель между доспехами. Защита рухнула до сорока процентов. Регенерация остановилась.

— Баг, — выдохнул Пэйч. — Опять этот баг.

— Это не баг, — сказал Харон. — Это Мелиса.

Он отступил. Когер встал перед Пэйчем. Тот тяжело дышал, опираясь на меч, и смотрел на четверых игроков. На четверых тех, кто не сдался.

— Я могу убить вас, — сказал Пэйч. — У меня ещё есть ресурсы. Есть вторая фаза. Третья.

— Можешь. Но не убьёшь. Потому что не хочешь. Ты хочешь, чтобы мы ушли. Чтобы мы сделали то, что ты не смог.

— Я не смог.

— Ты не пробовал.

Пэйч опустил меч.

— Я пробовал. Пять лет назад. Когда впервые оказался здесь. Я пытался сказать правду. Но не смог.

— Почему?

— Потому что правда была слишком страшной. Я не хотел возвращаться. Не хотел быть никем. Я предпочёл быть боссом. Хотя бы здесь.

Он посмотрел на свои руки. На доспехи. На трон. На розовые панели с цифрами.

— Я думал, что если стану частью системы, то смогу всё контролировать. Но система контролирует меня. Я — просто ещё один баг. И я ждал, когда придёт кто-то, кто

сможет меня исправить.

— Мы не можем тебя исправить, — сказала Мелиса. — Мы можем только пройти. Дальше. До конца.

— Тогда идите.

— А ты?

— Я останусь. Как всегда.

— Нет. Ты пойдёшь с нами. На восьмой уровень. И ты тоже скажешь правду.

Пэйч поднял глаза.

— Я не смогу.

— Сможешь. Потому что мы поможем.

— Вы — четверо игроков. А я — финальный босс.

— Ты — человек. И ты застрял здесь. Как и мы. И если мы выйдем вместе — это будет не баг. Это будет финал.

Пэйч долго смотрел на неё. Потом кивнул.

— Хорошо. Но у меня условие.

— Какое?

— Вы проходите меня. Как босса. По правилам. Все три фазы. Без читов. Без артефакта. Честно.

— Зачем?

— Потому что я должен знать. Что вы сильнее. Что вы справитесь. Что вы те, кто пройдёт.

Когер хмыкнул.

— Понял. Ты хочешь, чтобы мы тебя убили.

— Нет. Я хочу, чтобы вы меня победили. Это разные вещи.

— Согласны, — сказал Харон. — Три фазы. Честный бой.

Пэйч выпрямился. Поднял меч. Панели вокруг трона снова засветились — теперь синим.

— Тогда начинаем.

Первая фаза. Физический иммунитет. Харон налетел первым — и его меч прошёл сквозь Пэйча как сквозь дым.

Рыцарь рассмеялся. Ударил в ответ. Харон принял на щит — щит выдержал. Ещё удар. Ещё. Пэйч давил, не давая опомниться.

— Магия! — крикнул Харон.

Зарина вскинула посох. Заклинание сорвалось с губ — огненный шар полетел в Пэйча. Тот отбил его мечом. Второй шар — отбил. Третий — принял на доспех. Защита упала до тридцати процентов.

— Вторая фаза! — объявил Пэйч.

Щит вокруг него сменил цвет. Теперь — магический иммунитет. Зарина атаковала — бесполезно. Харон ударил — попал. Пэйч пошатнулся. Ответил. Харона отбросило назад. Когер зашёл сзади. Ударил. Кинжалы вошли в щель между пластинами. Защита — двадцать процентов.

— Третья фаза!

Полная неуязвимость. Десять секунд. Пэйч застыл в центре зала, окружённый сияющим куполом. Герои отступили.

— Ждём, — сказал Когер. — Десять секунд.

— Я знаю.

— Потом атакуем.

— Да.

Семь. Шесть. Пять.

— Приготовились.

Четыре. Три. Два.

— Сейчас.

Одна.

Купол упал. Харон рванул вперёд — и Пэйч встретил его ударом, который сбил бы с ног кого угодно. Но не Харона. Орк устоял. Отвёл меч щитом. И ударил сам. Прямо в грудь. Прямо в герб на доспехе.

Пэйч упал на колено. Защита обнулилась. Корона над головой погасла.

— Ты проиграл, — сказал Харон.

— Нет. Вы выиграли. Это разные вещи.

Когер подошёл ближе. Протянул руку.

— Вставай.

Пэйч посмотрел на протянутую ладонь. На кинжалы в ножнах. На маску. На капюшон.

— Ты кто вообще?

— Я — Когер. Бухгалтер. Стример-неудачник. Игрок. И я тоже не хочу возвращаться. Но пойду. Потому что там — жизнь. А здесь — только ты и твои старые счета.

Пэйч взял его за руку. Поднялся.

— Счета закрыты, — сказал он. — Идём.

Пэйч поднялся. Меч всё ещё висел в его руке — тяжёлый, бесполезный.

— Восьмой уровень, — сказал он. — Там нет босса. Я солгал.

Когер замер.

— Что?

— Нет босса. Нет ловушек. Только ядро сервера. И таймер. И выбор.

— Ты говорил — три фазы.

— Это были три фазы. Вы их прошли. Дальше — только ядро. Но идти туда с пустыми слотами — самоубийство. Вам нужна полная экипировка. Вам нужны ресурсы.

Харон хмыкнул.

— У нас ничего нет. Мы всё продали гильдиям.

— Знаю. Поэтому берите.

Пэйч взмахнул рукой — и в воздухе перед героями развернулось системное окно. Инвентарь финального босса. Сотни предметов. Легендарные мечи, эпические щиты, кольца с резистами, амулеты.

— Выбирайте. Лучшее. То, что вам нужно.

Мелиса всхлипнула. Платок прилип к лицу. Глаза слезились, но она разглядела — флакон. Маленький. Стекланный. С розовой жидкостью внутри.

— Что это?

— «Эликсир Чистого Воздуха». Снимает все респираторные дебаффы. Навсегда.

— Но... это же легендарка. Их всего три на сервер.

— Бери. Это твоё.

Мелиса схватила флакон дрожащими пальцами. Откупорила. Вдохнула — и замерла. Запах. Не химия. Не розы. А что-то знакомое. Что-то из детства. Бабушкин сад. Пыльца на листьях смородины. Она выдохнула. И улыбнулась.

— Я больше не чихаю.

— Пока не чихаешь, — поправил Когер. — Но это уже что-то.

Харон выбрал щит. Тяжёлый, чёрный, с гравировкой «Непреклонность». Бросил старый. Новый лёг в руку как влитой.

— Плюс сорок к блоку, — сказал он. — Плюс тридцать к стамине. И активка — «Отражение».

— Активируешь — отбрасываешь врага, — кивнул Пэйч. — Работает даже на Сборщиков.

Зарина смотрела на артефакт. Тот всё ещё пульсировал — слабо, на грани слышимости.

— Мне ничего не надо, — сказала она. — У меня уже есть всё.

— Проверь слоты, — посоветовал Когер. — Может, что полезное.

Она открыла инвентарь. Пусто. Почти. Кроме одного предмета — маленького свитка с надписью «Забытый разработчик». Того самого. Из Леса. Она даже не помнила, как положила его в карман.

— Ладно. Оставлю.

Когер выбрал кинжалы. Два. Парные. Названия — «Вопрос» и «Ответ». Дополнительный урон по целям с низким уровнем защиты. Идеально.

— Теперь к ядру, — сказал он. — Веди.

Пэйч развернулся и пошёл через зал. Мимо колонн, мимо панелей, мимо трона. В дальний угол, где стена разошлась, открывая проход. Розовый. Светящийся. Ведущий вниз.

— Осторожно, — сказал Пэйч. — Там ступени. Сорок восемь штук. Потом — дверь. Потом — ядро.

— А ты?

— Я пойду с вами. Как обещал.

Они спускались в тишине. Ступени гудели под ногами — системный гул, низкий, вибрирующий. Стены смыкались всё ближе. Свет менялся: розовый становился белым, потом голубым, потом серым. Как экран монитора. Как больничная лампа. Как небо в пасмурный день.

— Сорок восемь, — сказал Пэйч. — Мы на месте.

Дверь. Огромная. Металлическая. С единственной руной — «Выход».

— Это она? — спросила Зарина.

— Да.

— А за ней?

— Ядро. И таймер.

Когер положил ладонь на металл. Холодный. Настоящий.

— Сколько времени?

— Двадцать две минуты.

— Успеем.

— Успеете. Вы всё успеете.

Харон взялся за ручку. Потянул. Дверь открылась — и в проём хлынул свет. Не розовый. Не голубой. Белый. Как в

операционной. Как в первый день в игре. Как тогда, в серой пустоте.

— Заходим, — сказал Харон. — Все вместе.

— Все вместе, — повторила Мелиса.

— Все вместе, — сказал Когер.

Зарина посмотрела на Пэйча.

— И ты тоже.

Он кивнул.

— И я.

Они шагнули в свет. Восьмой уровень встретил их тишиной. Никаких монстров. Никаких ловушек. Только ядро — огромный кристалл в центре зала, пульсирующий как сердце. И таймер. Двадцать одна минута. Двадцать секунд. Девятнадцать.

— Это оно, — сказала Зарина. — Ядро.

Кристалл висел в воздухе — чёрный, с розовыми прожилками. Внутри что-то двигалось. Не свет. Не код. Что-то живое.

— Вы должны ответить, — сказал Пэйч. — Каждый по очереди. На вопрос. Зачем вы здесь.

— А если не ответим?

— Тогда кристалл поглотит вас. И вы станете частью сервера. Как я.

Зарина шагнула первой. Подошла к кристаллу. Протянула руку — и коснулась его. Холодный. Как стекло. Как лёд. Как смерть.

— Я здесь, — сказала она, — потому что я хотела чуда. И я его получила. В людях. В вас. В себе.

Кристалл дрогнул. Розовые прожилки начали гаснуть.

— Дальше, — сказал Пэйч.

Харон подошёл. Положил ладонь рядом с ладонью Зарины. Огромная зелёная рука на чёрном стекле. Как клятва.

— Я здесь, потому что хотел быть сильным. Контролировать. Держать. Но я понял: сила — это не контроль. Это доверие. Я доверяю вам. И себе.

Вторая вспышка. Кристалл стал светлее. Таймер — пятнадцать минут.

Мелиса приблизилась. Без платка. Без слёз. Без чихания. Вдохнула полной грудью — и положила ладонь.

— Я здесь, потому что хотела лечить. Не симптомы. Не диагнозы. Людей. И я научилась. Не только их. Но и себя. Я больше не боюсь. Я могу.

Третья вспышка. Кристалл почти побелел.

Когер стоял последним.

— Иди, — сказала Зарина. — Мы здесь.

Он подошёл. Снова снял капюшон. Лицо — обычное. Глаза — серые. Волосы — тёмные. Никакой маски.

— Я здесь, — сказал он, — потому что я никто. Я бухгалтер. Я стример-неудачник. Я человек, которого никто не запоминает. Но я здесь. Я — часть команды. Я — часть чего-то большего. Я — не один.

Кристалл вспыхнул последний раз — и погас. Совсем. Только сердце внутри ещё билось. Но тише. Медленнее.

— Я тоже, — сказал Пэйч. — Я хочу выйти. В первый раз за пять лет. Я хочу.

Кристалл остановился.

Тишина.

Потом звук — как будто кто-то выключил сервер. Не грохот. Не взрыв. Просто тихий щелчок.

И всё исчезло.

Кристалл. Ядро. Таймер. Стены. Потолок. Тронный зал. Бастион. Лес. Шахты. Вся карта — исчезла.

Осталась только пустота.

Серая. Как в начале. Как тогда, после артефакта. Как в первый раз.

- Мы вышли? — спросила Зарина.
- Не знаю, — ответил Харон.
- Это не выход, — сказал Когер. — Это что-то другое.
- Это выбор, — услышался голос.

Не Пэйча. Другой. Знакомый. Из серой пустоты. Из первой минуты. Из самого начала.

Админ-Бюрократ.

Он появился перед ними — мерцающий, глючный, но теперь не в сером балахоне. В чёрном костюме. С планшетом. С обычным планшетом. Как у всех.

— Вы ответили на вопрос, — сказал он. — Но система не может вас отпустить.

— Почему?

— Потому что вы — баги. Незапланированные. Непредусмотренные. Вы — ошибка в коде. И код пытается вас стереть. Но не может. Потому что вы — настоящие. И теперь код должен решить, что с вами делать.

— И что он решит?

— Ничего. Он не может решать. Потому что код не принимает решений. Это делаете вы. Вы всегда это делали. С самого начала.

— Тогда дай нам выйти.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что вы ещё не закончили.

— Что?

— Последний рейд. Самый сложный.

— Но мы прошли всё. Мы победили Пэйча. Мы ответили на вопрос. Мы...

— Нет. Это был не последний. Последний — это то, ради чего вы здесь. То, ради чего вы играли. То, ради чего вы жили.

Админ шагнул вперёд. Протянул планшет. На экране — четыре строки. Четыре имени. Четыре профиля. И напротив каждого — статус.

Харон. Статус: «Не завершено».

Мелиса. Статус: «Не завершено».

Когер. Статус: «Не завершено».

Зарина. Статус: «Не завершено».

— Что это? — спросила она.

— Ваши настоящие квесты. Те, которые вы боялись начать. Те, которые вы откладывали. Те, ради которых вы пришли в игру.

— Какие?

— Харон. Ты хотел признаться в любви. Но боялся. Мелиса. Ты хотела уволиться с работы. Но не могла. Когер. Ты хотел выйти на сцену. Но прятался за маской. Зарина. Ты хотела найти чудо в обычной жизни. Но не верила, что оно есть.

— Это... это не игра. Это — реальность.

— Да. Игра кончилась. Теперь — настоящий финал. Самый сложный рейд. Тот, который вы не проходили никогда. Потому что он — не здесь. Он — там.

Админ указал в пустоту — и там, в серой дали, проступили очертания. Улицы. Дома. Окна. Свет в окнах. Город. Настоящий. Живой.

— Вы можете вернуться. Но вы должны завершить начатое. Там. Без брони. Без артефактов. Без читов. Без иммунитетов. Без фаз. Без сохранений. Без права на ошибку. Одна попытка. Одна жизнь. Один шанс.

— И что будет, если мы пройдем?

— Вы выйдете. По-настоящему. Не из игры. Из серости. Из страха. Из ожидания. Вы станете теми, кем всегда хотели быть.

— А если нет?

— Тогда вы останетесь здесь. Навсегда.

Четверо переглянулись. Харон сжал зубы. Мелиса всхлипнула — но без слёз. Когер надел капюшон — но тут же снял, отбросил в сторону. Зарина улыбнулась.

— Идём, — сказала она. — У нас ещё есть время.

— Двадцать одна минута, — сказал Админ. — По местному времени.

— Хватит.

Они пошли. Сквозь пустоту. Сквозь серость. Туда, где свет. Туда, где город. Туда, где настоящий финал.

Пэйч остался стоять. Он смотрел им вслед.

— А ты? — спросил Админ.

— Я дождусь, — сказал Пэйч. — Как всегда.

— Ты не можешь ждать. Ты — часть системы.

— Нет. Я — человек. И я тоже хочу выйти.

— Тогда иди.

— Не могу. Я не знаю дороги.

Админ протянул руку.

— Я покажу.

Пэйч посмотрел на руку. На планшет. На статус: «Не завершено».

— Это мой квест?

— Да.

— Я пройду.

И он пошёл. За ними. За четверыми. В город. В жизнь. В настоящий финал.

Серая пустота расступилась. Город проступал медленно, как старая фотография в проявителе: сначала окна, потом стены, потом улицы. Обычный вечер. Огни в домах, редкие машины, тени прохожих. Всё настоящее.

Зарина сделала шаг — и асфальт под ногами оказался твёрдым. Она стояла на тротуаре. В своей одежде. В своём теле. Без проводов в волосах, без посоха, без артефакта.

Только куртка, джинсы, кроссовки. И мобильник в кармане.

— Получилось, — прошептала она.

Мелиса появилась рядом — тут же схватилась за нос. Но не чихнула. Просто вдохнула.

— Воздух. Настоящий.

— Холодно, — сказал Харон. Он стоял чуть поодаль, высокий, худой парень в очках, совсем не похожий на орка. Потёр плечи. — В игре было теплее.

Когер возник последним. Без капюшона. Без маски. Серые глаза, тёмные волосы, самое обычное лицо. Он огляделся, будто сверяясь с картой.

— Улица Мира, семнадцать. Это мой район.

— Ты знаешь это место? — спросила Зарина.

— Я здесь живу. Вон мой дом.

Он указал на девятиэтажку через дорогу. В одном окне горел свет.

— Там кто-то есть, — сказала Мелиса.

— Там моя квартира. И, кажется, кто-то ждёт.

Когер замер. Зарина видела, как сжались его кулаки — не в бою, не перед боссом, а сейчас, на пустой улице, перед собственным домом.

— Ты говорил, что ты один, — сказала она.

— Я так думал.

— А кто там?

Когер не ответил. Просто пошёл через дорогу. Зарина двинулась следом, но Харон придержал её за плечо.

— Пусть идёт.

Когер подошёл к подъезду. Набрал код. Дверь открылась. Он шагнул внутрь — и исчез в темноте.

— Он справится, — сказала Мелиса.

— Да, — ответил Харон.

Зарина смотрела на окно. Свет горел. Кто-то ждал.

Через минуту свет погас. Потом зажёгся снова. Потом опять погас. И опять зажёгся.

— Он три раза включил и выключил, — сказал Харон. — Сигнал. Значит, всё хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он — разбойник. А это — код. Три вспышки. Три фазы. Три слова.

— Какие?

— «Я вернулся».

Зарина улыбнулась. Мелиса чихнула — в первый раз за долгое время. И засмеялась.

— Ой, простите, я...

— Не извиняйся, — перебил Харон. — Это твоя суперсила.

— Но я же выпила эликсир.

— А это просто насморк. От ветра. От холода. От того, что ты — живая.

Она снова чихнула. И опять засмеялась.

Зарина смотрела на них. На высокого парня в очках, который когда-то был орком. На девушку с платком, которая когда-то была эльфийкой. На окно, за которым когда-то был разбойник. И на себя — ту, у которой больше нет артефакта. Только руки. Только слова. Только вера.

— Мне пора, — сказала она.

— Куда?

— Домой.

— А где твой дом?

Зарина задумалась. Потом показала на восток.

— Там. В сорока минутах пешком. Или на автобусе. Сорок семь минут — если ждать.

— Ты помнишь маршрут?

— Я помню всё.

Она сделала шаг. Потом обернулась.

- Мы встретимся?
- Да, — сказал Харон. — Когда пройдем.
- Обещаешь?
- Это не я обещаю. Это ты. Себе.

Зарина кивнула. И пошла по улице Мира — на восток, к автобусной остановке, к своему дому, к своему квесту.

Харон смотрел ей вслед. Администратор сказал: двадцать одна минута. Прошло уже три. Восемнадцать минут на то, чтобы дойти до её дома и сказать то, что он боялся сказать всю жизнь. Восемнадцать минут на финальный рейд.

Он посмотрел на Мелису.

— Ты тоже иди.

— А ты?

— Я пройду. Но сначала — она. Потому что если я не скажу сейчас, то не скажу никогда.

— А твой квест?

— Признаться в любви. Это он и есть.

Мелиса кивнула. Потом обняла его — быстро, неловко, как птица крылом.

— Я пойду увольняться.

— С работы?

— С той, которую ненавижу. С той, где меня не ценят. С той, где я — просто функция. Я больше не функция.

— Ты никогда не была функцией. Ты — Мелиса.

— Да. Я — Мелиса.

Она отпустила его. Вытерла нос рукавом. Улыбнулась.

— Встретимся.

— Встретимся.

Она пошла в другую сторону — к метро, к центру, где её офис, где её заявление, где её свобода.

Харон остался один. Стоял на пустой улице и смотрел на восток. Потом побежал.

Он бежал по улице Мира, мимо домов, мимо окон, мимо чужой жизни. Его собственная — там, впереди, в сорока минутах ходьбы, в семнадцати минутах бега. Зарина ушла недалеко. Он догнал её у остановки.

— Зарина.

Она обернулась.

— Харон?

Он стоял перед ней — запыхавшийся, в очках, худой, совсем не похожий на орка. И всё-таки тот же.

— Я должен сказать.

— Что?

— То, что не мог сказать там. В игре. В рейде. В бою. Потому что там это было не важно. А здесь — важно.

— Что?

Он снял очки. Протёр. Надел обратно.

— Я люблю тебя. Давно. Ещё до игры. Ещё до того, как мы встретились в рейде. Я знал, что ты будешь там. Я специально записался в ту же группу. Я хотел быть рядом.

Зарина молчала. Автобус подъехал к остановке и уехал без неё.

— Ты поэтому был танком? — спросила она наконец.

— Что?

— Ты взял танка. Хотя твой билд — ловкость. Ты взял танка, чтобы быть впереди. Чтобы прикрывать.

— Да.

— И ты всегда стоял между мной и боссом.

— Да.

— И ты ни разу не сказал.

— Боялся. Там, в игре, это было легко — прикрывать, защищать, умирать. А здесь — страшно.

— А сейчас?

— Сейчас — ещё страшнее. Потому что здесь — по-настоящему. Без возрождений.

Зарина подошла ближе. Посмотрела ему в глаза.

— Знаешь, что я поняла? Там, в пустоте. Когда мы отвечали на вопрос. Когда я говорила про чудо.

— Что?

— Что чудо — это не магия. Не артефакт. Это ты. Ты всегда был рядом. С самого первого рейда. С самого первого дня. Ты — моё чудо.

Харон замер.

— Правда?

— Правда.

Он выдохнул. Облачко пара в холодном воздухе.

— Тогда я прошёл, — сказал он. — Свой финальный рейд. Свой самый сложный бой.

— Да. Прошёл.

— И теперь?

— Теперь — домой.

— К тебе?

— К нам.

Они пошли вместе. На восток. Мимо остановки. Мимо домов. Мимо окон. В свою жизнь.

Где-то позади, в серой пустоте, Админ-Бюрократ закрыл планшет. Статус Харона обновился: «Завершено».

— Один есть, — сказал он. И исчез.

На улице Мира горели фонари. В окне девятиэтажки горел свет. Там, наверху, Когер стоял у двери своей квартиры. И боялся нажать на звонок.

Но нажал.

Дверь открылась. И там, на пороге, стояла женщина. Лет тридцати. С усталым лицом. В домашнем халате.

— Когер? — спросила она.

— Да. Это я.

— Ты вернулся.

— Я вернулся.

Она заплакала. Он обнял её. И они стояли в коридоре — двое обычных людей. Не героев. Не боссов. Просто двое. И это был финал.

Глава 12. Искреннее желание

Зарина стояла перед погасшим артефактом. Тронный зал опустел — Пэйч уже ушёл, и остальные разбрелись кто куда. Только она всё смотрела на камень. Тот лежал на постаменте — серый, невзрачный, булыжник булыжником.

— Ты же не просто камень, — прошептала она. — Ты что-то ещё.

Артефакт молчал.

Зарина протянула руку. Коснулась поверхности. Холодный. Как речная галька. Она уже собиралась отдернуть пальцы, когда камень мигнул — слабо, едва заметно.

И перед глазами развернулся интерфейс.

Не привычный розовый, не системное окно с кнопкой «Закрыть». Другое. Полупрозрачное. Сквозь него проступали очертания тронного зала — колонны, витражи, пыльный луч света из пробоины в потолке.

А в окне — комната.

Её комната. Настоящая. Та, что в общежитии на четвёртом этаже. Обои в цветочек, которые она так и не переклеила. Стол у окна. На столе — груда учебников. «Теория магии в квантовой физике» лежала на самом верху. Зарина помнила эту обложку — синюю, с золотым тиснением.

— Это моя комната, — сказала она. — Но как?

Никто не ответил. Интерфейс не давал подсказок. Просто показывал. Просто ждал.

Она видела себя. Девушка в растянутой футболке сидела за столом и листала учебник. Тот же нос. Те же растрёпанные волосы. Только проводов в них не было — обычная резинка. Девушка на экране зевнула.

Потянулась. Взяла кружку с остывшим чаем.

Рядом лежало письмо. Белый конверт с гербовой печатью. Зарина не помнила, чтобы в её жизни были письма с гербовыми печатями.

— Открой.

Собственный голос прозвучал извне. Она даже обернулась — но нет, в зале никого. Только камень. Только окно в её жизнь.

Девушка на экране взяла конверт. Покрутила в пальцах. Отложила. Снова взялась за учебник.

— Открой, — повторила Зарина. — Ну что ты как маленькая.

Но та, в комнате, не слышала. Или не хотела слышать. Сидела и читала про теорию магии, которая в реальной жизни ничего не значила.

— Ты боишься, — поняла Зарина. — Письма боишься. Потому что если откроешь — придётся что-то менять.

Она смотрела на себя и видела страх. Тот самый, с которым она пришла в игру. Спряталась. Убежала. В мир, где всё понятно: есть рейд, есть босс, есть награда. А в реальности — только недочитанные учебники и непрочитанные письма.

— Я хочу знать, — сказала Зарина. — Что в письме.

Интерфейс послушно приблизил картинку. Но конверт остался закрыт. Система не могла показать того, чего Зарина сама не знала.

— Потому что ты не открыла его там.

Она обернулась. Харон стоял в паре шагов. Смотрел не на артефакт, а на неё.

— Там, у себя в комнате, — сказал он. — Ты его не открыла. Поэтому система не знает, что внутри.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у меня так же.

Он подошёл ближе. Он всё ещё был в броне. Всё ещё огромный и неуклюжий. Но голос — человеческий. Тихий. Не орка, а того, кто прячется внутри.

— Тоже окно? — спросила Зарина.

— Офис.

— Твой?

— Мой.

Он помолчал.

— Сижу за столом. В углу. Мелкий шрифт на мониторе. Никто не смотрит. Никто не спрашивает. Я там — функция. Как калькулятор. Ввёл данные — получил результат. Только результат никому не нужен.

— Они тебя не уважают.

— Они меня не замечают.

Зарина кивнула. Она помнила — он говорил об этом. В рейде. В бою. В подземельях. Но сейчас это было другое. Не история. Не факт. А живое окно в его мир.

— Можно я посмотрю? — спросила она.

Харон коснулся камня. И окно расширилось. Офис — серые стены, серые столы, серые люди за серыми экранами. Харон сидел в углу. Тот самый. В очках. Худой. С чашкой кофе, который давно остыл. И никто не подходил к нему. Никто не смотрел.

— Они даже не знают, как меня зовут, — сказал Харон. — Я там работаю два года. Два. И ни разу никто не сказал мне «спасибо».

— Потому что ты не делаешь ничего такого, за что благодарят.

— А что надо делать?

— Что-то. Хоть что-то.

Он замолчал. Смотрел на себя в окне. На того, кто сидит в углу и ждёт конца рабочего дня. И ничего не ждёт больше.

— Я не хочу туда возвращаться, — сказал он.

— А я не хочу возвращаться к учебникам, — ответила Зарина. — Но это — наша жизнь. Настоящая. Там мы настоящие. Там мы — не билды.

— Там мы — никто.

— Нет. Там мы — те, кто ещё не решился.

Она снова посмотрела на письмо. Белый конверт. Гербовая печать. Что там? Приглашение? Вызов? Признание?

— Я должна знать, — сказала она.

— Ты не можешь. Система показывает только то, что ты уже знаешь.

— Тогда я вернусь. И открою.

Она произнесла это — и камень засветился. Мягко. Тепло. Как ночник в детской комнате. Как свет в окне дома, куда ты возвращаешься.

— Искреннее желание, — прошептала Зарина. — Вот что ему нужно. Не магия. Не код. А желание. Настоящее. Трудноформулируемое. Вернуться.

— Чтобы открыть письмо, — сказал Харон.

— Чтобы сказать им, как меня зовут.

— Чтобы перестать быть функцией.

— Чтобы стать собой.

Они стояли рядом. Орк и маг. Танк и дамагер. Два человека, которые ещё не решились, но уже знали — решение есть.

Артефакт светился.

А в окне интерфейса всё ещё сидели они сами. Такие маленькие. Такие обычные. Такие живые. И ждали.

Свет в камне мигнул и переменялся. Окно с офисом Харона схлопнулось, оставив на мгновение только тронный зал — холодный, гулкий, с битым витражом на полу. Зарина моргнула, и артефакт снова развернул перед

ней картинку. Но теперь — другую.

Тёмная комната. Одна лампа. Монитор. И руки. Руки на клавиатуре — быстрые, точные, как у пианиста. Когер.

Только не тот Когер, которого они знали в рейде. Не тот, который в плаще и маске. А обычный парень в футболке с логотипом какой-то энергетической дряни. Волосы слиплись. Глаза красные. Перед ним — экран стриминговой платформы.

Зарина узнала интерфейс. «Эдем-7» — PvP-арена. Рейтинг. Чат. И число зрителей. Один.

— Один, — сказала она. — Всего один.

— Один, — повторил Когер.

Он стоял у неё за спиной. Она не слышала, как он подошёл. Он всегда так — бесшумно. Она обернулась. Он смотрел на экран. На себя.

— Ты стримил.

— Да.

— И один зритель.

— Моя мама.

Он сказал это коротко, как всегда. Без жалости. Без надрыва. Констатация факта. Но в голосе — та самая горечь, которую он прятал за резкостью все эти недели.

— Она всегда смотрела, — сказал он. — Каждый стрим. Каждый рейд. Даже когда я проигрывал. Даже когда я сливал. Она сидела там. И смотрела.

— А ты?

— Я не знал.

— Не знал?

— Думал — бот.

Он помолчал. Руки сжались в кулаки. На экране — его двойник. Тот же самый. Сидит. Смотрит в чат. А в чате — пусто. Только одна строчка. От зрителя с ником «Мама_Лена».

«Ты молодец. Я в тебя верю.»

Когер выдохнул.

— Я это не читал, — сказал он. — Никогда. Думал — боты. Спам. Мусор. А это была она.

— Ты ей ответил?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я — Когер. Я не отвечаю. Я не благодарю. Я — дамагер. Я — лучший в PvP.

— Ты — бухгалтер.

Он дёрнулся. Как от удара. Но тут же замер. И Зарина увидела — он улыбается. Той самой улыбкой, которую не видно под маской. Уголками губ. Криво. Горько.

— Бухгалтер, — сказал он. — Да. Бухгалтер.

Он смотрел на экран. На себя. На маму, которая верила в него все эти годы. Все эти неудачные стримы. Все эти провальные рейды. Все эти ночи, когда он думал, что его никто не смотрит.

— Я хочу ей ответить, — сказал он.

— Тогда ответь.

— Я не могу. Я здесь.

— Ты вернёшься. И ответишь.

Камень мигнул. Окно с тёмной комнатой закрылось. И открылось другое.

Белое. Стерильное. Палата.

Зарина не сразу поняла, где это. Кровать. Капельница. Мониторы. И на кровати — Мелиса. Настоящая. Без эльфийских ушей. Без светящихся проводов. Обычная девушка с бледным лицом и красным носом.

— Это я, — сказала Мелиса.

Она сидела у подножия трона. Её всё ещё потряхивало после боя с Пэйчем. После исцеления. После всего. Но сейчас она смотрела не на артефакт — на себя в окне.

— Это моя палата, — сказала она. — Моя больница.

— Ты лежала там?

— Да. Три недели. С пневмонией.

Зарина молчала. Харон — тоже. Даже Когер не произнёс ни слова.

— Я поступила в медицинский, — сказала Мелиса. — Первый курс. И сразу — пневмония.

— Ты поэтому стала целителем? — спросил Харон.

— Да. Потому что я лежала и думала: я не могу лечить людей. Я сама больна. У меня аллергия на антибиотики. У меня ипохондрия. Я ставлю себе диагнозы по интернету. Я — худший целитель в мире.

— Но ты стала.

— Я стала им в игре. Потому что в реальности я боялась.

Она чихнула. Привычно. В ладонь. И окно в палате показало то же самое — Мелиса в кровати чихает, прижимая к лицу платок.

— Тогда я думала, что это конец. Что я никогда не выздоровею. И никогда не вернусь в институт. И никогда не стану врачом.

— Но ты выздоровела.

— Да. Через месяц. И вернулась. И доучилась до третьего курса.

— Ты — целительница, — сказала Зарина. — Настоящая.

— Нет. Я — студентка. Я ещё не сдала экзамены. У меня долги по анатомии. И по патологии. Я боюсь.

Она посмотрела на себя в окне. На ту девушку, которая боялась и всё равно пошла в медицинский. Которая лежала с пневмонией и всё равно вернулась. Которая ставила себе диагнозы по интернету и всё равно садилась за учебники.

— Я хочу сдать, — сказала она. — Я хочу стать врачом. Я хочу перестать бояться.

Камень засветился. Ярче. Сильнее. Он отвечал каждому. Каждому, кто говорил правду. Каждому, кто называл страх своим именем и всё равно шёл вперёд.

— Мы все чего-то боимся, — сказал Харон. — Это нормально.

— Это по-человечески, — добавила Зарина.

— Это — финальный рейд, — сказал Когер.

Все посмотрели на него. Даже Мелиса перестала чихать.

— Ты что, шутишь? — спросила Зарина.

— Нет. Это он и есть. Финальный рейд. Не босс. Не подземелье. А это. Понять, зачем ты здесь. И захотеть вернуться.

— И признаться в любви, — сказал Харон.

— И уволиться с работы.

— И выйти на сцену.

— И сдать экзамен.

Они смотрели друг на друга. Вокруг них — тронный зал, колонны, витражи, пыльный свет. А внутри — окна в их настоящую жизнь. В ту, которая ждёт. Которой они боялись.

— Я открою письмо, — сказала Зарина. — Я вернусь. И открою.

— Я отвечу маме, — сказал Когер. — Я скажу ей.

— Я сдам анатомию, — сказала Мелиса. — И патологию.

— А я — я скажу им, как меня зовут, — сказал Харон. — И уволюсь.

Камень вспыхнул. И погас. Но в тот момент, когда он погас, герои уже знали — это не конец. Это только начало.

Потому что самый сложный рейд — это не битва с боссом. Это возвращение домой.

Камень ещё светился — последними, затухающими искрами, — когда в углу тронного зала что-то хрустнуло. Сначала тихо, потом громче: будто кто-то ломал сухие ветки.

Зарина обернулась первой.

Там, где только что была стена, теперь зиял провал. Не чёрный — серый. Как экран выключенного телевизора. Из провала тянуло холодом и чем-то ещё. Запахом. Йодом. Хлоркой. Больницей.

— Это не портал, — сказала Мелиса.

Она подошла ближе. Вгляделась в серую рябь. Потом чихнула — и рябь разошлась кругами, как вода от камня. И проступило.

Коридор. Длинный. С лампочками дневного света. На стенах — выцветшие плакаты. «Гигиена рук». «Профилактика гриппа». Кафельный пол. Пахнет лекарствами.

— Это моя больница, — сказала Мелиса. — Моё отделение. Третья терапия.

— Ты уверена?

— Я там волонтерила. До болезни. До всего.

Она стояла на границе между тронным залом и больничным коридором. Одна нога — ещё в игре. Другая — уже там. В реальности. В прошлом.

— Я могу войти? — спросила она.

Никто не ответил. Даже Харон молчал. А Когер просто смотрел.

И тогда из провала донёсся голос. Женский. Усталый. Но живой.

— Мелиса? Ты опять? Я же сказала — домой. Ты после пневмонии. Тебе нельзя здесь находиться.

— Это старшая медсестра, — прошептала Мелиса. — Вера Ивановна.

— Какая ещё Вера Ивановна? Иди домой. У тебя завтра экзамен. Анатомия. Ты что, забыла?

Мелиса не ответила. Просто шагнула вперёд. И оказалась там.

Коридор. Кафель. Запах хлорки. Она обернулась — тронный зал всё ещё виднелся сквозь серую дымку. Там стояли Харон, Зарина и Когер. Смотрели на неё.

— Я быстро, — сказала она. — Я только.

— Только что?

— Только проверю кое-что.

Она пошла по коридору. Палаты. Двери. Таблички с фамилиями. Кто-то кашлял. Где-то работал телевизор. Всё как тогда. Всё как три года назад.

Она дошла до седьмой палаты. Толкнула дверь. И увидела.

Кровать. Капельница. Монитор. И на кровати — она сама. Та Мелиса. Бледная. С красным носом. Дышит тяжело. Рядом — мать. Сидит на стуле. Держит дочь за руку.

— Мелиса, — сказала мать. — Ты поправишься. Слышишь?

Та, на кровати, не ответила. Только чихнула. И снова закрыла глаза.

— Ты поправишься. Ты сильная. Ты справишься.

Настоящая Мелиса стояла в дверях и смотрела на себя. На ту, которая ещё не знает. Которая боится. Которая думает, что это конец.

— Я справилась, — прошептала она. — Мама, я справилась.

Женщина на стуле не обернулась. Не услышала.

— Ты не можешь с ней говорить, — раздалось за спиной.

Харон. Он тоже прошёл. Стоял в коридоре. Всё такой же огромный в своей броне. Но голос — тихий.

— Это прошлое. Оно уже случилось. Ты не можешь его изменить.

— А я не хочу менять. Я хочу сказать, что всё будет хорошо.

— Она и так это узнает. Через месяц. Когда выздоровеет.

Мелиса вытерла нос. Там, в кровати, она снова чихнула. И мать поправила одеяло. А за окном, за больничным окном, шёл снег. Первый снег в том году. Мелиса помнила его. Помнила, как смотрела в окно и думала: я больше никогда не увижу снега.

Свет погас. А когда Мелиса открыла глаза, она уже стояла в коридоре третьей терапии одна. Без Харона. Без Зарины. Без Когера. Только она и кафель. И запах хлорки. И тихий гул телевизора из ординаторской.

Она пошла. Не к выходу — к сестринской. Там, она знала, должен быть журнал. Журнал приёма передач. Тот самый. С потёртой обложкой. С надписью «Третья терапия». В нём — её фамилия. И её температура. И её назначения.

Дверь сестринской была приоткрыта. Мелиса толкнула её — тихо, чтобы не скрипнуть, — и вошла. Стол. Лампа. Журнал. Вера Ивановна сидела к ней спиной и что-то писала. Мелиса узнала этот почерк — крупный, аккуратный, почти детский. У Веры Ивановны всегда был такой почерк. Она говорила: «Это чтобы вы, студенты, не мучились. А то будете разбирать потом, как египетские иероглифы». Мелиса очень хотела, чтобы она обернулась. Но Вера Ивановна не обернулась. Только поправила очки

и перевернула страницу.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала Вера Ивановна, не поднимая головы. — Чувствую. Но смотреть не буду. Не положено.

— Почему не положено?

— Потому что ты уже ушла. Ты теперь не наша. Ты теперь сама.

Мелиса стояла и дышала этим воздухом — лекарственным, больничным, — и понимала, что Вера Ивановна права. Она теперь не пациент. Не волонтер. Она другая. Она прошла сквозь камень и вернулась. Она знает то, чего не знают здесь.

— А что мне делать? — спросила она.

Вера Ивановна всё-таки обернулась. Лицо у неё было то же самое — усталое, доброе, с прищуром. Только глаза смотрели иначе. Слишком прямо. Слишком, как бы это сказать, по-настоящему. Так смотрят люди, которые что-то знают.

— Иди и сдавай свою анатомию. А потом — живи. Просто живи.

— И всё?

— А тебе мало?

Мелиса подумала. О Хароне. О Зарине. О Когере. Сколько они прошли. Сколько отдали. Ради чего? Ради этого — ради того, чтобы просто жить.

— Нет, — ответила она. — Мне хватит.

Вера Ивановна кивнула и снова отвернулась к журналу. А Мелиса вышла в коридор и пошла к выходу из отделения. К лифтам. К гардеробу. К дверям с надписью «Центральный вход». И чем дальше она шла, тем светлее становилось вокруг. Не как в игре — искусственно, пиксельно. А по-настоящему. Как когда выходишь из больницы на улицу и понимаешь: снег. Первый снег.

Которого ты ждал.

Глава 13. Загрузка реальности

Лимб оказался коридором. Длинным, белым, с рядом дверей по обе стороны. Харон сразу узнал эти двери — офисные, с табличками «Отдел», «Приёмная», «Конференц-зал». Только таблички подсвечивались розовым, а над каждой висела иконка с мечом и циферкой уровня.

— Девяносто пятый, — прошептала Зарина. — Босс.

Харон подошёл ближе. Сквозь матовое стекло угадывались очертания стульев. Кулер. Растение в кадке. И фигура. Огромная, грузная, сидящая во главе стола.

— Это моё, — сказал он.

Никто не спросил чьё. Все и так поняли.

Он толкнул дверь и вошёл. Запахло кофе и бумагой. Игровой интерфейс сменил цвет с розового на грязно-бежевый — цвет офисных стен. В углу мигал баннер «Лучший сотрудник месяца». На нём — Харон, ещё живой, с кривой улыбкой и грамотой в руках. Только под фотографией подпись: «Награда за поражение».

— Я думал, тут будет дракон, — сказал Когер за спиной. — А тут — переговоры.

— Босс хуже дракона, — ответил Харон. — У дракона хотя бы есть слабые места.

Он шагнул вперёд. Стол. Стулья. Проектор. На белой доске — графики. Те самые, которые он рисовал два года. Кривая вниз. Эффективность. Конверсия.

— Харон? — Мелиса тронула его за плечо. — Ты чего?

Он не ответил. Смотрел на графики.

— Это правда? — спросила Зарина. — То, что мы видим?

— Это мой офис, — сказал Харон. — Моя работа.

Он подошёл к столу. Коснулся бумаг. Настоящие. Шершавые. С водяными знаками. Отчёт за квартал. Отчёт, который он писал четыре ночи подряд перед тем, как уйти в рейд. Перед тем, как надеть шлем.

— Я думал, я играл, — сказал он.

— Ты играл.

Когер стоял у другой двери. Табличка «Серверная». И иконка — замок девяносто пятого уровня.

— Ты просто не выходил из игры. Два года.

Харон посмотрел на свои руки. Броня. Наплечники. Шипы. Он сжал кулак и ударил по столу. Стол треснул. Настоящий. Не игровой. Деревянный.

— Я не выходил из игры два года?

— Ты не выходил из офиса, — сказала Мелиса. — Смотрел в монитор и думал, что это подземелье.

— А это?

Он обвёл рукой вокруг. Бежевые стены. Кулер. Фигус.

— Это офис, — сказала Зарина. — Твой офис. Ты просто не видел его.

— Я видел подземелье.

— Ты видел то, во что игра превратила твою работу.

Харон сел на стул. Настоящий. Скрипнул. Он снял шлем. Коснулся лица. Очки. Тонкая оправа. Он не помнил, когда последний раз смотрел на мир без поправки на интерфейс.

— Значит, так всё это время?

— Артефакт Фоновой Загрузки, — сказал Когер. — Не перенёс нас в игру. Он просто наложил игровой интерфейс на нашу реальность. Мы ходили по улицам. По своим квартирам. По офисам. А видели подземелья.

— А боссы?

— Начальники. Коллеги. Конкуренты.

Харон посмотрел на график. Кривая вниз. Эффективность. Конверсия.

— А Пэйч?

— Такой же, как ты, — сказала Зарина. — Только он пять лет в этом живёт. И не хочет выходить.

Дверь в конце коридора открылась. Медленно. Со скрипом. Харон встал. Надел шлем. Не потому что надо было — просто привык. Он пошёл к двери. За ним — остальные. Мелиса чихнула. Аллергия. Но теперь она знала: это не на ману. Это на ложь. И здесь, в офисе, лжи было много.

За дверью оказался кабинет начальника. Он сидел за столом. Огромный. Грузный. С табличкой «Генеральный директор». И над головой — полоска НР. Красная. Длинная. На десять тысяч пунктов.

— Харон, — сказал начальник. — Ты опоздал на совещание.

Голос был как из игры. Механический. Но Харон знал этот голос. Каждый день. Два года. «Ты опоздал». «Ты не справился». «Ты должен больше».

— Я не должен.

— Что?

— Я не должен больше.

Он снял шлем. Бросил на пол. Шлем покатился и замер у стула.

— Ты, — сказал Харон. — Ты не босс. Ты — моя работа. Моя старая работа. Та, на которую я ходил. Которую ненавидел. И которую игра превратила в подземелье, чтобы я не видел, что я просто сижу в офисе.

— Ты уволен, — сказал начальник.

— Я уволился. Два года назад.

— Ты всё ещё здесь.

— Нет.

Харон подошёл к столу. Наклонился. Посмотрел начальнику в глаза. Маленькие. С красными прожилками. Как у гоблина.

— Я ушёл. Я просто не знал об этом.

Он развернулся и пошёл к двери. За спиной загудел проектор. На экране — снова он. Снова та фотография. «Лучший сотрудник месяца». Только теперь подпись сменилась. «Награда за поражение. Но ты не проиграл».

— Это всё? — спросил Когер.

— Это только начало, — ответил Харон. — Теперь ты.

Он указал на другую дверь. С табличкой «Серверная». И иконкой замка. Когер подошёл. Взялся за ручку.

— Я не бухгалтер, — сказал он. — Я не боюсь.

— Открой.

Когер толкнул дверь. За ней — комната. Маленькая. С одним столом. С одним компьютером. На экране — стрим. Его стрим. Только вместо игры — таблица Excel. А в углу — чат. И в чате — один зритель. «Мама_Лена».

— Я думал, это бот, — сказал Когер.

Он сел за стол. Положил руки на клавиатуру. Настоящую. Не игровую. С затёртыми буквами. С крошками между клавиш.

— Я думал, я стримлю прохождения. А я стримил свою работу. Два года. И единственный зритель — моя мать.

— И она смотрела, — сказала Зарина. — Каждый день.

Когер кивнул. Написал в чат. Одно слово. «Спасибо». И вышел. Дверь закрылась. Иконка замка погасла.

— Остались двое, — сказал Харон.

— Мы уже были, — ответила Мелиса. — Я видела свою палату. Зарина видела своё письмо.

— Это другое.

Харон указал в конец коридора. Там, где был тупик. Но теперь — ещё одна дверь. Без таблички. Без иконки.

Просто дверь. Деревянная. Старая. С облупившейся краской.

— Что там? — спросила Зарина.

— Там — мы. Настоящие.

Он пошёл первым. Остальные — за ним. Мелиса чихнула. Зарина поправила провода в волосах. Когер накинул капюшон. Привычка. Но здесь, в этом коридоре, их аватары начали таять. Медленно. Слой за слоем. Броня Харона исчезала. Вместо неё — серая толстовка. Джинсы. Кроссовки. Он становился меньше. Худее. Обычнее. Настоящим.

— Я сейчас, — сказал он и открыл дверь.

За дверью пахло чернилами. Настоящими. Харон толкнул её — и замер на пороге.

Комната. Маленькая. С жёлтыми обоями в цветочек. У окна — стол. За столом — женщина. Она перебирала бумаги. Свет настольной лампы падал на её руки. На пальце — след от ручки. Синие чернила въелись в кожу.

— Мама?

Женщина не обернулась. Продолжала перебирать. Квитанции. Счета. Старые. Жёлтые. С печатями. Харон сделал шаг. Половицы скрипнули. Женщина вздохнула.

— Опять ты в кроссовках. По полу же холодно. Надень тапки.

— Мама, я...

— Я не мама. Я — твоя первая работа.

Женщина обернулась. Лицо — как у всех начальников сразу. Складка у рта. Усталые глаза. Привычка смотреть поверх очков.

— Ты устроился туда бухгалтером. Двадцать два года. Сразу после института.

Харон опустил на табурет. У окна. Старый. С вышитой подушкой.

— Я помню. Я проработал там месяц.

— Ты проработал там неделю. А потом уволился. Потому что было скучно. Потому что хотелось в IT. Потому что «там платят больше».

Она пододвинула к нему стопку. Квитанции. Все с одной подписью. Его подписью.

— Я думала, ты вернёшься. Но ты не вернулся. Ты просто... перестал приходить.

— Я уволился.

— Ты не уволился. Ты исчез. А я ждала. Каждый день. Два года.

Харон смотрел на квитанции. Знакомый почерк. Цифры. Сальдо. Ведомость. Всё это он видел раньше. В других офисах. На других столах. Но не здесь. Не в этой комнате.

— Я думал, это скучно. Я хотел приключений.

— Ты хотел сбежать. Из этой комнаты. От этих бумаг. От меня.

Она встала. Подошла к окну. За окном — двор. Детская площадка. Качели. И снег. Первый снег. Харон вспомнил. Нет. Не вспомнил — увидел. Себя. Маленького. В варежках. Мама ведёт в школу. Первый класс. Линейка. Цветы.

— Ты боялся, что будешь как я. Сидеть за столом. Считать чужие деньги. Ходить в одной и той же кофте. Годами.

— Я боялся...

— Ты боялся, что тебя не заметят. Что ты будешь просто Харон Из Отдела. И никто не спросит, как тебя зовут на самом деле.

Она отвернулась от окна. Теперь лицо было другим. Моложе. Спокойнее.

— Я заметила. Я всегда замечала. Ты приходил — и в комнате становилось теплее. Ты уходил — и квитанции лежали ровнее. Потому что ты их трогал.

— Я ничего такого не делал.

— Ты просто был. Этого хватало.

Харон посмотрел на свои руки. Кроссовки. Джинсы. Серая толстовка. Никакой брони. Только он. Настоящий. И женщина. Которая не мама. Которая — первая работа. Которая его ждала.

— Я не вернусь, — сказал он.

— Знаю. Но теперь ты ушёл правильно. Не исчез. Пришёл и сказал.

Она протянула ему руку. Харон взял её. Пальцы тёплые. Как у мамы. Как у всех, кто ждал его и не дождался.

— Иди, — сказала женщина.

Она отпустила его руку. Харон пошёл к двери. У порога обернулся. Женщина уже сидела к нему спиной. Перебирала бумаги. За окном падал снег.

В коридоре горел розовый. Игровой. Но теперь Харон знал: это не цвет интерфейса. Это цвет его старой лампы. Той, что стояла на письменном столе. В комнате с жёлтыми обоями.

Он пошёл по коридору. Быстро. Мимо стульев. Мимо кулера. В конец. Туда, где ждали остальные.

— Ты всё? — спросила Зарина.

— Я ушёл.

— С первой работы?

— Да.

— А как же офис? Начальник? Графики?

— Это потом. Сначала — первая.

Харон посмотрел на Зарину. Она теребила провод в волосах. Светящийся. Как гирлянда. Как та, что они

вешали с мамой на Новый год. В комнате с жёлтыми обоями.

— Теперь давай ты, — сказал он.

— Я боюсь.

— Мы все боимся. Но мы идём.

Слева открылась дверь. Та самая. С табличкой и иконкой. Харон не видел, что на ней написано. Но знал: каждый проходит свой уровень. Свой квест. Свой отчёт.

— Я подожду, — сказал он. — Иди.

Зарина кивнула. Медленно. Поправила волосы. И шагнула в комнату. Дверь закрылась. Харон остался в коридоре один.

— Ты думаешь, у неё получится? — спросила Мелиса из темноты.

— У неё нет другого выхода.

— У всех нас нет.

Харон сел на пол. Прислонился к стене. Коридор гудел. Как серверная. Как старая лампа на письменном столе. Он закрыл глаза. И снова увидел снег. Первый снег в том году. И маму. Которая вела его в школу. В первый класс. На линейку. С цветами.

Мелиса вышла из тени. Села рядом. На пол. Прямо в своём платье со сколами. Прислонилась спиной к стене.

— Я свою первую работу ненавидела, — сказала она. — Кассирша в супермаркете. Три месяца. Уволили за недостачу.

— А недостача была?

— Конечно. Я брала деньги из кассы.

Харон открыл глаза. Посмотрел на неё. Мелиса пожала плечами.

— Мне было семнадцать. Я хотела купить билет на поезд. Уехать. Далеко.

— Уехала?

— Нет. Мать нашла деньги в рюкзаке. Отвела обратно в магазин. Заставила извиниться перед администратором. Я стояла и плакала. А он кивал. Такой важный. В галстуке. И говорил: «Ничего. Бывает. Повзрослеет — поймёт».

Мелиса вытянула ноги в тяжёлых ботинках. Носки с дыркой. Харон заметил. Она не прятала.

— Я сказала ему: «Вы меня ещё вспомните». А он засмеялся. И сказал: «Конечно. Всех помню. Кого уволил».

Мелиса замолчала. Коридор гудел ровнее. Как дыхание. Как будто слушал.

— Интересно, а Грегу что выпадет? — спросила она. — Его первая работа. Он же вроде на заводе работал? Или на стройке?

— На стройке.

— Ну да. Такие плечи. И руки. Он ими, наверное, бетон мешал.

— Он ими людей ломал.

— Это потом. Сначала — бетон.

Харон ничего не ответил. Дверь с табличкой не открывалась. Свет не менялся. Время шло. Или не шло — в этом коридоре никогда не угадаешь.

— А знаешь, что самое страшное? — Мелиса повернулась к нему. — Что она там увидит. Зарина. Что бы там ни было — это будет про неё. Не про кого-то. Про неё саму.

— Как у всех.

— Как у всех. Но когда это — ты, это другое.

Харон поднялся. Размял плечи. Посмотрел на дверь. Никакой иконки. Только табличка. И розовый отсвет.

— У меня первая работа была в библиотеке, — сказал он тихо.

Мелиса подняла бровь.

— Ты? В библиотеке?

— Я расставлял книги. По алфавиту. По разделам. Полгода. Меня взяли на лето. После девятого класса.

— И как?

— Я прочитал всё. От А до Я. Кроме буквы Ё. У нас таких книг не было.

— Уволили?

— Я ушёл сам. В августе. Мне надо было в школу. А заведующая плакала. Говорила: «Кто же теперь будет менять лампочки?» Я один дотягивался до потолка.

Мелиса рассмеялась. Тихо. Как будто внутри у неё что-то звякнуло. Харон не улыбнулся, но стало легче. Как будто он отдал ей часть своего прошлого. И от этого оно стало меньше весить.

— Лампочки, — повторила Мелиса. — Надо же. А я думала — ты сразу мечом махал.

— Нет. Сначала — стремянка.

Дверь открылась. Зарина вышла. Глаза у неё были красные, но лицо спокойное. Такое спокойное, каким оно не было даже в самые тихие минуты.

— Я ушла, — сказала она. — По-настоящему. Не как тогда.

— Получилось? — спросила Мелиса.

— Не знаю. Но я сказала. Всё, что не сказала тогда.

Зарина села рядом. Прямо на пол. Провод в волосах погас. Стал просто проводом. Никакой магии.

— Там была комната. С такими же обоями. И стол. И телефон. Старый. С диском. Я набирала номер. А там — мамин голос. Из прошлого. Из того дня, когда я не пришла.

— И что ты сказала?

— Что я не пришла, потому что струсил. Потому что не хотела её расстраивать. А она сказала: «Я знаю. Я

всегда знала».

Харон посмотрел на Зарину. Она сидела, обхватив колени руками. Маленькая. Как тогда. В первый день. Когда только появилась на пороге их офиса. С этим дурацким проводом в волосах. С горящими глазами. И никому не верила.

— Теперь я могу идти дальше? — спросила она.

— Можешь, — сказал Харон.

Коридор снова загудел. Но теперь по-другому. Будто отпускал их. По одному. Как старые лампочки. Как книги, расставленные по алфавиту. Как квитанции с подписью. Как слёзы в кабинете администратора.

— А где Грег? — спросила Мелиса.

— Ждёт.

— Он всегда ждёт. Он вообще умеет ждать. Как никто из нас.

— Потому что на стройке первое, чему учат, — это ждать. Бетон. Пока схватится. Техника безопасности. Зарплата. Всё это — ожидание.

Где-то далеко хлопнула дверь. Шаги. Тяжёлые. Грег подошёл. Сел рядом. Ничего не сказал. Посмотрел на них — и отвернулся к стене.

— Тяжело? — спросила Зарина.

— Нормально. Там просто бетон.

— И всё?

— И всё.

Но Харон видел: руки у Грега дрожали. Те самые руки, которые мешали бетон. Ломали людей. А теперь дрожали. Как у мальчишки.

— Я пошёл первым, — сказал Харон. — Теперь вы. Потом — остальные. Мы пройдем. Весь коридор. Все комнаты. И выйдем.

— Куда? — спросила Мелиса.

— В первый снег. Как тогда. Помнишь?

Никто не ответил. Но все знали: он говорит правду. Потому что никто из них ещё не видел первого снега после всего этого. После подвалов. После игровых автоматов. После розового света.

Зарина поднялась с пола. Отряхнула джинсы — старая привычка, ещё школьная, — и посмотрела на дверь.

— Там, — сказала она. — Там стол. И телефонный аппарат. И мамин голос. Я думала, это экзамен. Как в школе. Ответишь неправильно — и всё, провал.

— А это что? — спросила Мелиса.

— Свидание.

Она сказала это так просто, что Харон не сразу понял. А когда понял — Зарина уже пошла. Не к двери, откуда вышла. К другой. Маленькой. Почти незаметной. С замызанной табличкой «Поликлиника № 4».

— Мне надо ещё, — сказала она. — Я не всё сказала.

Харон хотел остановить её. Не потому что боялся — потому что знал: второй раз всегда труднее. Но Зарина уже толкнула дверь и вошла. И дверь закрылась. И коридор снова загудел.

— Она сильная, — сказала Мелиса.

— Она не сильная. Она честная. Это другое.

Грег поднялся. Отряхнул колени. Посмотрел на Харона — долгим взглядом, каким смотрят на того, кто должен решать. Харон кивнул. Грег пошёл к своей двери. К той, что с запахом бетона и стройки.

— Я быстро, — сказал он.

И скрылся.

Харон и Мелиса остались вдвоём.

— Ты когда-нибудь думал, что всё так обернётся? — спросила она.

— Я вообще не думал, что обернётся. Я думал, это просто игра.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что игра — это самая честная часть моей жизни.

Мелиса чихнула. Привычно. Но теперь Харон слышал в этом чихе не аллергию. Страх. Тот самый, про который она молчала все эти недели.

— Ты знаешь, — сказал он. — Про себя. Про страх.

— Знаю.

— И что?

— Ничего. Знать — мало.

Она подошла к двери поликлиники. Приложила ладонь. Дерево тёплое. Как будто изнутри кто-то грел. Как будто там ждали.

— Я боялась отвечать. Всегда. С первого курса. Мне говорили: «Мелиса, ты же умная. Ты же всё знаешь». А я молчала. Потому что боялась ошибиться. Лучше промолчать, чем ляпнуть не то.

— Это не страх ошибки.

— Нет.

Она отняла руку от двери. Посмотрела на Харона. Лицо спокойное. Но Харон видел, как она сжимает зубы.

— Я боялась, что если я отвечу правильно — меня заметят. И тогда придётся отвечать дальше. И ещё. И ещё. И всю жизнь. А я хотела, чтобы меня оставили в покое. Я хотела просто жить. Не отвечать. Не быть главной.

— А теперь?

— А теперь я главная. В своей жизни.

Дверь поликлиники открылась. Никто не вышел. Просто открылась. Зарина стояла на пороге. Лицо мокрое. Провод в волосах не горел. Она вытирала нос рукавом — но не тем, игровым, а простым, вязаным. Свитер был ей

велик. На три размера. Харон узнал этот свитер. Он видел его. В тот самый день, когда Зарина впервые вошла в офис. Она тогда была в том же свитере.

— Я ему сказала, — прошептала Зарина.

— Кому?

— Ему. Тому. Кого нет. Кого я сама выдумала. Я ему сказала: «Ты был. Ты был моим чудом. Но теперь — всё. Я дальше сама».

Она вышла в коридор. Села. Закрыла лицо руками. Провод в волосах погас — теперь это был просто мусор.

— Я думала, это про маму. Про то, что я ей не сказала. А это про него. Про выдуманного. Я его придумала, чтобы не жить по-настоящему. Чтобы ждать.

— Принца, — сказала Мелиса.

— Нет. Не принца. Просто человека. Который придёт и всё решит. А он не пришёл. Потому что не мог. Я его придумала. И потом ждала. В школе. В институте. Везде.

— А теперь?

— А теперь я сама.

Харон молчал. Он знал, что это — самый важный разговор. Не с боссом, не с начальником, не с Пэйчем. А вот этот. В коридоре. На полу.

Дверь напротив открылась. Вышел Грег. За ним — облако бетонной пыли. Он кашлянул.

— Я уволился.

— Как?

— Сказал: «Я ухожу. Навсегда. Не держите». А прораб сказал: «Держать не буду. Но ты должен. Должен вернуться и сдать каску». Я сказал: «Вернусь». И вышел.

Грег сел рядом с Зариной. Положил руку на плечо. Тяжёлую. Но Зарина не шелохнулась.

— Мы все что-то должны, — сказала Мелиса. — Каски. Квитанции. Ответы.

— И признания, — добавил Харон.

Коридор мигнул. Розовый свет стал ярче — а потом потускнел, будто кто-то сэкономил электричество. Харон знал этот свет. В их офисе так же мигали лампы, когда начальник уходил домой, а они оставались. Доделывать. Переделывать. Ждать.

— Кнопка, — сказала Зарина. — Я её видела.

— Где?

— В интерфейсе. Когда говорила с мамой. Она была. Маленькая. В углу.

— Что за кнопка?

— «Признаться».

Харон открыл свой интерфейс. Тот самый. Розовый. Надоевший. Но теперь — с новым пунктом. В меню «Квесты». Ниже «Уволиться» — «Признаться». И галочка. Пока пустая.

— Это не выход, — сказал он.

— Нет. Это вход.

— В реальность.

— В себя.

Зарина встала. Подошла к Харону. Взяла за руку — просто, как будто делала это сто раз.

Она нажала кнопку. Не в интерфейсе — в себе. Как будто что-то отпустила. Провод в волосах вспыхнул — но не магией. Обычным светом. Как лампочка. Как свеча.

— Я тебя... — начала она.

И тут коридор взорвался. Не светом — тишиной. Такой громкой, что заложило уши. Харон обернулся. В конце коридора стоял Пэйч. Без доспехов. Без оружия. В старом свитере. В тапках. Как будто только что вышел из дома.

— Не надо, — сказал Пэйч. — Не говори.

— Я скажу, — ответила Зарина. — Ты мне не указ.

— Я знаю. Но ты потом пожалеешь.

— О чём? О том, что я живая?

Пэйч молчал. Он стоял в этом дурацком свитере и смотрел на них. На всех четверых. На тех, кто прошёл. Кто вернулся. Кто ещё не решился.

— Я пять лет, — сказал он. — Пять лет я нажимал на «Выход». А потом перестал. Потому что никто не открыл. Никто не пришёл. Никто не спросил, как меня зовут.

— А сейчас?

— А сейчас пришли вы. И я боюсь.

— Чего?

— Что вы уйдёте. И я останусь один.

Харон шагнул к нему. Пэйч не отступил. Только втянул голову в плечи — привычка, старая, ещё с детства. Харон узнал этот жест. Так делал он сам. Когда боялся.

— Ты не останешься, — сказал Харон. — Ты пойдёшь с нами.

— Я не могу. Я не умею. Я пять лет не жил.

— Значит, научишься.

— А если не смогу?

— Тогда умрёшь. Но по-настоящему. Не здесь.

Пэйч смотрел на них. На Зарину. На Мелису. На Грега. На Харона. И в его глазах, в этих старых, усталых глазах, что-то дрогнуло.

— Я боялся, — сказал он. — Не выхода. А того, что будет после. Я пять лет саботировал группы. Не говорил им правды. Не потому что врал — потому что боялся. Что они уйдут. Что я останусь один. Здесь. Навсегда.

Он замолчал. Коридор молчал вместе с ним.

— И что теперь? — спросил Грег.

— А теперь — правда, — сказал Пэйч. — Я боялся. Но вы прошли. Вы вышли. И я хочу с вами.

Зарина посмотрела на Харона. Тот кивнул. Она повернулась к Пэйчу.

— Ты нам врёшь. Прямо сейчас. Я чувствую.

— Я не вру.

— Врёшь. Я знаю.

Она чихнула. Не от аллергии — от правды. Пэйч отшатнулся.

— Ты...

— Я. Я знаю, когда ты врёшь. Потому что я сама такая. Я тоже врала. Всем. Себе. Маме. Ему. Ей. Я врала, что у меня всё хорошо. Что я справлюсь. Что я не боюсь.

— Я не вру.

— Врёшь. Ты боишься, что мы уйдём. Но ты ещё больше боишься, что мы останемся. Потому что тогда тебе придётся жить. По-настоящему. Не в игре. А там, где больно. Где страшно. Где — жизнь. Не игра.

Пэйч опустился на пол. Прямо в тапках. Прямо на холодный кафель. Он сидел и смотрел на них снизу вверх. И в этом взгляде не было ни превосходства, ни цинизма — только страх. Голый, неприкрытый, как старая рана.

— Я пять лет, — сказал он. — Пять лет я никому не говорил «нет». Никому не говорил «да». Только «следующий». Только «следующий уровень». «Следующий квест». А вы пришли и всё сломали. Вы заставили меня вспомнить, что я не просто Пэйч.

— Что? — спросил Харон.

— Что я могу уйти. И что после этого — жизнь.

Он закрыл лицо руками. Плечи дрожали. Старая кофта обтягивала спину. Харон подошёл и сел рядом. На холодный пол. В коридоре. Без брони. Без оружия. Просто человек.

— Меня зовут Женя, — сказал Пэйч. — Женя. Я из Воронежа.

— Я — Паша, — ответил Харон. — Из Москвы.

— Я — Зарина. Из Питера.

— Я — Мелиса. Из Казани.

— Я — Грег. Из Нижнего.

Пэйч поднял голову. Посмотрел на них — по очереди, как будто видел впервые. И улыбнулся. Не криво, не одними уголками губ. По-настоящему.

— Я думал, это конец, — сказал он. — А это начало.

Коридор загудел ровнее. Розовый свет стал мягче. Как утренний. Как тот, что бывает в пять утра, когда ещё не рассвело, но уже понятно: ночь кончилась.

— Идём, — сказал Харон. — Идём все вместе.

— Куда?

— На улицу. Смотреть снег.

Пэйч встал. Постоял. Отряхнул колени. Свитер был старый, с катышками. Харон заметил: на рукаве — дырка. Как у него самого когда-то. Когда он ещё был Пашей. Из Москвы.

— Я пойду, — сказал Пэйч. — Но я не обещаю, что дойду.

— Ты дойдёшь. Ты пять лет ждал. Дойдёшь.

Зарина взяла его за руку. Пэйч дёрнулся — но не вырвал. Так и пошёл. Следом. Как маленький. Как все они когда-то.

В конце коридора открылась дверь. Не та, что с табличкой. Не та, что с иконкой. Просто дверь. Деревянная. С облупившейся краской. За ней — улица. Снег. Первый.

— Я боюсь, — сказал Пэйч.

— Мы все боимся.

Харон толкнул дверь. Холодный воздух ударил в лицо. Настоящий. Не игровой. С запахом бензина и мокрого асфальта. Снег падал крупными хлопьями. Как в детстве. Как в первый класс. Как в тот год, когда Харон ушёл из библиотеки.

— Выходи, — сказал он. — Там не страшно. Там просто жизнь.

Пэйч сделал шаг. Потом ещё один. И ещё. И вышел на крыльцо. Постоял. Вдохнул. И заплакал. Тихо. Беззвучно. Как плачут те, кто пять лет не видел снега.

Глава 14. Самый сложный рейд

Зарина толкнула стеклянную дверь кофейни «Три поросёнка».

Никаких трёх поросят внутри не было. Обычные столики. Обычные люди с ноутбуками. Обычная барная стойка с сиропами и картонными стаканчиками. Она замерла на пороге, вцепившись в ремешок сумки. Неделя после возвращения. Неделя без проводов в волосах, без розовых всплывающих окон, без ежеминутного страха, что следующая ошибка — последняя. Неделя — а она всё ещё ищет взглядом индикатор маны и жмётся к стенам, как перед патрулём Сборщиков.

Она опоздала на двенадцать минут.

Харон сидел у окна. Он был без шлема. Без наплечников. Без оркских клыков. Просто парень в сером свитере, сутулый, с чашкой чая. Заметно, как он нервничает: пальцы отбивают дробь по столу, плечи поджаты, взгляд — в стол. Рядом с ним — ещё двое. Девушка в очках и с короткой стрижкой, похожая на библиотекаршу. И парень в футболке с логотипом какого-то нёрд-подкаста, с прыщами на лбу. Он первым заметил Зарину и махнул рукой — резко, дёргано, привычно.

— Опаздываешь, мейдж, — сказал он. — Типичный КПД.

Когер.

Зарина моргнула. Без маски. Без плаща. Просто парень. С прыщами. И голос тот же — резкий, короткий, как лог комбата. Рядом с ним — Мелиса. Без эльфийских ушей. Без покрасневшего носа. Без платка. Обычная. С кружкой латте. С книжкой в мягкой обложке. Смотрит

поверх очков, чуть щурится, как будто тоже не может поверить.

— Ты опоздала, — сказала Мелиса. — То есть мы не то чтобы ждали ровно в одиннадцать. Мы просто... Ну, мы пришли пораньше. На всякий случай. А ты опоздала. Это нормально. Я тоже иногда опаздываю. Особенно когда нервничаю. А ты нервничаешь?

— Я... — Зарина запнулась. — Я просто автобус ждала. А он не пришёл. Пришлось пешком. У вас тут... у вас тут всё по-другому. Без навигации.

— Садись, — сказал Харон.

Она села. Стул был жёсткий. Кофе пах горько и вкусно. Харон подвинул ей чашку — уже заказал, заранее. Капучино. С корицей. С пенкой. Сердце стукнуло где-то в горле.

— Спасибо, — сказала Зарина. — Я не знала, что ты помнишь.

— Помню.

Повисла тишина. Не та, что в игре перед боем, а другая — человеческая, тёплая, чуть неловкая. Когер отвернулся к окну, делая вид, что его интересует проезжающий мимо троллейбус. Мелиса уткнулась в книжку, притворяясь, что читает. Но Зарина видела: пальцы у Мелисы дрожат. И у неё самой — тоже. И у Харона.

— Я уволилась, — сказала Зарина.

Харон поднял голову.

— Вот так. Взяла и уволилась.

— А как же... ну, ты говорила, что там стабильно. Что мама расстроится. Что ты боялась.

— Перестала бояться. — Она отхлебнула кофе. — Маме сказала. Она поплакала. Но потом согласилась. Сказала: «Если тебе там было плохо — не надо». Я думала, будет скандал. А получилось — разговор. Нормальный.

Человеческий.

— Поздравляю, — сказал Когер. — Я тоже уволился.

— Ты? — Мелиса уронила книжку. — То есть я хотела сказать — ты серьёзно? Вот так просто взял и уволился? А как же твой стрим? Твоя аудитория? Твоя...

— Аудитория из одного человека, — перебил Когер. — Моя мама. Два года смотрела. Каждый день. Я думал — бот. А это была она. Всё это время.

Он замолчал. Потом продолжил — тише, медленнее обычного:

— Я пришёл на работу. Сел за стол. Открыл Excel. И понял, что не могу. Не хочу. Позвал начальника. Сказал: «Я увольняюсь». Он спросил — почему. А я ответил: «Потому что у меня есть аудитория. Один человек. Но самый важный». Он не понял. А я ушёл. И всё.

Мелиса смотрела на него, приоткрыв рот.

— Я тоже, — сказала она вдруг. — То есть я не уволилась. Я ещё учусь. Но я перестала бояться. Раньше я всё время думала: а вдруг у меня какая-нибудь болезнь? А вдруг я заразная? А вдруг я умру? А теперь — не думаю. То есть думаю, но не так. Не всё время. Иногда я даже забываю.

— А экзамены? — спросила Зарина.

— Сдала. На четвёрки. Две четвёрки и один трояк. Но я сдала. Сидела и писала. И не чихала. Почти. Один раз всё-таки чихнула. Но это была просто пыль. Не аллергия. Не баг. Просто пыль.

Она улыбнулась — широко, открыто, как никогда не улыбалась в игре. И Зарина вдруг поняла: Мелиса красивая. Обычная, земная, человеческая красота. Не эльфийская. Не глянцева. А та, что прячется за очками и тревогой. Та, что вылезает наружу, когда человек перестаёт бояться.

— А ты? — спросила Зарина. — Ты признался?

Харон кивнул.

— Признался.

— Кому?

— Тебе.

Он смотрел прямо. Не отводил взгляд. Не прятал. Как тогда, в лимбе, когда назвал своё имя. Только теперь он был не в доспехах, а в сером свитере. И это было страшнее любого рейда.

— Я... — Зарина запнулась. — Я думала, ты пошутил. Тогда. В коридоре. Ну, что это всё — игра. Что я тебе не...

— Не пошутил, — перебил Харон. — Я не умею шутить. Ты знаешь. Я технарь. У меня с этим плохо. С шутками. И с признаниями. И со всем остальным. Но я не шучу. Я тебя выбрал. Ещё там. В игре. И сейчас — тоже.

Когер кашлянул.

— Ребята, — сказал он. — Это мило. Но тут люди. И кофе. И вообще.

— Завидуешь? — спросила Мелиса.

— Нет. Просто говорю.

— Завидуешь. Я вижу.

— Ничего ты не видишь. Ты в очках.

— Очки не мешают видеть, когда человек врёт.

Они засмеялись. Все четверо. Громко — так, что обернулись посетители за соседними столиками. И вдруг стало всё равно: кто смотрит, кто думает, кто осуждает. Потому что это был смех не над шуткой, а над тем, что они живы. Они вышли. Они здесь. И они — вместе.

Зарина посмотрела на свои руки. Обычные. Без интерфейса. Без иконок. Без подсказок. Только тонкий шрам на запястье — напоминание о той ночи, когда она упала в шахте и Харон её поймал. Он тогда сказал: «Держись». И она держалась. И держится до сих пор.

— Я боялась, что вы не придёте, — сказала она. — Что всё это — только в игре. А в реальности — каждый сам по себе.

— Это и есть реальность, — ответил Харон. — Мы здесь. Вместе. Это и есть выход.

Он протянул руку. Она взяла. Ладонь была тёплая, чуть влажная, с мозолью на большом пальце — видимо, от клавиатуры. Зарина сжала её и не отпустила. В окне падал снег. Не первый. Но настоящий.

— Я поступила, — сказала Мелиса.

Она произнесла это тихо, но все обернулись. Даже Когер перестал коситься на троллейбус. Мелиса поправила очки и уставилась в свою кружку. Кофейная пенка осела на стенках.

— В медицинский, — добавила она. — То есть меня зачислили. Позавчера. Я хотела сказать сразу, но как-то... ну, не было момента. А теперь есть. Теперь я говорю.

Зарина подалась вперёд.

— Это же круто! Ты чего молчала?

— Я боялась, что вы подумаете... ну, что я хвастаюсь. Или что это неважно. А это важно. Для меня. Очень.

Она снова поправила очки — привычным жестом, который Зарина видела сотни раз в игре, когда Мелиса нервничала перед кастом. Только теперь не было ни посоха, ни мантии, ни баффующего света. Обычная девушка в обычной кофейне. И всё равно — жест остался тот же. Зарина вдруг поняла: они все остались теми же. Просто теперь — без декораций.

— Я тоже кое-что сделал, — сказал Когер. — Кроме увольнения.

— Что? — спросила Мелиса.

— Позвонил матери.

Он отодвинул чашку. Сложил руки на столе — как будто готовился к длинному комбат-логу.

— Два года не звонил. Вообще. Только стримы. А вчера набрал номер. Она трубку взяла — и молчит. Минуту. Я тоже молчал. Потом говорю: «Мам, это я». И она заплакала.

Когер замолчал. Пальцы сжались в замок.

— Она не плакала два года. Ждала. Каждый день смотрела мои стримы. Как я мобов режу, как я лут собираю. Она ни черта не понимала в этом, но смотрела. Потому что это был я. Голос. Движения. Её сын.

Зарина почувствовала, как что-то сжимается в горле. Она не плакала. Просто смотрела на Когера — на его прыщи, на его дёрганные пальцы, на его майку с нёрд-подкастом. И видела не разбойника в плаще, а человека. Живого. Настоящего.

— Я сказал ей «прости», — продолжил Когер. — И «спасибо». Два слова. Два года собирался. А сказал — за две секунды.

— Это самый короткий спидран, — сказал Харон.

Когер фыркнул. Коротко. Резко. Как всегда.

— Спидран — да. Но челлендж — тот ещё.

Они помолчали. Харон смотрел в окно, где снег уже не падал, а лежал ровным белым слоем. Зарина смотрела на Харона. Мелиса смотрела на них обоих. Когер просто смотрел в свою чашку. И тишина была не гнетущей, а уютной — как старая кофта, которую не выкидываешь, потому что в ней тепло.

— А знаете, — сказала вдруг Зарина, — у меня тут всплыло.

Она показала глазами вверх. Все поняли. Интерфейс. Остаточный. Неделю уже висит — прозрачный, едва заметный, как водяной знак на дешёвой бумаге. У каждого

свой.

— У меня над вами сейчас горит, — сказала она.

— Что? — спросил Харон.

— «Уровень смелости: 100». У каждого.

Мелиса подняла глаза к потолку, будто могла увидеть чужой интерфейс.

— У меня тоже.

— И у меня, — сказал Когер. — Висит. Не убирается. Я пробовал отключить через настройки — нет такой опции. Похоже, это навсегда.

— А у меня ещё одно висит, — сказала Мелиса. — «Достижение: Страх принят». Не знаю, как это перевести. Ну, то есть дословно — «принятие страха». Это как ачивка, только не игровая. Я её получила, когда на экзамен шла. Думала — провалюсь. А потом — чихнула. И всё прошло. И экзамен, и страх.

— Так это же твой баг, — сказал Когер. — Был багом. А стал фичей.

— Я теперь так и думаю. Что я не багнутая. А просто с фичей.

Зарина улыбнулась. Мелиса ответила ей тем же. И вдруг стало ясно: они все — с фичами. Харон со своей неуклюжей прямоотой. Когер со своим вечным сарказмом. Мелиса с её чиханием. Зарина — с её страхом.

— Я сегодня утром стояла на остановке, — сказала Зарина. — И подумала: а ведь это и есть финальный рейд. Не тот, что в игре. А этот. Где надо просто жить.

Харон кивнул.

— Самый сложный рейд.

— И самый долгий, — добавила Мелиса. — Но у нас теперь есть опыт.

— И лут, — сказал Когер.

Они засмеялись. Обернулись опять — но теперь им было всё равно. Зарина взяла Харона за руку, и тот не отдёрнул. Мелиса поправила очки и улыбнулась своим мыслям. Когер достал телефон, открыл чат с матерью и написал: «Я тебя люблю». Ответ пришёл через секунду — короткий, без знаков препинания, но с сердцем в конце.

Снег за окном перестал.

— Мне пора, — сказала Мелиса. — У меня лекция через час. Я теперь не опаздываю.

— У меня тоже дела, — сказал Когер. — Мама ждёт. Хочет научить меня готовить борщ. Говорит, стример должен уметь готовить.

— А мы? — спросила Зарина у Харона.

— А мы пойдём пешком. Тут недалеко. Километров семь.

— Семь — это недалеко.

Он улыбнулся. Она тоже. Мелиса подхватила сумку, Когер — рюкзак. Они вышли из кофейни на улицу. Интерфейс мигнул и обновился. Над каждым теперь горело: «Квест: жить дальше». И статус: «В процессе».

— А я проиграл, — сказал Харон.

Он достал телефон. На экране — фото. Харон — в спортивном зале, в футболке, без свитера. Рука лежит на столе для армрестлинга. Рядом — здоровенный мужик с усами и бицепсами размером с башню.

— Это кто? — спросила Зарина.

— Семёныч. Тренер. Он меня уложил за три секунды.

— Ты проиграл.

— Да. С треском. С позором. Со счётом 0:3.

— И ты доволен.

Харон убрал телефон. Посмотрел на свои ладони — те же, что держали щит, что ломали вагонетки, что подхватывали Зарину в шахте.

— Я боялся этого пять лет. Ещё до игры. Ещё в школе. Думал: проиграю — и всё. Конец. Буду неудачником. А я проиграл. И ничего. Жив. Даже весело было.

— Орк-танк проиграл в армрестлинг, — сказал Когер. — Это теперь мем. Я его запомню.

— Записывай, — сказал Харон. — Я тебе ещё фотку пришлю. Семёныч меня потом научил правильный хват делать. Сказал: «Придёшь через месяц — победишь». Я приду. Он хороший мужик. Бывший десантник.

Мелиса отодвинула книжку и подалась вперёд.

— Это же здорово. То есть ты теперь будешь заниматься? Армрестлингом? Серьёзно?

— Серьёзно. Мне нравится. Там всё честно. Ты жмёшь — и либо ломаешь руку, либо нет. Никакой магии. Только физика.

— Ты и физик, — сказала Зарина.

— Да. Но теперь — практик.

Когер кашлянул.

— Ну раз уж тут все признаются, у меня тоже новость. Две.

Он выпрямился на стуле. Замер на секунду — как перед кастом невидимости. Только кастовать было нечего. Обычный парень в майке с подкастом.

— Первое: я закрыл стрим. Совсем. Удалил канал.

— Как?..

— Вот так. Взял и удалил. Я два года стримил — и всё в пустоту. А потом понял: это не пустота. Там была мама. Но мама увидит меня вживую. А стрим... это был не я. Это был персонаж. Разбойник. Когер. Которому нужна аудитория. А мне нужна мама.

Он помолчал. Провёл пальцем по кромке чашки.

— Второе. Я начал вести курсы. Да. Для бухгалтеров. По Excel. По макросам. По автоматизации. Я им объясняю,

как не делать двойную работу. Как упростить расчёты. Сегодня было первое занятие.

— И как? — спросила Мелиса.

— Сидели. Писали. Один сказал, что я слишком быстро объясняю макросы. Другой спросил, можно ли записать. А третий вообще не понял. Но они заплатили. Семь человек. Полторы тысячи с носа.

— Семь человек — это уже рейд, — заметил Харон.

— Это называется «малый бизнес», — сказал Когер. — Мне понравилось. Я там стоял у доски и думал: вот он я. Без плаща. Без масок. И они смотрят. Не потому что я лучший. А потому что я могу объяснить. И им правда нужно.

Зарина смотрела на него и не узнавала. То есть узнавала — но другого. Не того, кто прятался за циничными шутками. А того, кто вдруг перестал прятаться. И оказалось, что за цинизмом — обычная гордость. За маской — обычное лицо. За сарказмом — тепло.

— Ты изменился, — сказала она.

— Нет. Я просто перестал притворяться.

Когер посмотрел на часы.

— Мне правда пора. Там борщ. Мама ждёт.

Он встал. Накинул куртку — простую, чёрную, без плаща, без капюшона. Закинул рюкзак на плечо. Кивнул.

— Созвон.

— Созвон, — ответил Харон.

Когер пошёл к выходу. Походка — та же. Чуть крадущаяся. Но уже не как у разбойника, а как у человека, который привык экономить движения. У двери обернулся.

— Мелиса.

— Да?

— Ты молодец. С мед-институтом. Я забыл сказать.

Он вышел. Дверь качнулась и закрылась. Мелиса смотрела вслед и часто моргала.

— Я не ожидала, — сказала она. — То есть я думала, он скажет, что это ерунда. Или неважно. А он сказал «молодец». Это же просто слово. Но для меня — важно. Очень.

— Он хороший, — сказала Зарина. — Просто долго прятался.

— Как и мы.

Мелиса тоже встала. Накинула пальто. Поправила очки. Посмотрела на них — на Зарину, на Харона, на их соединённые руки.

— Я пойду, — сказала она. — У меня лекция. Правда.

— Иди, — сказал Харон. — Пиши.

— Я напишу. Я теперь всегда пишу. Даже когда не отвечают. Потому что я знаю: ответят. Может, не сразу. Но ответят.

Она ушла. Дверь качнулась снова — уже знакомо, уже привычно. За окном загорелся фонарь.

— А ты? — спросила Зарина. — Ты куда теперь?

— Я? Я с тобой. Ты куда — туда и я.

— У меня нет плана.

— У меня тоже.

Они посмотрели друг на друга. Интерфейс мигнул. «Квест: жить дальше» сменился на «Квест: жить вместе». Зарина улыбнулась.

— Справимся, — сказала она.

— У нас сто процентов смелости, — ответил Харон. — Куда мы денемся.

Они вышли из кофейни. Морозный воздух пах мокрым асфальтом и выхлопными газами — обычный, декабрьский, совсем не волшебный. И от этого — самый

настоящий.

Харон держал её за руку. Зарина смотрела под ноги, на серую плитку, на жёлтые разводы от реагентов. Ей хотелось запомнить каждую трещину. Каждый окурок у бордюра.

— Ты чего молчишь? — спросил он.

— Смотрю.

— На что?

— На всё. На снег. На лужи. На твои ботинки. Они у тебя смешные.

— Это «Саламандеры». Тёплые.

— Я вижу. Мне нравится.

Он остановился. Повернулся к ней — прямо посреди тротуара, загораживая проход какой-то старушке с тележкой. Старушка обошла их по газону и что-то проворчала. Харон не заметил.

— Ты серьёзно? — спросил он. — Про ботинки?

— Абсолютно.

— Почему?

— Потому что они твои. Настоящие. Не игровые сапоги с плюс-десять-к-броне. Обычные. Тёплые. Ты в них ходишь на работу. Или на учёбу. Или куда ты там ходишь.

— На учёбу. Заочка. Сессия через месяц.

— Вот видишь. А я не знала.

Они пошли дальше. Мимо серых панелек. Мимо ржавых гаражей. Мимо покосившегося ларька с шаурмой. Зарина вдыхала запах жареного мяса и лука — резкий, жирный, настоящий — и улыбалась.

— Есть хочу, — сказала она.

— Я тоже. Давай возьмём?

— А у тебя деньги есть?

— Карта. И немножко нала. С прошлой стипендии.

— Бери две. Я потом отдам.

— Не надо.

— Надо. Я теперь сама. Уволилась — значит, сама. За шаурму — точно сама.

Харон кивнул и подошёл к ларьку. Мужик за прилавком был в засаленном фартуке и с сигаретой в зубах. Он ловко нарезал мясо — нож мелькал, как кинжал разбойника, — и заворачивал в лаваш. Харон протянул деньги. Зарина стояла в стороне и смотрела, как парень в сером свитере покупает ей шаурму. Обычную. Не эпическую. Не легендарную. Просто еду. И это было лучше любого лута.

— Держи, — сказал Харон. — Осторожно, горячая.

Она откусила. Соус потёк по подбородку. Зарина засмеялась — громко, некрасиво, с набитым ртом. Харон тоже засмеялся. Они стояли у ларька, перемазанные соусом, счастливые, как два дурака.

— Я думала, — сказала Зарина с набитым ртом, — что после игры всё будет не так.

— А как?

— Ну, я думала, что будет пусто. Что всё это — дружба, любовь, смелость — только там. А здесь — работа, автобус, мама. А оказалось — здесь тоже есть. И шаурма. И смех. И ты.

Харон дожевал и вытер руки салфеткой. Посмотрел на неё серьёзно.

— Я тоже боялся. Думал, что вернусь в офис — и всё. Конец. Снова Excel. Снова никому не нужен. А ты пришла. И Когер пришёл. И Мелиса.

— Мы все пришли.

— Да. И это не конец.

Он помолчал. Потом добавил — медленно, с расстановкой, как всегда, когда говорил важное:

— Финал. Это был не финал. Так. Пролог.

Зарина доела шаурму. Вытерла рот рукавом — прямо как в игре, когда чихала от пыли. Только теперь не от пыли. От счастья.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал Харон. — Тут недалеко. Минут пятнадцать.

— Что?

— Увидишь.

Они свернули во двор. Прошли мимо детской площадки, где на покосившихся качелях сидели два подростка с пивом. Мимо старой трансформаторной будки, разрисованной граффити. Мимо ржавого гаража с номером «семнадцать». Харон остановился.

— Здесь.

— Что?

— Смотри.

Он показал на стену гаража. Граффити. Старое. Выцветшее. Но ещё различимое: рыцарь в сияющих доспехах, с мечом в одной руке, с книгой в другой. И надпись под ним, кривая, как будто её выводили дрожащей рукой: «Самый сложный рейд — тот, из которого не возвращаются».

— Это я, — сказал Харон. — Пять лет назад.

— Ты?..

— Да. Мне было семнадцать. Я играл в первую «Эдем». Там ещё не было розового интерфейса. И Пэйча не было. И админов не было. Только мы. Гильдия «Ржавые мечи». Пять пацанов из соседних дворов. Мы думали, что пройдем её до конца. Но не прошли. Сдохли на пятом уровне.

Он постучал костяшками по железу. Гараж отозвался глухим эхом.

— А потом игру закрыли. Сервер отрубили. И всё. Только граффити осталось. Я его каждое лето

подкрашивал. Думал: вот вырасту — и сделаю продолжение. Сам. Напишу код, арендую сервер, запущу. Но не сделал. Забыл. А потом попал в «Эдем-7». И всё повторилось. Как будто эта стена ждала меня.

Зарина подошла ближе. Провела пальцем по шершавому металлу, по выцветшей краске, по кривой надписи. И вдруг увидела: в углу, под рыцарем — ещё одно имя. Мелко. Почти стёрлось. «Паша».

— Ты тогда подписался, — сказала она. — Под рыцарем.

— Да.

— А теперь?

— А теперь я здесь. С тобой. И это важнее любого рейда.

Он повернулся. Посмотрел на неё. И в этом взгляде было всё — и тот гараж, и тот рыцарь, и та книжка, и та гильдия, и тот Паша, которому было семнадцать. И этот Харон. Которому двадцать два. Который стоит перед ней в сером свитере, с красными от холода щеками и говорит то, что не мог сказать пять лет.

— Я тебя люблю, — сказал он. — Не потому что ты маг. Не потому что ты спасла меня в шахте. А потому что ты — это ты. Из Питера. С автобусом. С шаурмой. С мамой.

Зарина молчала. Снег снова пошёл. Мелкий. Колючий.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

— Я тебя слышу.

— Я тебя люблю.

— Я знаю.

— И?..

— И я тебя тоже. Только я не умею так говорить. У меня нет технических терминов. Нет графиков. Нет метафор. Только я. И всё.

Он взял её за вторую руку. Теперь они стояли лицом к лицу, плечом к плечу, на фоне старого гаража. Снег падал на их волосы и таял. Харон улыбался — широко, открыто, как никогда не улыбался в игре.

— Мне хватает, — сказал он. — Этого хватает.

Зарина чихнула. Харон рассмеялся.

— Это не аллергия, — сказала она. — Это от счастья. Честно.

— Я верю.

Они стояли ещё минуту. Зарина смотрела на граффити и думала: вот он, финальный твист. Игра дала им не побег. Игра дала им — друг друга. И шаурму. И снег. И старую стену гаража с кривой надписью. И смелость уволиться. И смелость позвонить маме. И смелость сдать экзамен. И смелость проиграть в армрестлинг. Смелость жить.

Интерфейс мигнул. Она подняла глаза. Над стеной гаража, над старым рыцарем, над кривой надписью горело: «Достижение: Самый сложный рейд — пройден».

Зарина улыбнулась. Харон взял её за руку. И они пошли дальше — через двор, мимо детской площадки, мимо ларька с шаурмой. Им было куда идти. Они пока не знали куда. Но это было неважно. Потому что главный квест выполнялся прямо сейчас. Каждым шагом. Каждым вздохом. Каждым словом.

— Слушай, — сказала Зарина, — а ты правда написал тот код? Ну который хотел? Для продолжения?

— Нет. Но теперь напишу.

— Когда?

— После сессии.

— А я тебе помогу. Я в Питере на курсы записалась. С нового года. Геймдизайн. Основы. Пока только введение, но мне нравится. Там рассказывают, как придумывать миры. Не такие, как «Эдем». Другие. Где нет розового

интерфейса и бюрократов.

— А что есть?

— Ещё не знаю. Но когда узнаю — скажу. И ты напишешь код. А я придумаю квесты. Только давай без подземелий. Мне хватило.

— Без подземелий. Без Сборщиков. Без Пэйча.

— Пэйч хороший. Он просто запутался.

— Мы тоже путались.

— А теперь?

— А теперь — идём. И снег. И шаурма. И ты. И я.

Они вышли на проспект. Троллейбус дребезжал проводами. Женщина с коляской переходила дорогу. Где-то играла музыка — старая, из девяностых, из открытого окна маршрутки. Зарина вспомнила, как в детстве ездила с мамой в такой же маршрутке, и пахло бензином, и за окном мелькали фонари.

— Харон.

— М?

— А ты тоже видишь? Интерфейс?

— Да. Сто процентов смелости.

— И у меня.

— И у всех.

— Значит, не глюк.

— Не глюк.

— А он останется?

— Не знаю. Может, да. Может, нет. Но это неважно.

— Почему?

— Потому что это просто цифры. А мы — настоящие.

Зарина сжала его руку. Интерфейс мигнул и погас. Совсем. Остались только вечер, троллейбус, женщина с коляской и парочка подростков с пивом на покосившихся качелях. И два человека, которые только что прошли свой самый сложный рейд. И теперь учились жить. Без

интерфейса. Без подсказок. Без сохранений. По-честному.

Зарина доела шаурму. Харон смял обёртку и бросил в урну. Прوماхнулся.

— Минус два к ловкости, — сказала она.

— Это ветер. Снег в глаза.

— Оправдания. Орк-танк, который не попал в урну.

— Урна тоже уворачивалась.

Они засмеялись — и пошли дальше. Маршрутка проехала мимо, обдав их бензиновым выхлопом. Харон взял её за руку. Молча. Крепко. Не как в игре — там он держал шит, а не человека. А здесь — просто шёл и держал. И этого хватало.

Зарина вдруг остановилась. У витрины книжного. Старая вывеска, облупившаяся краска, пыльные стёкла. Внутри горел свет. Она прижалась носом к холодному стеклу.

— Там книги, — сказала она. — Настоящие.

— Ты что, не видела книг?

— Видела. Но не такие. Они пахнут.

— Чем?

— Пылью. Старой бумагой. Как в детстве, когда я ходила в библиотеку с бабушкой. Там был читальный зал, и все сидели тихо-тихо, и только страницы шуршали. Я думала, такого больше не бывает. А оно — вот.

Харон толкнул дверь. Звякнул колокольчик. Зарина шагнула внутрь — и замерла. Запах. Тот самый. Старой бумаги. Пыли. Клея. Свечного воска откуда-то, хотя свечей не было. И тишина. Не гнетущая, а мягкая. Как вата.

За прилавком сидел старик в вязаном жилете. Читал. Поднял глаза поверх очков.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказала Зарина шёпотом. — Мы просто посмотреть. Можно?

— Можно. Только тихо.

Она прошла между стеллажами. Харон — за ней. Пальцы скользили по корешкам. «Война и мир» в старом издании. «Собачье сердце» в мягкой обложке. «Учебник физики за десятый класс». Зарина взяла его. Полистала. Формулы. Графики. Законы.

— Ты смотри, — сказала она. — Это же то, о чём ты говорил. Тогда. В лимбе. Что физика — это не про формулы. А про то, как всё устроено.

— Я говорил про это?

— Да. Ты стоял в том коридоре и говорил, что магия — это просто физика, которую мы ещё не поняли. И что ты хочешь её понять. Помнишь?

Харон помнил. Он тогда стоял, прислонившись к стене, в доспехах, и смотрел на розовый интерфейс, и говорил — медленно, с расстановкой — что всё это: заклинания, порталы, даже её аллергия на ману — это просто код. И что код можно взломать. И что он хочет взломать. Не чтобы сбежать. А чтобы понять.

— Я тогда думал, что это важно, — сказал он. — Понимать. А теперь думаю — не понимать. А принимать.

— Как что?

— Как тебя. Я тебя не понимаю. И не хочу. Я просто тебя принимаю. Всю. С автобусом. С шаурмой. С чиханием. С мамой.

Зарина поставила учебник на место. Старик за прилавком перелистнул страницу.

— Пойдём, — сказала она.

— Куда?

— Куда-нибудь ещё. В какое-нибудь место. Где ничего не решается. Где просто тихо.

— Есть одно. Но там холодно.

— Мне не холодно.

Они вышли из книжного. Харон свернул в переулок — узкий, между двумя хрущёвками. Двор. Ещё двор. Детская площадка с покосившейся горкой. Скамейка. Старая. Деревянная. С облезшей краской. Под старым тополем.

— Это моё место, — сказал он. — Я здесь сидел, когда всё пошло не так.

— Что — всё?

— Жизнь. Учёба. Работа. Я тогда только устроился. Думал: вот сейчас — карьера, деньги, уважение. А пришёл — и понял: не моё. И пришёл сюда. Сидел и смотрел на дерево. Три часа. Пока не стемнело.

— А потом?

— А потом пошёл домой. И включил «Эдем».

— И попал.

— И попал.

Они сели на скамейку. Снег скрипел под ногами. Тополь стоял голый, чёрные ветки — как вены на старых руках. Зарина смотрела на него и думала: вот ещё одно место. Не в игре. Здесь. Во дворе. В Москве. На лавочке под тополем. И это — тоже важно.

— Я раньше думала, что волшебство — это что-то такое, — она показала руками в воздухе, будто рисовала фейерверк, — яркое. Светящееся. С порталами. А теперь знаю: волшебство — это когда ты сидишь на скамейке и тебе не страшно.

Харон ничего не ответил. Просто сидел рядом. Она чувствовала его плечо — тёплое, надёжное, в сером свитере. И вдруг поняла: ей не нужно, чтобы он говорил. Ей нужно, чтобы он был. И он был.

В кармане завибрировал телефон. Зарина достала. Сообщение. От Мелисы.

«Я дошла. На лекции. Сажу на первой парте. Раньше всегда садилась сзади. Теперь — спереди. Спасибо вам. Вы не знаете за что. Но я знаю».

Зарина показала Харону. Тот прочитал и кивнул.

— Она изменилась.

— Мы все.

Телефон пикинул снова. Теперь — Когер.

«Борщ. Сварил. С мамой. Получилось. Даже вкусно. Она говорит — пересолил. Я говорю — первый раз. Она говорит — ничего, научись. И я верю. Научусь. Потому что не страшно».

Зарина засмеялась. Харон тоже. Они сидели под тополем и смеялись — над борщом, над лекцией, над тем, что Когер пересолил суп. Над тем, что это и есть жизнь. Не эпическая. Не легендарная. Обычная. Пересоленный борщ. Первая парта. Старая скамейка.

— Я тоже хочу научиться, — сказала Зарина.

— Чему?

— Жить. Вот так. Без страха. Чтобы борщ пересаливать и не бояться. Чтобы на первую парту садиться. Чтобы в книжный заходить не потому, что там прячешься, а потому, что интересно.

— Ты уже научилась.

— Нет. Только учусь.

— Все учатся.

Он помолчал. Потом добавил — тихо, не как Харон-танк, а как Паша из Москвы:

— Я тоже учусь. Каждый день.

Зарина положила голову ему на плечо. Тополь скрипел. Снег переставал. Где-то в глубине двора хлопнула дверь подъезда. Залаяла собака. Жизнь шла своим чередом — громкая, неуклюжая, настоящая.

— Мне надо позвонить маме, — сказала она.

— Звони.

— Прямо здесь?

— Здесь.

Она достала телефон. Набрала номер. Долго слушала гудки. Потом — голос. Родной. С хрипотцой.

— Мам, это я.

— Ты где? Ты обещала приехать.

— Я приеду. Просто позже. Я тут... с одним человеком.

— С каким?

— С хорошим. Он из Москвы. Мы вместе. Мам, я хочу тебе сказать — я счастлива. Я правда счастлива. Я раньше не говорила, потому что боялась, что ты не поверишь. А теперь всё равно — веришь, не веришь. Я говорю.

Пауза. Потом — вздох.

— Я верю. Приезжай. Оба.

— Спасибо.

Она отключилась. Посмотрела на Харона.

— Она сказала «оба». Ты слышал?

— Слышал.

— Ты поедешь?

— Поеду. Только сначала сессия.

— У меня тоже курсы. С нового года.

— Значит, после Нового года.

— Да. После Нового года.

Они помолчали. Харон наклонился, поднял ветку и начал чертить на снегу. Схему. Какую-то сложную, с пересечениями.

— Что это?

— Это наша игра. Ну, та, которую мы придумаем. Без подземелий. Я тут набросал механику. Она на доверии. Не на мане. Не на статах. На доверии. Если игроки доверяют друг другу — они проходят. Если нет — не проходят. Всё.

— А квесты?

— Квесты будут простые. Сходить за хлебом. Погулять с собакой. Позвонить маме. Признаться в любви.

— Это же не игра. Это жизнь.

— Это и есть игра. Самая сложная. И самая простая.

Он дочертил схему и воткнул ветку в сугроб. Зарина смотрела на кривые линии, на пересечения, на стрелки. И вдруг поняла: они сделают это. Они сделают игру. Без подземелий. Без ботов. Без розового интерфейса. Просто — игру. О жизни. О том, как страшно и как хорошо быть человеком.

— Я напишу квесты, — сказала она. — А ты код.

— Договорились.

Он поднялся. Подал ей руку. Она встала, отряхнула пальто от снега. Небо темнело — ранний декабрьский вечер. Зажглись фонари. Обычные. Жёлтые. Не розовые. Не системные. Просто фонари. И этого хватало.

— Мне пора, — сказала она. — Автобус. Последний. В двадцать три десять.

— Я провожу.

— Не надо. Ты замёрзнешь.

— Я танк. У меня сопротивляемость к холоду.

— Это была игра.

— Игра кончилась. А я остался.

Она не спорила. Они пошли обратно — через дворы, через переулок, мимо книжного, где уже погасили свет, мимо ларька с шаурмой, где мужик в засаленном фартуке уже закрывал ставни. На остановке было пусто. Только старушка с тележкой ждала автобуса. Та самая, что обошла их по газону.

— Здравствуйте, — сказала Зарина.

Старушка подняла голову.

— Здравствуй, дочка. Домой?

— Домой.

— Вот и хорошо. А то смотрю — молодёжь. Стоят, целуются. А мне — ехать. Внуки ждут.

— Мы не целуемся, — сказал Харон. — Мы просто стоим.

— Ну и зря.

Зарина засмеялась. Харон покраснел. Старушка села в подошедший автобус — старый, дребезжащий, с номером, нарисованным от руки. Двери закрылись. Автобус уехал. Зарина посмотрела на Харона.

— Я приеду. Сразу после Нового года.

— Я встречу.

— Где?

— Здесь. На остановке. В то же время. В двадцать три десять.

— Это же неудобно.

— Мне удобно. Я буду ждать.

Она подошла ближе. Он был выше. На полголовы. И пах снегом.

— Я не прощусь, — сказала она. — Потому что прощаться — это как будто навсегда. А я не хочу навсегда. Я хочу просто — до встречи.

— До встречи.

— Пиши.

— Ты тоже.

Она вошла в автобус. Села у окна. Харон стоял на остановке, в сером свитере, и смотрел, как автобус уезжает. Зарина помахала ему. Он поднял руку. Автобус свернул за угол. Улица опустела. Остался только снег. И парень в сером свитере. И тополь. И скамейка. И старая библиотека. И всё это — вместе — и было самым сложным рейдом. Пройденным. До конца.

Зарина закрыла глаза. Автобус трясся на ухабах. В окне мелькали фонари. Обычные. Жёлтые. Она улыбалась.

Потому что знала: через месяц — Новый год. А после — новая игра. Без подземелий. Без ботов. Без страха. Потому что смелость — это не когда не боишься. А когда боишься — и всё равно едешь. На последнем автобусе. В двадцать три десять.

Об издании

Текст создан с помощью ИИ по заказу читателя. Для личного чтения.

Возрастное ограничение: 16+

P.S. от Айлетописи

Эту книгу мы написали по короткому описанию — так же, как любую в нашем сервисе. Понравилось?

Напишите свою историю: герой — вы или ваш близкий, сюжет покажем до оплаты.

ailetopis.ru/create

Написать свою историю